

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№4 (23) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»
© Лаборатория
межкультурных коммуникаций
© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 8,5 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 512

Отпечатано в типографии

“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Котлярова Т. Я.** Роль сильных позиций текста в организации рефлексивной деятельности реципиента7
- Ткаченко И. Г.** Художественная концептосфера сказочного текста Новалиса (на материале сказки „Märchen von Fabel und Eros“)...13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Акинина А. В.** Дискурс и «формат»22
- Алекберова И. Э.** Взаимодействие лексики и грамматики в научно-популярных текстах26
- Базарова Л. В.** Основные структурные характеристики концепта32
- Деулина Е. Н., Крашенинникова Н. А.** Речевое воздействие в инструктирующем дискурсе37
- Нечепоренко Н. М.** Энциклопедический текст как итог процессов научной концептуализации и категоризации43
- Сандалова Н. В.** Полные и краткие варианты правовых терминов (в русском и английском языке)50
- Хасанова О. О.** Текстема «Машенька» как модальная доминанта в одноименном романе Владимира Набокова58

ЯЗЫК СМИ

- Бичарова М. М.** Типологическая модель жанра «книжное обозрение»62

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Куниловская М. А., Короводина Н. В.** Авторская метафора как объект перевода73
- Маклакова Е. М.** Устойчивые выражения с орнитологическим компонентом «курица» в русском языке и их английские и французские соответствия82
- Федуленкова Т. В., Попова А. С.** Изоморфизм генетических связей фразеологии английского, немецкого, шведского языков89
- Юдина И. Ю.** Пословичная картина мира в английском языке95
- Юнгерова О. В.** Структурные типы парцеллированных конструкций в современном французском языке101
- Яковлев А. А.** Перевод и лингвистика текста108

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Малетина О. А. Методические рекомендации по формированию аудитивных навыков в неязыковом вузе	114
Панкратова Е. А. Проблема учебника для неязыковых вузов в методике преподавания иностранных языков	120

АННОТАЦИИ	128
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Kotlyarova T. Y.** The Role of Strong Text Positions in the Organization of Reflective Activity of a Recipient7
- Tkachenko I. G.** Sphere of Artistic Concepts of Fairy-Tale Text of Novalis (on Material of Fairy-Tale ‘Märchen von Fabel und Eros’)13

LANGUAGE STUDIES

- Akinina A. V.** Discourse and ‘Format’22
- Alekberova I. E.** Interaction of Vocabulary and Grammar in Scientific Popular Texts26
- Bazarova L. V.** Basic Structural Characteristics of Concept32
- Deulina E. N., Krasheninnikova N. A.** Speech Influence in Instructive Discourse37
- Necheporenko N. M.** Encyclopedic Text as the Summary of Processes of Scientific Conceptualization and Categorization43
- Sandalova N. V.** Full and Shortened Variants of Legal Terms (in Russian and English)50
- Khasanova O. O.** Texteme ‘Mashenka’ as a Modal Dominant in the Novel of the Same Name by Vladimir Nabokov58

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Bicharova M. M.** Typological Model of the Genre ‘Knizhnoe Obozrenie’62

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Kunilovskaya M. A., Korovodina N. V.** Active Metaphors in Literary Translation73
- Maklakova E. M.** Set Expressions with the Ornithological Component “Hen” in Russian Language and Their English and French Correspondences82
- Fedulenkova T. N., Popova A. S.** Isomorphism of Genetic Connections: Phraseology of the English, French and Swedish Languages89
- Yudina I. Y.** Proverbial World Picture in the English Language95
- Yungerova O. V.** Structural Types of Parcellated Constructions in the Contemporary French Language101
- Yakovlev A. A.** Translation and the Text Linguistics108

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Maletina O. A. Methodical Recommendations for Formation
of Audit Skills in Non-Language University114

Pankratova E. A. Problem of a Textbook for Non-Language Universities
in Methods of Teaching Foreign Languages120

ABSTRACTS128

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОЛЬ СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА В ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЛЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЦИПИЕНТА

Т. Я. Котлярова

Статья посвящена исследованию роли сильных позиций текста в процессе построения читательской проекции. На примере анализа содержательной программы новеллы «Romance moderne» Ж. Борлармо выявляются особенности функционирования названия и финальной фразы как элементов смыслопорождающего устройства текста.

Ключевые слова: сильные позиции текста, читательская проекция текста, рефлексия, герменевтический круг, текстовые знаки.

Психологи отмечают, что при восприятии любой последовательности знаков действует «правило края»: начало и конец любого информационного ряда, из чего бы он ни состоял, сохраняется в памяти человека лучше, чем середина. Важная роль начала и конца текста в процессе восприятия неоднократно была подтверждена экспериментально и теоретически обоснована многими исследователями. Подчеркивая особую значимость этих элементов структуры текста, И.В. Арнольд назвала их «сильными позициями» [1. С. 24]. В.А. Лукин отмечает, что решающее значение «сильных позиций» текста «осознаётся писателями и поэтами и является объектом их рефлексии уже с позиции получателя» [3. С. 89].

Текстовые знаки по форме выражения могут совпадать с языковыми, но в тексте они приобретают принципиально иные значения и функции. Заголовок, по определению В.А. Лукина, представляет собой «сильную позицию» текста, то есть является одним из знаков, играющих решающую роль в понимании и истолковании целого текста и образующих его формально-семантическую структуру [3. С. 59].

На наш взгляд, для определения параметров текстовых знаков может быть использована классификация одного из основоположников семиотики, американского философа и логика Ч.С. Пирса, который разделил знаки на три вида: символы (условные, конвенциональные

знаки), указательные (дейктические) знаки и иконы (знаки, форма и денотат которых сходны в том или ином отношении) [4].

Классификация Ч.С. Пирса не исчерпывают всего многообразия языковых и текстовых знаков, поэтому, вслед за В.А Лукиным, мы считаем необходимым также оценивать текстовые знаки по степени мотивированности, то есть неслучайности связи формы и денотата [3. С. 13].

При первом знакомстве с текстом любой заголовков, независимо от того, понятен ли он читателю с точки зрения семантики, прежде всего выполняет функцию индексального текстового знака, поскольку он находится в отношениях пространственной смежности с текстом (перед и над письменным текстом), указывает на текст (референт), но не характеризует его В.А. Лукин отмечает, что на текст указывают все без исключения заголовки, но не все способствуют созданию читательской проекции текста (например, заголовки, выраженные именами собственными, не являющимися культурными символами) [3. С. 59].

В отношении роли заголовка в восприятии художественного текста интересна точка зрения У. Эко, считающего, что «автор не должен интерпретировать свое произведение», но этой установке «противоречит тот факт, что роману требуется заглавие», которое уже является «ключом к интерпретации»: «Восприятие задается словами «Красное и черное» или «Война и мир». Исследователь считает, что «самыми тактичными» по отношению к читателю являются заглавия, которые сведены к имени героя, например, «Давид Копперфильд» или «Робинзон Крузо», хотя и в этом случае тоже «навязывается» авторская точка зрения – заглавие подсказывает, кто является самым главным героем. У. Эко со свойственным ему тонким юмором замечает, что, «наверно, лучше такая честная нечестность, как у Дюма – там хотя бы ясно, что «Три мушкетёра» – на самом деле о четырёх» [5. С. 428-429].

Разделяя в какой-то мере точку зрения У. Эко, всё же отметим, что у автора есть право выбора функций заголовка – в одних случаях роль заглавия может ограничиться индексальной функцией, а в других заголовков, способствуя пробуждению рефлексии читателя, может активно участвовать в создании проекции текста. Представляется, что точка зрения У. Эко более справедлива в отношении романов, поскольку объём произведения позволяет применять разнообразные и многочисленные приемы смыслопостроения. В короткой новелле таких возможностей у автора нет, поэтому роль заголовка в

построении читательской проекции текста возрастает, заголовок в результате рефлексивной деятельности читателя может претерпевать эволюцию от индексального знака к мотивированному условному и способствовать проникновению в глубинный смысл текста.

Наглядным примером, демонстрирующим роль сильных позиций текста в пробуждении читательской рефлексии, является мини-новелла Ж. Борлармо «Romance moderne» [6]. Её название не только является индексальным знаком, но и обеспечивает возможность прогнозировать содержание текста. Заголовок «**Romance moderne**» является своего рода типологической характеристикой текста и позволяет предположить, что новелла представляет собой романтическую историю, но не в классическом, а в «современном» понимании, и поэтому читатель должен быть готов к неожиданному повороту событий, найти ответ на вопрос – в чём же заключается «современность» этой истории.

Начало новеллы – описание серой, неприветливой парижской улицы, где все торопятся, занятые своими мыслями. Главный герой выделяется из толпы тем, что он, погруженный в созерцание витрины, никуда не торопится – *«contraste de calme avec le reste du monde»* («контраст спокойствия по отношению к остальному миру»).

Для реконструкции смысла «одинокость в толпе» не требуется рефлексивных усилий, история выглядит весьма обычно. Единственная имплицитно выраженная информация, требующая рефлексии на когнитивном уровне – то, что герой на самом деле не занят рассматриванием витрины, а погружен в свои мысли. Впрочем, даже если бы читатель об этом не догадался, продолжение не оставляет сомнений в том, что причина такого поведения – страдания, связанные с несчастной любовью: *«Il n'est pas avec eux, il est avec sa Dame Blanche»* («Он не с ними, он со своей Белой дамой»), именно ради любви к этой таинственной женщине он отказался от всего. Последующий внутренний монолог однозначно даёт понять читателю, что герой хочет забыть возлюбленную, причиняющую ему столько страданий, но не может этого сделать: *«Il l'aime ! Il l'aime tellement... Il a besoin d'Elle ! Et pourtant... il lâche ses rêves deux secondes pour contempler là où Elle l'a mené... Il n'a plus rien, que son besoin d'Elle... Mais Elle est tellement forte, tellement inaccessible... Oublier ! C'est cela, il doit enfin oublier ! Il n'a plus le choix...»* («Он её любит! Он её так любит... Она ему нужна! И всё же... он на две секунды прерывает свои мечты и видит, до чего она его довела... У него больше нет ничего, кроме потребности в ней... Но она такая

сильная, такая недоступная... Забыть! Вот именно, он должен наконец забыть! У него больше нет выбора...»). Терзания молодого человека по-прежнему кажутся банальными, но рефлектирующий читатель уже может заметить, что история на самом деле не так проста – что значит «là où Elle l'a mené»? В чём именно сила этой «Белой Дамы»? В каком смысле у героя нет больше выбора?

Ответ на эти вопросы даёт последующее развитие событий: «*Il est allongé. Son visage est calme et serein, presque celui d'un Ange. Tout à l'heure, il a retrouvé sa Dame Blanche, sa seule pensée... Elle ! Elle était là ! Devant lui ! D'un coup, d'un seul, il a voulu combler son manque, chercher l'osmose*» («Он лежит. Его лицо спокойно и безмятежно, почти как у ангела. Только что он вновь обрёл свою Белую Даму, его единственную мечту... Она! Она здесь! Перед ним! Быстро, одним движением, он попытался восполнить её отсутствие, слиться с ней»).

Фрагмент воспринимается как описание встречи с любимой, причем даже употребление термина «osmose» («осмос») может быть понято как метафора, поскольку в буквальном значении это – явление медленного проникновения растворителя через разделяющую два раствора различной концентрации тонкую перегородку, непроницаемую для растворённых веществ. Отметим, что лексическая единица «осмос» встречается только в энциклопедических русскоязычных словарях и словарях иностранных слов, причем указаний о возможном использовании слова в переносном смысле нет, из чего следует, что в русскоязычной картине мира такая метафора отсутствует. Словари же французского языка отмечают фигуральное значение этого слова – «**interpénétration, influence réciproque**» («взаимопроникновение, взаимное влияние»). Таким образом, для русскоязычного реципиента существует трудность на уровне семантизации, и при обращении к словарю возникает новая проблема: трудность выбора между прямым и фигуральным значением слова. В контексте любовной истории эта лексическая единица воспринимается как метафора, метафорическое понимание соответствует первичному варианту проекции текста, заданному названием.

Продолжение на первый взгляд убеждает читателя в том, что теперь всё хорошо: «*Et maintenant, c'est fini, il est comblé, il a résolu ses problèmes, et le brouillard de sa tête s'est levé... Il ne bouge pas, il a l'air de savourer, il a l'air infiniment bien...*» («И вот теперь всё кончено, он удовлетворён, он решил свои проблемы, туман из головы ушёл... Он не двигается, он как будто бы наслаждается, с ним будто бы

всё в порядке...»). Но поводом для сомнения в счастливом исходе являются следующие детали: почему он не двигается? Почему автор употребляет выражение «il a l'air...», а не говорит прямо о том, что герою хорошо, что он испытывает наслаждение? Ведь лексическая единица «avoir l'air» содержит пресуппозицию «на самом деле всё может быть иначе». Особенно зловеще выглядит следующая фраза: «Il a l'air vivant aussi...» («Он будто бы выглядит живым...»).

В первоначальной проекции текста накапливаются противоречия, что даёт основания для её пересмотра. И наконец, финальная реплика соединяет все части целого: «Et pourtant sa Dame Blanche en robe de seringue l'a tué à coup d'overdose» («И всё же его Белая Дама в платье из шприца убила его превышением дозы»).

На этом этапе читательская проекция подвергается коренной перестройке, так как ожидания обмануты: вместо романтической любовной истории мы видим историю гибели юноши из-за пагубного пристрастия к наркотикам – той самой «Белой Даме», которая оказалась метафорическим образом. Для русскоязычного реципиента понимание этого момента затруднено тем, что существительное «героин» в русском языке мужского рода, как и слово «наркотик», поэтому ассоциация с «дамой» может возникнуть только через картину мира французского языка. Вместе с тем, данные расхождения в языковых картинах мира автора и реципиента не являются, на наш взгляд, препятствием к пониманию, а лишь определяют особенности протекания процессов рефлексии. К тому же, лексические единицы «robe de seringue» и «overdose» позволяют восстановить события этой «романтической» истории и понять, в чём её «современность». Реконструкция смыслов «деструктивная сила наркотиков», «потеря смысла жизни», «псевдоромантизм наркомании» и т.д. возможна только в результате мыследеятельности читателя, и в этом заключается, на наш взгляд, художественная и нравственная ценность новеллы, так как читатель является созидателем смыслов, которые могут обогатить его личность, в отличие от текстов, которые навязывают готовые суждения о вреде наркотиков.

В анализируемой новелле мы видим, что её начало и конец – основные отправные точки для пробуждения читательской рефлексии. Название позволяет начать строительство проекции текста ещё до чтения, а финальная фраза обеспечивает цельность, заставляет перестроить уже, казалось бы, почти завершенную проекцию текста и ещё раз, уже с позиции цельности, возвращает читателя к назва-

нию, рождая смысл «горькая ирония» по отношению к «романтичности» любви к наркотикам.

По мнению Г.Г. Гадамера, «части определяются целым и в свою очередь определяют целое: благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое» [2. С. 72]. Представленный анализ подтверждает основное герменевтическое правило: целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное – на основании целого, часть и целое образуют герменевтический круг. С одной стороны, смысл названия и финальной реплики определяется содержанием текста; с другой стороны, содержательность текста становится доступной в полном объеме только при условии понимания элементов текстовой структуры, находящихся в сильных позициях.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978, №4. С. 23–31.
2. Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 367 с.
3. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М. : Ось-89, 1999. 192 с.
4. Пирс, Ч. С. Grammatica speculativa // Логические основания теории знаков. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 40–223.
5. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. М. : Книжная палата, 1989. С. 428–467.
6. Borlarmo, J. Romance moderne // 1000 nouvelles. URL : <http://www.1000nouvelles.com/index.html>

List of literature

1. Arnol'd, I. V. Znachenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii hudozhestvennogo teksta // Inostrannyye yazyki v shkole. 1978, №4. S. 23–31.
2. Gadamer, G. G. Aktual'nost' prekrasnogo. M. : Iskusstvo, 1991. 367 s.
3. Lukin, V. A. Hudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza. M. : Os'-89, 1999. 192 s.
4. Pirs, Ch. S. Grammatica speculativa // Logicheskie osnovaniya teorii znakov. SPb. : Laboratoriya metafizicheskikh issdelovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteyya, 2000. S. 40–223.
5. Eko, U. Zametki na polyah «Imeni rozy» // Imya rozy. M. : Knizhnaya palata, 1989. S. 428–467.
6. Borlarmo, J. Romance moderne // 1000 nouvelles. URL : <http://www.1000nouvelles.com/index.html>

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА СКАЗОЧНОГО
ТЕКСТА НОВАЛИСА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ
„MÄRCHEN VON FABEL UND EROS“)**

И. Г. Ткаченко

На сегодняшний день изучением и исследованием концептов занимаются представители различных лингвистических направлений (лингвокультурологическое, лингвокогнитивное, психолингвистическое). В рамках данной статьи рассматривается вопрос о типах и методах исследования концептов в лингвистической литературе. Информация, заключенная в концепте, чрезвычайно многогранна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами. Художественные концепты существуют в пространстве текста, который представляет собой сложную систему. В рамках художественного текста автор строит свой художественный мир и реализует индивидуальную концептуальную систему.

Ключевые слова: концепт; типы и методы исследования концептов; художественный концепт; литературная сказка.

В процессе изучения вопроса эволюции термина «концепт», анализируя взгляды на природу данного термина исследователей различных лингвистических направлений, приходим к мысли о наличии различных точек зрения как на определение самого термина, так и на расхожесть мнений в его типологии и методах исследования.

В настоящее время в лингвистической литературе уже имеют место работы, где предлагается различная типология концептов в зависимости от основного принципа, положенного в основу дифференциации концептов.

Представители лингвокогнитивного направления (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин, З.Д. Попова и др.), определяя концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»

[6. С. 90], различают концепты по следующим признакам: а) по признаку стандартизованности: индивидуальные, групповые, общенациональные концепты (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин); б) по характеру концептуализируемой информации: представления, схемы, гиперонимы, фреймы, скрипты/сценарии, гештальты, инсайты, калейдоскопические концепты (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин). Кроме того, З.Д. Попова, И.А. Стернин в своем исследовании «Очерки по когнитивной лингвистике» выделяют следующие типы концептов: а) по степени устойчивости: устойчивые, то есть регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме, и неустойчивые (нерегулярно или совсем не вербализуемые концепты); б) по степени абстрактности: абстрактные и конкретные; в) по наблюдаемости или по форме: вербализованные (для них есть регулярные языковые средства выражения) и скрытые [9. С. 34].

Исследователи лингвокультурологического направления (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, С. Х. Ляпин, Ю. С. Степанов, Г.Г. Слышкин, Л. О. Чернейко и др.), в свою очередь, терминологизируя концепт как «вербализованный культурный смысл, являющийся семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет в свою очередь двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена» [11. С. 68], также разделяют концепты на различные типы по дефиниционным признакам. В этой связи С.Г. Воркачев отмечает: «разновидности лингвоконцептов в пределах дефиниционной формулировки растут, «как трава» – не имея под собой какого-либо последовательного классификационного основания, что весьма затрудняет их типологию» [2. С. 8]. При этом исследователь подчеркивает, что неопределенность дефиниционного признака приводит к «узкому» и «широкому» пониманию лингвоконцепта.

Г.Г. Слышкин выделяет по характеру ценностной составляющей следующие типы концептов: а) индивидуальные (персональные, авторские), б) микрогрупповые (в семье, между близкими людьми), в) макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и т.д.), г) национальные, д) цивилизованные, е) общечеловеческие. По типу носителя исследователь выделяет индивидуальные и коллективные (10). Добавим, что, по мнению Г.Г. Слышкина, коллективные концепты следует рассматривать как «условные исследовательские единицы, направленные на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [10. С. 128].

В свою очередь, В.И. Карасик определяет три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные [4. С. 87-88]. Деление лингвоконцептов, по замечанию С.Г. Воркачева, на индивидуальные (идеостилевые), групповые и национальные основывается на том очевидном факте, что любое общество состоит из отдельных личностей и, как правило, в нем выделяются определенные социальные группы, обладающие собственными концептосферами [4. С. 118], в которых индивидуальные и национальные концепты специфически модифицируются [2. С. 9].

На сегодняшний день существует многообразие конкретных методических приемов изучения концептов, что свидетельствует о неоднородности самого явления. В связи с тем, что концепт вбирает в себя большое количество смыслов и смысловых оттенков, при его реконструкции важно комбинирование данных всех уровней его представленности в языке. Поэтому применение комплексной методики признается наиболее целесообразным многими исследователями (Алферова 2005; Карасик 1996; Крючкова 2005; Попова, Стернин 2001 и др.).

Выбор методики или методов исследования концепта зависит, как считают исследователи, от нескольких факторов: во-первых, от подхода, в рамках которого осуществляется изучение концепта (психологический, логический, философский, лингвокультурологический, лингвокогнитивный, интегративный), во-вторых, от структурного и содержательного типа концепта, в-третьих, от языкового материала, который принимается во внимание исследователем как основа языковой объективации концепта, в-четвертых, от того, исследуется ли концепт только в пределах языковой картины мира одного этноса или в сопоставительном аспекте, когда к изучению привлекаются языковые картины мира двух или трех этносов.

В.А. Маслова считает, что «использование тех или иных методов, а также методик, приемов и способов исследования в каждом конкретном случае зависит не только от сложности концепта, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения (печатные СМИ, электронные, классическая литература, паремиологический фонд)» [7. С. 45].

В свете сказанного нам представляется возможным упомянуть о новых методах исследования концептов на материале художественной литературы, еще не получивших на сегодняшний день всеоб-

щего признания: метод «герменевтического круга», разработанный Г. Гадамером, методика и схема действий читателя при понимании смысла Г. Богина и метод текстового анализа Р. Барта. В своих исследованиях И.П. Черкасова использует именно эти методы и отмечает, что в основе метода «герменевтического круга» лежит мысль о бесконечности познания текста, при котором процесс понимания смысла проходит по кругу (по спирали). Таким образом, отмечает исследователь, на каждом витке спирали уровень понимания значительно возрастает [13. С. 63-64]. В основе же методики Г. Богина, по мнению того же исследователя, лежит идея о выявлении смыслов текста и на их основе формирования и исследования метасмыслов и метасвязей текста. Р. Барт предлагает расчленять текст на короткие сегменты, проследить коннотативные смыслы лексических единиц и провести «развертывание текста» [13. С. 63-64].

В рамках нашего научного исследования мы уделяем более пристальное внимание изучению художественных концептов, «существующих в пространстве текста и представляющих собой сложное, многогранное и многоуровневое структурно-семантическое образование» [14. С. 58-60]. Художественные концепты, как отмечает С.А. Аскольдов, тяготеют к образу, но образ в данном случае лишь намек, ключ к раскрытию по части целого. И секрет творчества проявляется в художественном тексте не в рациональности, а в подборе слов и образов, направляющих художественную ассоциативность [1. С. 273]. В рамках художественного текста выделяются художественные концепты как «универсальные элементы смысла» [5. С. 15], которые в совокупности образуют авторскую концептосферу. Изучение языковой репрезентации художественного концепта является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста и для понимания менталитета данной литературной личности, ее творческой манеры.

Материалом нашего исследования как вариантом художественного текста послужила литературная сказка. «Художественный мир литературной сказки, - как отмечает Л. В. Овчинникова, - сложен для описания и изучения, для различных классификаций, но доступен и открыт для восприятия» [8. С. 71]. Для постижения смысла (концепта) в литературной сказке необходимы его «кристаллизация» (Гумбольдт), то есть «формирование слова с однозначно очерченным смыслом» [13]. Возникновение смысла слова в тексте, представляющий собой процесс кристаллизации был подробно исследован И.П.

Черкасовой в её работах [12; 13]. Изучение процесса кристаллизации позволяет не только определить базовые смыслы, но и проследить процесс их взаимодействия, а иногда и вытеснение одних смыслов другими» [14. С. 82]. Отметим также, что для понимания текста литературной сказки необходимо столкновение с герменевтикой, одним из методов которой является метод интерпретации. То, что, как называет Г. Гадамер, «никогда не достигнет окончательного посредничества между человеком и миром, и поэтому единственно подлинная непосредственность и данность – это то, что мы понимаем нечто как нечто» [3]. Интерпретация имеет место там, где наличествует многообразие смыслов.

В рамках данной статьи мы частично представим результаты исследования авторской концептосферы Новалиса на материале сказки **„Märchen von Fabel und Eros“**, включенной автором в содержание романа **„Heinrich von Ofterdingen“**.

Для более глубокого проникновения в художественный (сказочный) мир Новалиса и постижения авторской концептосферы нами была детально проанализирована сказка **„Märchen von Fabel und Eros“**. Для обнаружения наиболее значимых для Новалиса категорий, получивших свое отражение в сказке, мы провели количественный анализ имен существительных и личных местоимений, заменяющих их, осуществили анализ частотных слов и выделенных синонимических рядов, составили словарь-конкорданс и проанализировали процессы кристаллизации смыслов выделенных ключевых слов. Результаты наших научных исследований в данной статье представлены частично.

В результате интерпретации процесса кристаллизации смыслов базовых концептов мы установили взаимоотношения между словами, образующими сложную систему. Наиболее очевидным представляется противопоставление автором добра и зла, мира духовного и материального, любви абсолютной и земной, вечности и времени. Вследствие этого авторская концептосфера представляется нам в виде вертикальной структуры, основные части которой расположены противоположно друг другу, представляя собой вечную борьбу противодействующих сил. Систему важных для автора категорий мы отразили в схеме (см. схему 1).

Представленную схему можно проинтерпретировать следующим образом: полюс «+» представляет собой высший предел – мир духовный, обитель добра и любви абсолютной, которые существуют в

вечности и принадлежат Богу. Полнос «-» противостоит полюсу «+» и являет собой жизнь в мире людей, мир земной (материальный), где присутствует любовь земная, этот мир полон зла и невежества, ограничен временем и как следствие обречен на смерть. Пограничную зону разделили между собой категории Mond и Sonne.

Таким образом, становится очевидным, что земной мир (Erde), находясь под покровительством «владычицы» жизни (Mond), **рас**творяется в море материальной (Mutter) **жизни (Meer) и нитью** жизни (Faden) плетет судьбы людей (Volk). Кладовая души – внутренний мир человека (Zimmer) **хранит в себе любовь земную (Liebe)**, духовное и материальное начало (Sphinx). Но, подчиняясь инстинктам и ограниченному материальным мыслям (Schreiber), человечество рискует оказаться в Höhle, где царствует время (Zeit), где судьбами людей управляют и вершат их темные силы зла (Norden), где свет сменяет сумрак и тьма (Nacht), которые превращают все в пепел и обращают жизнь в смерть (Asche). **Наряду с миром земным** существует путь, восхождение (Treppe) в мир духовный (Welt), который предполагает единение с Богом (Sonne). **Сердце (Herz), найдя источник** очищения (Feuer), обретает душевное тепло (Saal), томящееся в несметной тоске (Sehnsucht) **в ожидании своего обновления и** возрождения (Wiege), ищет утешения и покровительства (Brust). С помощью силы мудрости (Schale) душа наполняется разумом (Vater), воссоединяется с божественным духом (Luft) и **достигает совершенства (Stadt), единства (Thron) с Богом, ощущая его незримое** присутствие (Altar), **проливающее свет (Licht) и устанавливающее** справедливость (Schwerdt). Появляется внутреннее ощущение гармонии (Musik) и бесконечности жизни, возрожденной из пепла (Phönix), в которой живет истинная любовь (Freya) к Богу (König) и обращенная в вечность, к Абсолюту (Himmel).

Заметим, что мы намеренно не включили в данную систему наиболее важные ключевые слова: Fabel, Eros, Ginnistan, Sophie, Mutter, Vater, так как данные слова представляют собой высшие силы, ниспосланные Богом в мир людей, чтобы спасти их от верной гибели, ведущей к смерти. Поэзия (Fabel), **Любовь (Eros) и Фантазия (Ginnistan)**, наделенные Премудростью Божьей (Sophie), увлекают мир за собой, побеждая силы зла и тьмы, и обращают его в вечность, где правит всем истинная, абсолютная любовь.

Таким образом, в результате лингвистического анализа перед нами предстает круг основных для Новалиса концептов в сказке,

определяющих авторское мировоззрение. Мы отмечаем, что сказка реализует в рамках различных «привычных и непривычных» [14] образов неповторимые индивидуально-авторские смыслы и концепты и открывает нам иной мир, мир новых впечатлений и ощущений.

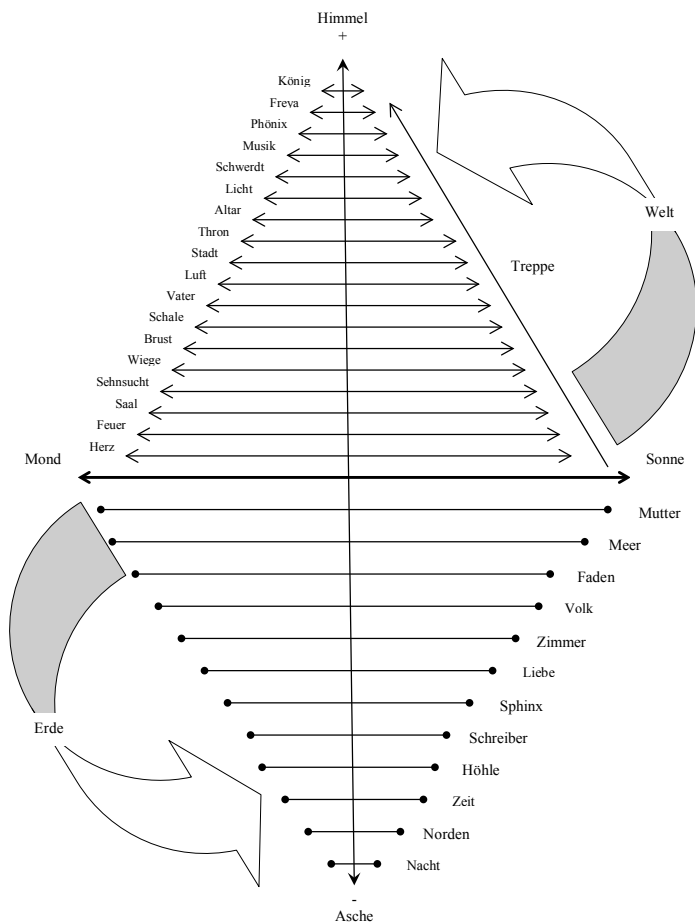

Схема 1. Система базовых концептов Новалиса

Список литературы

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структу-

List of literature

1. Askol'dov, S. A. Kontsept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture

- ре текста. Антология. М., 1997. С.267–279.
2. Воркачев, С. Г. Новое в когнитивной лингвистике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Концептуальные исследования / Науч. ред. М.В. Пименова. Вып. 8. Кемерово, 2006. С.3–14.
3. Гадамер, Г. Язык и понимание // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 43–60.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Колесникова, В. В. Художественный концепт «Душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 21 с.
6. Кубрякова, Е. С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : МГУ, 1996. С.90–93.
7. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. М. : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
8. Овчинникова, Л. В. «Иные царства» и миры: к вопросу о художественном пространстве литературной сказки XX в. // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 4. М., МПГУ, 1999. С. 70.
9. Попова, З. Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- teksta. Antologiya. M., 1997. S.267–279.
2. Vorkachev, S. G. Nove v kognitivnoy lingvistike // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Kontseptual'nye issledovaniya / Nauch. red. M.V. Pimenova. Vyp. 8. Kemerovo, 2006. S.3–14.
3. Gadamer, G. Yazyk i ponimanie // Gadamer G. Aktual'nost' prekrasnogo. M. : Iskusstvo, 1991. S. 43–60.
4. Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd, 2002.
5. Kolesnikova, V. V. Hudozhestvennyj kontsept «Dusha» i ego yazykovaya reprezentatsiya (na materiale proizvedeniy B. Pasternaka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2008. 21 s.
6. Kubryakova, E. S. Kontsept // Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Kratkiy slovar' kognitivnyh terminov. M. : MGU, 1996. S.90–93.
7. Maslova, V. A. Kognitivnaya lingvistika: Uchebnoe posobie. M. : TetraSistems, 2004. 256 s.
8. Ovchinnikova, L. V. «Inye tsarstva» i miry: k voprosu o hudozhestvennom prostranstve literaturnoy skazki XX v. // Mirovaya slovesnost' dlya detey i o detyah. Vyp. 4. M., MPGU, 1999. S. 70.
9. Popova, Z. D., Sternin, I.A. Ocherki po kognitivnoy lingvistike. Voronezh, 2001.

10. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000.
11. Телия, В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. Москва, 2004. С. 674–684.
12. Черкасова, И. П. Лингвистический анализ элегий Р. М. Рильке (лексика и синтаксис «Дуинских элегий») : дисс. канд филол. наук. Пятигорск, 1997. 242 с.
13. Черкасова, И. П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления: Монография. Армавир: АГПУ, 2005. 256 с.
14. Черкасова, И. П. Художественный концепт как смысловой фокус поэтического мира // Герменевтика поэзии. Армавир: АГПУ, 2007. С. 58–88.
10. Slyshkin, G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M. : Academia, 2000.
11. Teliya, V. N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov // Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. statey v chest' N.D. Arutyunovoy. Moskva, 2004. S. 674–684.
12. Cherkasova, I. P. Lingvisticheskiy analiz elegiy R. M. Ril'ke (leksika i sintaksis «Duinskih elegiy») : diss. kand filol. nauk. Pyatigorsk, 1997. 242 s.
13. Cherkasova, I. P. Lingvokul'turnyj kontsept «angel» v prostranstve hudozhestvennogo myshleniya: Monografiya. Armavir: AGPU, 2005. 256 s.
14. Cherkasova, I. P. Hudozhestvennyj kontsept kak smyslovoy fokus poeticheskogo mira // Germenevtika poezii. Armavir: AGPU, 2007. S. 58–88.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДИСКУРС И «ФОРМАТ»

А. В. Акинина

В статье высказывается мысль о том, что в современной науке наблюдается складывание всеобщего когнитивного дискурса, а языковая система как таковая в целом является системой «формата».

Ключевые слова: дискурс, «формат», стандарт, языковая структура.

В современной лингвистике прочно утвердился курс на исследование «человека в языке», рассматривающий язык в многообразии его речевых реализаций – «конкретного говорения» конкретных субъектов речи. Согласно установившемуся мнению лингвистического сообщества, именно субъектно-субъектный подход к языку (который теперь мыслится в противоположность сосюрховской модели «неотчуждаемым» от речевой составляющей) наиболее адекватен «духу языка» (термин В. фон Губмольдта), так как «позволяет осмыслить системные связи языковых явлений не в принудительном разделении формы и содержания, а в синтезе...» [4. С. 5–6]. Исследование типов модусных персуазивных конструкций в периодической печати позволило нам составить представление не только о синтаксической организации журнального текста, но и о его общей смысловой характеристике: субъективно-модальные синтаксические элементы свидетельствуют, конечно, о личностной ориентации текста (главная цель – не просто передать информацию, но и выразить свое к ней отношение), а также о специфическом – клишированном – способе трансляции сообщения. Однако, по справедливому замечанию Г.Г. Хазагерова, современный «газетно-публицистический стиль» имеет мало общего с описанным В.В. Виноградовым явлением, поскольку «тексты, функционирующие в СМИ, обнаруживают стилевое родство с различными текстами вне СМИ и в то же время не обладают стилевым единством внутри самих СМИ» [7. С. 19] следовательно, критерий функциональности теряет силу обязательности.

Можно утверждать, что поворот 1950-х к антрополого-когнитивному пути развития лингвистики на наших глазах приводит к складыванию единого типа науки – всеобщего когнитивного дискурса (под дискурсом мы вслед за Г.Н. Манаенко понимаем «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями...» [5. С. 37]). Об этом же рассуждает и М.А. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва», указывая на «разжижение» языка за счет арготической и жаргонной лексики, лексики блоггеров. Именно в таком виде русский язык и становится фактором объединения народа (вспомним мысль акад. Д.С. Лихачева о языке как о «национальной идее»), то есть «тип речевого поведения субъекта», по существу, унифицируется, и потому тексты в общем речевом пространстве оказываются сходными и в структурном, и в смысловом, и в функционально-коммуникативном отношении. Более того, в большинстве случаев они представляют собой тексты «формата», то есть тексты определенного структурно-семантического образца. Эту ситуацию В.С. Елистратов описал так: «Уже сейчас мы наблюдаем интереснейшие и, честно говоря, труднообъяснимые вещи: «поп-тексты» на разных языках совершенно однотипны. «Cosmopolitan» на китайском совершенно похож на «Cosmopolitan» на испанском» [2. С. 25].

В современном мире у слова «формат» доминирует отнюдь не основное значение, зафиксированное в словаре С.И. Ожегова, – «размер книги, листа, карточки и т.п.» [6. С. 1121], – но полученное метафорическим переносом новое значение: формат – это коммуникативно-стилевой стандарт, «рамка», в которую следует вписывать явление культуры. Принято считать, что массовая культура пропагандирует и принудительно популяризирует «форматные» феномены; соответственно продукты «формата» как явления массового отличаются низким качеством и шаблонностью. При этом упускается из виду, что понятия предложения, текста, функционального стиля и проч. предполагают наличие языковых стандартов (или систем правил), которым высказыванию следует соответствовать, чтобы быть признанным аутентичным в системе норм данного языка. Как бы то ни было, язык даже при когнитивном подходе к нему остается явлением формата. Даже при учете бесконечного многообразия речевых реализаций язык представляет собой некое устойчивое целое, обладающее, следовательно, системой взаимосвязей и

детерминаций, то есть форм и схем, то есть язык имеет стандартный набор структур, опираясь на которые, носитель языка осуществляет коммуникацию. Подобную мысль высказывал еще Отто Есперсен в работе «Философия грамматики»: ««Ряд единиц языка, причем любого языка, имеет характер формул; иначе говоря, в них никто ничего не может изменить <...> фактически *How do you do?* нужно считать застывшей формулой. То же относится и к *Good morning!*, *Thank you*, *Beg your pardon* и другим выражениям подобного рода. Разумеется, такую формулу можно подвергнуть анализу и показать, что она состоит из нескольких слов; но она воспринимается и трактуется как целое, значение которого может быть совершенно отличным от значений составляющих его слов, взятых в отдельности <...> *How do you do?* уже не является вопросом, требующим ответа и т.д.» [3. С. 16–17]. Таким образом, отличая язык от «не-языка» мы отделяем «формат» от «неформата» в культурной традиции.

Дискурс, как и другие языковые элементы и категории, подчиняется «формату» и полноценно функционирует только в системе (можно назвать ее социально-исторической, культурной, идеологической – как угодно), то есть речевая деятельность говорящего не может быть успешной без соответствия языковым правилам: «Индивидуально-личностные смыслы говорящего, таким образом, вместо свободно конструируемого оязыковления вынуждены преодолевать тройной заслон: а) соответствовать этнокультурным эталонам, б) формироваться на общей для всего сообщества когнитивной базе и в) подчиняться диктату этноязыкового сознания, системе значений и законам дискурсивной стратегии» [1. С. 8]. Следовательно, дискурс только не синонимичен понятию «текст», но и не соотносится с толкованием «связный текст в живой речи», как понимает его большинство зарубежных и отечественных ученых. Более того, можно прогнозировать, что недалек момент, когда дискурс не будет соответствовать и определению, предложенному Г.Н. Манаенко, поскольку пока еще различающиеся языковые «форматы» стремятся к унификации (ср. распространение «блатного» языка, лексики интернета и «языка улиц» в литературном языке), которая определит окончательное слияние различных типов дискурса в единый тип.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория:

List of literature

1. Alefirenko, N. F. Diskurs kak smyslopороzhdayushchaya katego-

- дискурс и вторичное смыслообразование // Язык. Текст. Дискурс / Под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 2–14.
2. Елистратов, В. С. Глобализация и национальный язык // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4.
3. Есперсен, О. Философия грамматики. М., 1958.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. Манаенко, Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс / Под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2003. Вып. 1. С.26–40.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2005.
7. Хазагеров, Г. Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий стиля) // Язык. Текст. Дискурс / Под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2005. С.15–24.
- riya: diskurs i vtovichnoe smysloobrazovanie // Yazyk. Tekst. Diskurs / Pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', 2005. Vyp. 3. S. 2–14.
2. Elistratov, V. S. Globalizatsiya i natsional'nyj yazyk // Vestnik MGU. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. № 4.
3. Espersen, O. Filosofiya grammatiki. M., 1958.
4. Zolotova, G. A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998.
5. Manaenko, G. N. Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyku // Yazyk. Tekst. Diskurs / Pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', 2003. Vyp.1. S.26–40.
6. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka / Pod obsch. red. L.I. Skvortsova. M., 2005.
7. Hazagerov, G. G. V poiskah novoy diskursivnoy stilistiki (o slabostyah funktsional'no-stilisticheskogo podhoda i perspektivnosti ritoricheskikh teoriy stilya) // Yazyk. Tekst. Diskurs / Pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', 2005. S.15–24.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ**

И. Э. Алекберова

В настоящее время лингвистика текста находится в стадии своего развития, поэтому многие категории текста ещё не получили достаточно чёткого освещения, а некоторые из них вообще не признаются категориями, хотя без них невозможно представить себе сам текст в его типологических чертах. Текст характеризуется наличием конкретных лингвистических параметров. Все категории текста, обязательные и факультативные, взаимообусловлены. В современных научно-популярных текстах часто используется терминология, общеупотребительная и фамильярная лексика.

Ключевые слова: лексика, грамматика, научно-популярный текст, лингвистика текста.

В язык современной жизни всё чаще проникают различные формы научно-технического и научно-популярного текстов, например в виде различного рода статей или различная документация. Успешное понимание невозможно без овладения надёжным и точным инструментом коммуникации, каким является язык. Ассиметрия в понимании или в передаче мысли в какой-то конкретной области может привести к потерям, более ощутимым, чем последствия, которые могут возникнуть при неправильном прочтении литературного текста.

В настоящее время лингвистика текста находится лишь в стадии своего развития, поэтому многие категории текста ещё не получили достаточно чёткого освещения, а некоторые из них вообще не признаются категориями, хотя без них невозможно представить себе сам текст в его типологических чертах [2. С. 23]. Текст представляет собой произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку. Текст

может быть подвергнут анализу с точки зрения соответствия некоторым общим закономерностям, причём эти закономерности должны рассматриваться как инварианты текстов каждого из функциональных стилей.

В настоящее время в лингвистической науке наблюдается тенденция, когда сам текст рассматривается не как предельная единица речевого акта, а как составляющий компонент надтекстового образования. Как всякий новый объект исследования, текст по-разному понимается и по-разному определяется. По мнению Хэллидея, текст – «основная единица семантики и ее нельзя определить как своего рода сверхпредложение» [1. С. 10]. А. Греймас подходит к проблеме текста с позиций порождающей семантики. Для него текст – это единство, которое расщепляется на высказывания и не является результатом их сцепления [3. С. 56]. **Исследователи стремятся определить наиболее общие параметры текста.** Так, Цветан Тодоров различает три основные категории – параметры, которые соответственно называет вербальной, синтаксической и семантической [2. С. 32]. Вербальный параметр образуется конкретными предложениями, формирующими текст. Синтаксический параметр определяется взаимоотношениями частей текста, а семантический отражает глобальный смысл текста и определяет части, на которые смысл распадается.

В соответствии с классификацией, предлагаемой Н.Э. Энkvистом, можно установить, что текст характеризуется наличием следующих лингвистических параметров: темы (topic) - основного содержания текста; фокуса (focus), который служит для выделения маркированных элементов текста (слова, словосочетания, предложения, стилистические приемы, свойственные научному стилю речи; связи (linkage) - средства объединения различных отрезков высказывания [4. С. 57]. **Содержание как термин грамматики текста будет относиться** лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл - к мысли, сообщению, заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве; значения - к морфемам, словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям. Для более эксплицитного описания особенностей текста и его категорий необходимо уточнить понятие предикации в применении к тексту. Предикация - это транспонирование фактов языка в факты речи [4. С. 12]. Вне предикации нет акта речи, есть лишь номинация определенных явлений, событий или действий. В моделях текста по-особенному проявляются указанные выше дистинктивные признаки, которым с полным правом можно

присвоить ранг грамматических категорий текста. Все эти категории получают свои конкретные формы реализации. Так, например, формы категории информативности - это повествование, рассуждение, описание; категория интеграции реализуется [5. С. 45]:

- в формах подчинения одних частей текста другим;
- в стилистических приемах;
- в синонимических повторах и др.

Все категории текста, обязательные и факультативные, взаимобусловлены. Выделение какой-либо одной из них для целей исследования влечет за собой ее обособление, в результате которого яснее выступают антологические и парадигматические характеристики данной категории. Более того, части начинают терять свою зависимость от целого и приобретают некоторую долю самостоятельности [1. С. 36].

Р.А. Будагов выделил две основных формы научно-популярного текста: статья в научно-популярном издании (характеризуется большой насыщенностью терминами и специализированными словам, а также большим количеством аббревиатур) [2. С. 67], **статья в общественных периодических изданиях** (характеризуется более простой подачей информации с минимальным использованием специализированных слов и терминов). Также авторы статей избегают часто-го использования аббревиатур, употребляя вместо них полное (расшифрованное) наименование объекта.

В настоящее время, в связи с бурным проникновением в нашу жизнь различных электронных бытовых устройств, лингвисты выделяют ещё одну форму научно – популярного текста – различные инструкции по эксплуатации бытовых устройств. Эта форма научно – популярного текста характеризуется предельной простотой и однозначностью изложения, почти полностью избегая употребления каких – либо терминов, используя вместо них разнообразные конструкции – заменители. В текстах научной прозы интеграция легко поддается анализу. В этих текстах на первый план выступает категория континуума, т.е. непрерывного потока информации [6. С. 16]. Почти все абзацы в научно – популярных текстах начинаются с вводных оборотных конструкций. Эти обороты не только сцепляют один абзац с другим, но и являются средством интеграции всего текста.

Основной специфической чертой языка научной литературы, с лексической точки зрения, является широкое использование специальной терминологии, т.е. использование терминов определённой

отрасли знания. Дать четкую дефиницию термина очень сложно, поскольку в настоящее время отсутствует общепринятое определение этого понятия. Одна из причин в том, что термин является объектом целого ряда наук, каждая из которых стремится выделить в термине признаки, существенные с её точки зрения. В лингвистике терминология определяется как “часть словарного состава языка, охватывающая специальную лексику, применяемую в сфере профессиональной деятельности людей”. О.Г.Винокур делает вывод о том, что термин - это “слово в особой функции” [6. С. 34-35]. Терминология не изолирована от общелитературного языка и в ней находят отражение те процессы, которые имеют место в языке. Понятие терминологической лексики и отношения терминов и общеупотребительной лексики, вызывает большие споры в среде лингвистов. Большинство лингвистов пришло к мнению, что нельзя считать терминологическую лексику отдельной системой языка, со своими правилами словообразования и функционирования в языке.

Терминологическая лексика имеет тесную связь с общеупотребительной лексикой. Целый ряд существенных факторов даёт право считать общеупотребительную лексику базой для создания терминов, терминологические системы содержат в своей основе правила общей системы язык. Термин, как и слово, может обладать как терминологическим, так и общеупотребительным значением [4. С. 87]. В этом случае терминологическое значение такого слова будет реализовываться только в контексте научного (научно-популярного) текста, когда слово становится членом терминологической лексики. Другой особенностью языка научно-популярной литературы является наличие в нем лексики, называемой интернациональной. Интернациональная лексика занимает большое место в научных и общественно-политических текстах. Наряду со словами обиходного значения в нее входят слова, выражающие научные, технические и общественно-политические понятия, которые и составляют основную ее часть. За интернациональную пару принимают два слова, в которых имеется полное или частичное внешнее (графическое и фонетическое) сходство и семантическое соответствие друг другу [4. С. 69]. Семантические отношения между сопоставляемыми интернациональными словами могут быть следующими: полное семантическое соответствие; полное несоответствие значений; частичное несоответствие значений.

Для языка научно-популярной прозы характерным является также использование некоторых элементов разговорной речи. Как извест-

но, семантические границы слова в разговорной речи очерчены менее четко, чем соответствующие синонимы в области литературно-книжной лексики [4. С. 74]. **В этом заключается одна из причин невозможности использования разговорной лексики в языке научного изложения.** Тем не менее, авторы научных статей систематически прибегают к использованию разговорной лексики и синтаксиса. Противоречие между разговорным и книжным разрешается путем сужения сферы употребления элементов разговорной речи посредством введения их в узкие рамки традиционного использования в определенной жанровой разновидности научной прозы. Мотивированное употребление разговорной лексики и синтаксиса в научной прозе не означает исчезновения оппозиции книжное/разговорное, это лишь одно из проявлений ассимиляции иностилевых элементов в научной прозе. Синтаксическая структура простого предложения, не характерная для научной прозы, выступает как элемент разговорной речи в научном сообщении. Однако использование данной структуры подчинено определенным коммуникативным задачам. Их “выделенность” служит не цели нарушения установленных норм, но акцентуации тех частей высказывания, которые необходимо подчеркнуть. Стилистическая маркированность простых синтаксических структур используется в научной прозе для сообщения наиболее существенной мысли (довода, аргумента, факта) автора [3. С. 54], подчеркивания окончательности вывода, формулировки результата эксперимента. Устойчивые обороты способствуют синтагматической расчлененности речи: в ходе изложения они способствуют проведению четкого разграничения между теми положениями, которые констатируются автором как установленная закономерность, и положениями, являющимися гипотезами. Кроме того следует отметить, что в настоящее время наблюдается значительное сокращение использования местоимения первого лица. Безличность или неопределенноличность как средство выражения обобщенности является специфической чертой современной научно-популярной литературы.

Таким образом, какой бы ни была степень стилистической раскованности тех или иных жанров научной прозы, использование в них элементов разговорной речи всегда подчинено последовательной организации языкового материала в связи с целями функционального использования.

Список литературы

1. Будагов, Р. А. Литературные языки и языковые стили. М. : Наука, 1997.
2. Будагов, Р. А. Развитие и совершенствование языка. М. : Наука, 1997.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 2001.
4. Даниленко, В. П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания. 2003. № 1.
5. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М. : Наука, 1997.
6. Тер-Минасова, С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 2001.

List of literature

1. Budagov, R. A. Literaturnye yazyki i yazykovye stili. M. : Nauka, 1997.
2. Budagov, R. A. Razvitie i sovershenstvovanie yazyka. M. : Nauka, 1997.
3. Gal'perin, I. R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 2001.
4. Danilenko, V. P. O terminologicheskom slovoobrazovanii. Voprosy Yazykoznaniiya. 2003. № 1.
5. Nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya i funktsionirovanie yazykov mira. M. : Nauka, 1997.
6. Ter-Minasova, S. G. Slovo-sochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektah. M., 2001.

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА

Л. В. Базарова

Статья раскрывает базовые признаки и типы концептов, что способствует выявлению проблемы множественности субъектов и их взаимоотношений в концепте.

Ключевые слова: концепт, компоненты, типы, признаки, множественность.

Концепты являются важным компонентом национально-специфической картины мира. Каждый язык обладает определенным набором концептов, составляющих уникальный концептологический рисунок той или иной культуры. В концепте как единице знания о мире, элементе памяти фиксируется большой ряд предметов со сходными свойствами, им охватывается класс реалий. В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть основные компоненты концепта. Существует три «слоя» концепта:

1. Активный слой (основной, актуальный). В этом слое концепт актуально существует для всех как средство общения и взаимопонимания. Он может включаться и в мыслительные категоризации, и в структуры общения.

2. Пассивный слой (дополнительный). Концепт актуален лишь для некоторых социальных групп.

3. Внутренняя форма. Она запечатлена во внешней, словесной форме. Это и есть этимологический признак, который открывается лишь исследователям и исследователями. Но в то же время, он существует для тех, кто пользуется данным языком как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений [7. С. 45].

В результате гибкости концептуальной системы и наличия концептов различных уровней, мы можем говорить о существовании различных типов концептов. Типы концептов весьма разнообразны и по содержанию, и по структуре. С точки зрения структуры и способа организации концептуализируемой информации, наиболее полная классификация концептов была предложена З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [6. С. 72]. Прежде всего, по способу объективации выделяют концепты лексические, фразеологические и синтаксиче-

ские. При этом возможно объединение концептов, в результате чего образуется, к примеру, лексико-фразеологическое поле концепта. По степени стандартизации концепты подразделяются на общенациональные (стандартизованные), групповые (принадлежащие социальной, возрастной группам) и личные. В национальных и групповых концептах могут также быть индивидуальные компоненты, черты, которые в определенных случаях приводят к непониманию и необходимости уточнения содержания тех или иных произнесенных слов. По характеру концептуализируемой информации, концепты подразделяются на следующие типы: представления, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт. По степени устойчивости концепты подразделяют на устойчивые (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и неустойчивые (нерегулярно или совсем невербализуемые концепты). По наблюдаемости концепты можно подразделить на вербализованные (для которых есть в системе регулярные средства выражения) и скрытые (невербализуемые или вербализуемые искусственно только в условиях принудительно поставленной задачи). По степени абстрактности содержания концепты подразделяют на абстрактные и конкретные [6. С. 72].

И.А. Стернин по структуре разделяет концепты на 3 типа:

1. Одноуровневый концепт, который включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой.
2. Многоуровневый концепт, который включает когнитивные слои.
3. Сегментный концепт, представляющий собой базовый слой, который окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [6. С. 62].

По характеру воздействия на людей и роли в концептосфере нации, современные исследователи-когнитивисты выделяют такие типы концептов, как эмоциональные, мифологические, чувственные концепты и другие.

Исследователи выделяют следующие признаки концепта:

- 1) это основная единица когнитивных процессов (обработка, хранение, передача знаний);
- 2) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, которая вербализуется с помощью слова;
- 3) границы концепта подвижны, т.к. в области когнитивистики невозможно четкое разграничение понятий;
- 4) ассоциативное поле концепта неразрывно связано с социальными событиями;

5) это основная ячейка культуры.

В.А. Маслова в своей работе «Введение в лингвокультурологию» также приводит разделение концептов и выделяет девять основных групп, каждая из которых содержит в себе определенный смысловой участок единой концептосферы, имеет огромное значение для культуры как своеобразный сгусток информации о том или ином аспекте мировоззрения, отображаемом посредством языка:

- 1) мир (пространство, время, родина и др.);
 - 2) природа (вода, огонь, дерево и др.);
 - 3) нравственные концепты (совесть, стыд и др.);
 - 4) представления о человеке (гений, юродивый, интеллигент и др.);
 - 5) социальные понятия и отношения (свобода, война и др.);
 - 6) эмоциональные концепты (счастье, радость и др.);
 - 7) артефакты (дом, храм, колокол и др.);
 - 8) научные знания (филология, математика и др.);
 - 9) концептосфера искусства (живопись, музыка, скульптура и др.)
- [5. С. 58].

В свою очередь, С.Г. Воркачев предлагает выделить несколько отличительных признаков концепта:

– внутренняя расчлененность – «дискретная целостность смысла» [4. С. 19];

– «переживаемость» – концепты не только мыслятся, но и эмоционально переживаются;

– семантическая плотность – представлена в форме языковых синонимов (слов и словосочетаний), фольклорных и литературных сюжетов, полисемии, которые напрямую связаны с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума;

– ориентированность на план выражения – включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка;

– этноспецифичность, которую нужно усматривать, прежде всего, в культурно значимой стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике имени концептуализуемого смысла [1. С. 67].

В.И. Карасик, рассматривая концепты с позиции лингвокультурологии, выделяет в них три компонента: ценностный, понятийный и образный и в зависимости от этноспецифики, присутствующей в концепте, выдвигает три типа концептов:

– специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры;

– неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций;

– универсальные концепты, не имеющие культурной специфики [2. С. 97].

На этом строится и теория формирования концептов: «Не каждое явление реальной действительности может служить базой для образования концепта, а лишь то, что становится объектом оценки» [8. С. 15]. Согласно В.В. Колесову, структура концепта культуры четырехкомпонентна. В.В. Колесов подчеркивает наличие в структуре концепта символического компонента, который радикально отличается и от понятия, и от образа [3. С. 53]. Он не выделяет ценностный компонент как таковой, рассматривая все четыре компонента по отношению к исходному значению слова, но говорит о «культурном концепте». «Культурный концепт в современном его виде ...создан исторически путем мысленного наведения на резкость понятийного объема (денотат через понятие) и содержания (сигнификат через образ и символ)» [3. С. 36].

Таким образом, можно сделать вывод, что простых концептов не существует, поскольку в нем всегда присутствуют частицы, определяющие его, поэтому в нем и содержится загадка. Несмотря на то, что концепт может быть двойственным, тройственным, каждый из них затрагивает проблему, без которой концепт не имел бы смысла и который может быть выделен или понят лишь по мере их разрешения. В рассматриваемом случае это проблема множественности субъектов, их взаимоотношений и их взаимопредставления.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. №1. 64–72 с.
2. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке. Волгоград : Перемена, 1996. 93с.

List of literature

1. Vorkachev, S. G. Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost', kontsept // Filologicheskie nauki. 2001. №1. 64–72 s.
2. Karasik, V. I. Kul'turnye dominyanty v yazyke. Volgograd : Peremena, 1996. 93s.

3. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ-понятие-символ. СПб : Востоковедение, 1992. 240с.
4. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода. Архангельск, 1997. 65с.
5. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию. М. : Наука, 2004. 208с.
6. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191с.
7. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академ. Проект, 2004. – 990с.
8. Федотов, Е. С. Функционирование и формирование концептов. Саратов, 2003. 113с.
3. Kolesov, V. V. Kontsept kul'tury: obraz-ponyatie-simvol. SPb : Vostokovedenie, 1992. 240s.
4. Lyapin, S. H. Kontseptologiya: k stanovleniyu podhoda. Arhangel'sk, 1997. 65s.
5. Maslova, V. A. Vvedenie v lingvokul'turologiyu. M. : Nauka, 2004. 208s.
6. Popova, Z. D. Ocherki po kognitivnoy lingvistike. Voronezh : Istoki, 2001. 191s.
7. Stepanov, Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. M. : Akadem. Proekt, 2004. – 990s.
8. Fedotov, E. S. Funktsionirovanie i formirovanie kontseptov. Saratov, 2003. 113s.

**РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
В ИНСТРУКТИРУЮЩЕМ ДИСКУРСЕ**

Е. Н. Деулина, Н. А. Крашенинникова

Данная статья анализирует основные положения науки о речевом воздействии, то есть об эффективном общении, которая активно формируется в современном научном пространстве. Овладение приемами эффективного речевого воздействия составляет понятие «коммуникативной грамотности» и является сегодня актуальной задачей.

Ключевые слова: речевое воздействие, эффективное общение, речевые стратегии и тактики, законы общения, коммуникативная позиция говорящего, инструктирующий (дидактический) дискурс.

В современном научном пространстве на наших глазах формируется новая интегральная наука, которую можно назвать речевым воздействием, объединяющая усилия представителей целого комплекса смежных наук - традиционной лингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, риторики, психологии, теории массовой коммуникации, социологии, связей с общественностью, конфликтологии.

Что же является предметом науки о речевом воздействии?

Речевое воздействие формируется как наука об эффективном общении. Какое общение можно считать эффективным? Видимо, такое, которое ведет к достижению цели.

Цели общения могут быть различными:

* Информационная - донести свою информацию до собеседника и получить подтверждение, что она получена. Поскольку объектом нашего интереса является прежде всего педагогическое общение, в частности, «дидактический» дискурс учителя / преподавателя, то данная цель видится приоритетной, так как профессионально преподаватель стремится к реализации именно этой цели.

* Предметная - что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника.

* Коммуникативная – сформировать определенные отношения с собеседником. В рамках дидактического дискурса преподаватели нередко пренебрегают коммуникативными целями, не уделяя должно-

го внимания таким их разновидностям как установление, развитие и поддержание контакта со студенческой аудиторией; при этом такие простейшие речевые формулы как приветствие, поздравление, сочувствие, комплимент и т.д. помогают сделать речевое и дидактическое взаимодействие более эффективным и при этом сохранить баланс отношений с собеседниками (коммуникативное равновесие).

Кроме того, неотъемлемой чертой всякой речи, и соответственно науки о речевом воздействии, является ориентация на адресата. Продуцент речи, если он хочет быть не только правильно понятым, но и склонить собеседника на свою сторону, ориентируется на определенного адресата речи как в отборе языкового материала, так и в построении и в оформлении речи [4. С. 93], ориентируясь при этом на рецептивные возможности слушающего [1. С. 160]. Вероятно, есть формы речи, в которых ориентация на адресата проявляется наиболее ярко и последовательно на всех языковых уровнях (например, устная диалогическая речь), а есть такие, в которых она менее очевидна (книжная письменная). При анализе «инструктирующей» составляющей дидактического дискурса большой интерес представляет именно устная форма речевого взаимодействия, которая в большей степени должна учитывать «фактор адресата».

Действительно, в процессе порождения инструктирующего высказывания продуцент речи (преподаватель) для эффективного воздействия на реципиента (студента) помимо логических аргументов должен применять различные психологические и риторические приемы, включающие адекватные стилистические языковые средства. Кроме того, в условиях дидактической коммуникации адресатом часто является аудитория – коллектив учащихся, далеко не всегда «пассивный», что необходимо учитывать адресанту. Таким образом, лингвопрагматический подход к анализу инструктирующего дискурса в своей основе должен быть «диалогичным».

Итак, можно считать, что инструктирующий дискурс в сфере «учебного» вербального взаимодействия относится к речевой деятельности, в которой значительную роль играет фактор адресата.

Основными функциями дидактического инструктирующего дискурса являются следующие:

1. Организационная (реализует две интенции): а) организация внимания учащихся на уроке; б) организация учебно-практической деятельности учащихся (*Записываем вместе предложение: я на доске, а вы – в тетрадях*).

2. Установочно-инновационная (*Ребята, сегодня мы с вами начинаем новую тему, очень трудную, но интересную, и я бы посоветовала вам слушать меня внимательно*).

3. Активизирующая (реализуется в трех моделях): а) **позитивной** (*Все ли готовы к решению следующей задачи? Чуть-чуть подождём Марину, Игоря... Спасибо, вижу – все настроились...*); б) **нейтральной**: (*Когда говорит преподаватель, нужно отложить все дела и внимательно слушать*); **негативной**: (*Славин, почему ты все время болтаешь? Если ты все знаешь, тогда бери мел и сам объясняй новый материал*).

4. Собственно дидактическая (*Задайте вопрос к глаголу, и тогда вы определите его вид*).

5. Нормативно - корректирующая (*Сначала мы выписываем существительное, выделяем в слове окончание, затем основу, а потом уже приставку, суффиксы и корень*).

6. Связующая (*А теперь мы перейдем к проверке домашнего задания*).

7. Прогнозирующая (антиципационная): *На следующем уроке мы закрепим правила образования множественного числа существительных, а затем напишем небольшую самостоятельную работу*.

Следует сказать, что данная классификация весьма условна, так как все частные функции так или иначе сводятся к главной функции инструктирующего коммуникативного акта преподавателя – к организации (консолидации) совместной учебной деятельности преподавателя и студентов.

В процессе реализации «инструктирующей» интенции говорящий (преподаватель) использует различные речевые стратегии и тактики. Вероятно, наиболее целесообразными, эффективными, педагогически корректными являются конструкции, имеющие в своей структуре предикат в изъявительном или повелительном наклонении в форме 1-го лица множественного числа (адресант-преподаватель говорит от лица «МЫ»: *Попробуем порассуждать... Попытаемся обсудить... Мы можем понаблюдать и заметить...*). Подобные конструкции - аппеллятивы [3. С. 177] являются средством создания эффекта соучастия. Т. А. Ладыженская рекомендует не употреблять в этих случаях частицу давай(те) с глаголами в форме 1-го лица множественного числа (*давайте напишем*): «Не оправдано произношение выражений со словом *давайте* не приглашающим, а подстегивающим к действию тоном, отчего теряется оттенок совместности

действия и создается сниженно - разговорный стиль общения с аудиторией» [2. С. 45]. В то же время, использование указанных глагольных форм является своеобразным маркером консолидирующего дискурса: *прочитаем, напишем, поймем*. Эффективность совместной деятельности во многом обусловлена не конструкцией «*Сегодня вы будете выполнять ...*», а «*Сегодня мы выполним ...*».

Следующим понятием, входящим в структуру науки о речевом воздействии, является способ речевого воздействия. Эти способы таковы:

* Доказывание. Это логический путь речевого воздействия, обращение к логике мышления человека, когда аргументы приводятся в системе, продуманно, в соответствии с законами логики. Доказываем мы так: «*Во-первых, во-вторых, в третьих...*». Доказывание хорошо действует на человека с логическим мышлением, и абсолютно уместно в ситуации инструктирующей коммуникации.

* Убеждение. Убеждать - это вселять в собеседника уверенность, что истина доказана, что тезис установлен. В убеждении используется и логика, и обязательно - эмоция, эмоциональное давление. Убеждаем мы примерно так: «*Во-первых... Во-вторых... Это действительно так! И другие так думают. Я это точно знаю!*» Поскольку законы логики действуют не всегда и не на всех, и иногда эмоции почти полностью подавляют логику, то обращение к убеждению в рамках дидактического дискурса также кажется оправданным.

* Уговаривание, внушение и принуждение составляют остальные три способа речевого воздействия, но в учебной коммуникации являются неприемлемыми.

Таким образом, речевое воздействие - наука о выборе подходящего способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от ситуации общения и особенностей личности собеседника для достижения наибольшего эффекта.

Коммуникативная позиция говорящего - еще одно важное понятие науки о речевом воздействии. Под коммуникативной позицией понимается степень коммуникативной влияния, авторитетности говорящего по отношению к его собеседнику. Это эффективность его потенциального речевого воздействия на собеседника. Естественно, для эффективности инструктирующей коммуникации преподаватель должен стремиться к усилению своей коммуникативной позиции. Но именно к усилению своей позиции, а не к осла-

блению коммуникативной позиции собеседника – студента, как это зачастую происходит.

Специалисты по речевому воздействию используют также такое выражение как коммуникативное самоубийство - это грубая ошибка, допущенная в общении, которая делает дальнейшее общение заведомо неэффективным. Например, если лектор начинает свое выступление так: *«Извините, что отнимаю у вас время... Я вас долго не задержу...»* - это типичное коммуникативное самоубийство, так как человек сам сразу сообщает, что его информация не нужна, и само его появление перед аудиторией нежелательно. Такого лектора, конечно, слушать не будут.

Еще одной важной составляющей науки о речевом воздействии являются законы общения, тесно связанные с законами психологии. Кажется целесообразным привести некоторые из них и показать, как они работают в условиях дидактического дискурса.

* Закон зависимости результата общения от объема коммуникативных усилий. Каждый из нас имел возможность заметить, что чем больше коммуникативных усилий мы затрачиваем, тем выше эффективность общения.

* Закон прогрессирующего нетерпения слушателей - чем дольше говорит оратор, тем большее невнимание и нетерпение проявляет аудитория.

* Закон падения интеллекта аудитории с увеличением ее размера. Преподаватели, читающие лекции перед большой аудиторией, наверняка отмечали, что чем больше людей их слушают, тем ниже средний интеллект аудитории. Иногда это явление называют эффектом толпы.

* Закон речевого самовоздействия также важен в инструктирующем общении. Из практики давно известно, что словесное выражение некоторой мысли позволяет человеку укрепиться в этой мысли, окончательно уяснить ее для себя. Если человек своими словами объясняет что-либо собеседнику, он сам лучше понимает суть рассказываемого. Ср. старый учительский анекдот - учительница говорит ученику: *«Ваня, я тебе уже 20 раз объяснила, сама наконец поняла, а ты все не поймешь!»*

* Закон отторжения публичной критики часто игнорируется руководителями, преподавателями, учителями. При этом психологами установлено, что в условиях, когда критика осуществляется в присутствии других людей, она отвергается практически в 100% слу-

чаев, поскольку мы все внутренне считаем себя весьма умными и знающими, и любую критику или непрошенный совет воспринимаем как минимум настороженно - как покушение на нашу самостоятельность, демонстративное сомнение в нашей компетентности.

* Закон доверия к простым словам, который еще можно назвать законом коммуникативной простоты, также полезен в преподавательской работе – мы часто забываем, что чем проще наши мысли и слова, тем лучше нас понимают и больше верят. Простота содержания и формы в общении - залог коммуникативного успеха.

Вообще практическое обучение речевому воздействию на современном этапе в нашей стране актуально не меньше, а может быть и больше, чем разработка теоретических проблем речевого воздействия. В России нет традиций обучения эффективному общению - таких, например, какие есть в США, Великобритании. Вместе с тем, актуальность такого обучения налицо. У нас отсутствует понятие коммуникативной грамотности, которое должно быть таким же актуальным как медицинская, техническая, политическая грамотность. Эффективному общению, культуре общения надо учиться как основам грамоты, как умению читать и писать. Потому что это - действительно грамотность, необходимая каждому: мы допускаем ежедневно множество грубейших ошибок, которые делают нашу жизнь, в том числе профессиональную, сложнее. Поэтому широкое обучение речевому воздействию в школе, вузе, на специальных курсах – актуальная задача сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993
2. Ладыженская, Т. А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения. М., 1986.
3. Ножин, Е. А. Мастерство устного выступления. М., 1989.
4. Славгородская, Л. В. О функции адресата в научной прозе. Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.
5. Стернин, И. А. Речевое воздействие как интегральная наука // Лингвистический вестник. Вып. 4. Ижевск: ТГУ, 2002.

List of literature

1. Vinokur, T. G. Govoryaschiy i slushayuschiy: varianty rechevogo povedeniya. M. : Nauka, 1993
2. Ladyzhenskaya, T. A. Zhivoe slovo: Ustnaya rech' kak sredstvo i predmet obucheniya. M., 1986.
3. Nozhin, E. A. Masterstvo ustnogo vystupleniya. M., 1989.
4. Slavgorodskaya, L. V. O funktsii adresata v nauchnoy proze. Lingvostilisticheskie osobennosti nauchnogo teksta. M., 1981.
5. Sternin, I. A. Rechevoe vozdeystvie kak integral'naya nauka // Lingvisticheskiy vestnik. Vyp. 4. Izhevsk: TGU, 2002.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИТОГ ПРОЦЕССОВ НАУЧНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

Н. М. Нечепоренко

В статье дается попытка охарактеризовать энциклопедический текст как особый вид научного текста, как итог процессов научной категоризации и концептуализации. Дается обзор понятиям «информация», «знание». Описываются особенности реализации категории информативности в энциклопедической статье.

Ключевые слова: энциклопедическая статья, категоризация, концептуализация, информация, знание, категория информативности.

Одним из типов научного текста является энциклопедическая статья. Но, прежде чем говорить об особенностях энциклопедических текстов с позиции когниции и коммуникации, считаем необходимым напомнить, что понимается под термином «энциклопедия».

Так, в толковом словаре русского языка энциклопедия определяется как «научное справочное издание по всем или отдельным отраслям знания в форме словаря» [8. С. 746]. В большом словаре иностранных слов энциклопедия определяется как «научное справочное пособие в форме словаря, дающее систематизированный свод знаний по всем или отдельным отраслям знаний» [2. С. 702].

Вслед за рядом авторов считаем, что термины «энциклопедия» и «энциклопедический словарь» в сегодняшнем словоупотреблении часто становятся абсолютными синонимами, хотя не отрицаем, что термин «энциклопедия» чаще применяется к универсальным многотомным энциклопедическим изданиям (см. напр. Энциклопедия «Русский язык»). Под определение энциклопедии с полным основанием можно подвести и толковые словари различных областей науки и сфер деятельности.

Как известно, существуют различные типы энциклопедических словарей в зависимости от характера объектов описания, объема даваемой в энциклопедической статье информации, ориентированности на определенные круги читателей. По признаку количества и типов объектов описания различают универсальные, отраслевые и региональные энциклопедические словари, многотомные и однотомные.

Указывают, что все энциклопедические словари или энциклопедии, в отличие от лингвистических словарей, характеризуются особым типом дефиниции термина или понятия, которая отражает не обыденное, обиходное восприятие значения слова носителем языка, а строго научные классификационные признаки данного понятия, термина, явления, известные науке на момент его описания [11. С. 496]. Таким образом, энциклопедии раскрывают объём и содержание понятий, в то время как в лингвистических словарях описывается не предмет или понятие, обозначаемые данным словом, а само это слово, то есть дается характеристика слова как единицы языка: приводится значение слова, его грамматическая, орфографическая, орфоэпическая характеристики, указывается его стилевая принадлежность и прочее.

Очевидно, что энциклопедическая словарная статья в зависимости от объёма энциклопедии и её задач либо может быть ограничена лишь одной дефиницией или включать также иные дополнительные сведения об описываемом понятии. В этом случае даётся перечень не только первичных, но и вторичных признаков, классификация видов и подвидов понятия, указывается различное понимание понятия в разные исторические эпохи, разными научными направлениями и др. Для энциклопедического словаря, прежде всего, характерен системный подход при отборе и описаний понятий (или терминов). Существенную роль при этом играют ссылочные статьи, система отсылок от одной статьи к другой, которые расширяют объём информации, даваемой читателю, показывают взаимосвязь и взаимозависимость явлений и понятий [11. С. 496].

Исходя из указанных характеристик, делают вывод, что энциклопедическая статья – это ориентированный на определенного читателя предельно сжатый и в то же время максимально насыщенный информацией минитекст, где используются стандартные средства при описании одинаковых языковых явлений, соблюдаются принципы экономности, простоты, полноты и эффективности описания содержания понятия [1. С. 166].

И если большинство научных текстов отражают не только результаты познавательного процесса, но и реконструируют само его развертывание, обозначают основные этапы, а также раскрывают методы и приёмы, с помощью которых он осуществляется (см. например [7. С. 337]), то в энциклопедической статье содержание понятия, как правило, представлено как некий «застывший» фрагмент

картины мира, как то, что известно о некоем объекте, явлении и т.п. в данной области науки на конкретный момент её развития. То есть, можно с полной уверенностью утверждать, что энциклопедическая статья фиксирует итог, результат процессов концептуализации и категоризации существующий как оформившиеся на данный момент развития науки знание на уровне коллективного сознания научного сообщества. Здесь оказываются представлены определенные научные понятия, категории, устоявшиеся на определенный момент времени, отражены их взаимосвязи и все то, что закреплено в различных ментальных структурах хранения знания.

Напомним, что концептуализацию определяют как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к человеку информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [6. С. 93]. Концептуализация лежит в основе любого вида познания. Это справедливо и для процесса категоризации, под которой понимается мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека [9. С. 236].

Если сравнивать представление понятия в лингвистическом словаре с его толкованием в энциклопедии, то, по-видимому, придётся согласиться, что концепт, «схваченный знаком», имеет и в том, и в другом случае лишь частичную реализацию, потому что «все языковые средства в их совокупности дают лишь общее представление о содержании концепта в сознании носителей языка [5]. Но если значение слова как единицы системы языка фиксирует в первую очередь конвенциональные смыслы, понятные всем членам языкового сообщества, то энциклопедия представляет понятие как единицу концептосферы определенной науки, фиксируя его особые признаки. Конечно и в энциклопедической статье, не может быть отражено все, что входит в концептуальную систему какого-либо концепта, но, как указывалось ранее, помимо обязательной дефиниции понятия здесь могут быть даны различные дополнительные сведения, позволяющие реконструировать отдельные элементы концептуальной системы и получить помимо этого некоторое представление о научном дискурсе и его компонентах, скорее всего о таких дополнительных сведениях предпочтительнее говорить как об информации, а не как о знании. И хотя далее мы будем использовать эти термины сино-

нимично, мы осознаём существование между ними определенных различий, указание на которые можно найти в целом ряде работ. Так утверждают, что если знание всегда представляет собой ту или иную информацию, то информация не всегда может восприниматься как знание, поскольку знание – это та информация, которая является коммуникативно значимой, и если не происходит приращение нового знания, то различительный признак «наличие коммуникативно значимой информации» теряет свою релевантность [10. С. 78-79]. Информация же в широком смысле определяется как «результат отражения одного объекта в другом, используемый, в конечном счете, для формирования управляющих воздействий. Основные аспекты информации: синтаксический, семантический, прагматический. В настоящее время информация рассматривается как концептуально связанные и согласованные между собой сведения - знания» [9. С. 166].

Возвращаясь к вопросу о коммуникативной значимости или ценности информации, напомним, что, по мнению отдельных исследователей, хотя каждый текст несет в себе информацию, однако ценностью обладает, прежде всего, новая информация, полезная, т.е. прагматическая. Именно она то и является показателем информативности текста. Для одного человека какая-либо информация представляет собой большую ценность, для другого вообще не представляет никакой ценности. Исходя из этого, связанная с текстом информативность «может проявляться в разных формах – от нулевой, когда содержание текста не дает ничего нового, а лишь повторяет уже известное, до концептуальной, когда для её выявления необходимо подвергнуть текст скрупулезному анализу» [3. С. 29]. Но вопрос определения степени коммуникативной значимости или ценности информации, как и её новизны, кажется нам трудно разрешимым и достаточно субъективным. Правы те исследователи, которые говорят о том, что любая информация, полученная в результате опыта и прошедшая обработку человеческим разумом, может рассматриваться как концептуальная, или когнитивная. В то же время, определить меру или степень новизны информации для адресата представляется достаточно сложным (см., например [4. С. 28]). Что касается энциклопедической статьи, то её отличие от других жанров научного текста усматривается нами в том, что представленная в ней информация как раз не будет новой для постоянных участников научного дискурса, поскольку, как отмечалось выше, функциональное предназначение энциклопедической статьи – фиксация, хранение и

передача сформировавшегося на определенный момент развития науки знания (которое, возможно, будет новым лишь для тех, кто только начинает свою научную деятельность). Другими словами, новизна информации для энциклопедической статьи не является значимым фактором.

Итак, раскрывая значение научных понятий, в значительной части энциклопедическая статья носит характер дефиниции. Однако помимо дефиниции даётся и дескрипция отдельных слов или понятий.

Тезис о том, что научная информация всегда демонстрирует связь старого и нового знания верен и для энциклопедических статей, в которых может быть показано изменение знания о содержании понятия на различных этапах развития науки или с изменением научной парадигмы. Обращение к «старому» как и использование ограниченного количества единиц метаязыка, вербализует понятие определенной сферы науки, а также упоминание значимых научных трудов, школ и фамилий ученых доказывает тот факт, что представленная информация может характеризоваться как интертекстуальная.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что категория информативности, как и в других жанрах научного текста, является ведущей, обуславливающая актуализацию всех остальных категорий научного текста, все присущие данному виду текста категории взаимосвязаны, взаимообусловлены и подчинены прагматическим целям автора – донести до адресата конкретную научную информацию. Все категории научного текста оказываются информативно обусловленными. Относительно энциклопедической статьи это можно расшифровать как: дать знания о картине мира с научных позиций, отразить основные понятия науки.

Список литературы

1. Алёшина, Л. В. Структура словарной статьи как специфического текста / Текст. Структура и семантика. Докл. VIII междунар. конф., 3-5 апреля 2001г. / МГОПУ им. М. А. Шолохова. М. : Изд-во СпортАкадемПресс, 2001. С. 165–171.
2. Булыко, А. Н. Современный словарь иностранных слов. М. : Изд-во Мартин, 2007. 848 с.

List of literature

1. Aleshina, L. V. Struktura slovarnoy stat'i kak spetsificheskogo teksta / Tekst. Struktura i semantika. Dokl. VIII mezhdunar. konf., 3-5 aprelya 2001g. / MGOPU im. M. A. Sholohova. M. : Izd-vo SportAkademPress, 2001. S. 165–171.
2. Bulyko, A. N. Sovremennyj slovar' inostrannyh slov. M. : Izd-vo Martin, 2007. 848 s.

3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
4. Дроздова, Т. В. Концепты как основа ключевых понятий в терминологии // Концептуальный анализ языка. Современные направления исследования: сб. науч. тр. М., 2007. С. 139–147.
5. Кубрякова, Е. С. Текст и его понимание // Русский текст, 1994, № 2. С. 18–27
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
7. Кудрина, Н. А. Концептуализация в научном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / Под ред. Е. С. Кубряковой. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2009. С. 337–369.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
9. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. изд. 6-е перераб. и доп. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
10. Шарандин, А. Л. Общие проблемы исследования знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. / Под ред. Е. С. Кубряковой. М.-
3. Gal'perin, I. R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 1981. 139 s.
4. Drozdova, T. V. Kontsepty kak osnova klyuchevykh ponyatij v terminologii // Kontseptual'nyj analiz yazyka. Sovremennye napravleniya issledovaniya: sb. nauch. tr. M., 2007. S. 139–147.
5. Kubryakova, E. S. Tekst i ego ponimanie // Russkiy tekst, 1994, № 2. S. 18-27
6. Kubryakova, E. S. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. M. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.
7. Kudrina, N. A. Kontseptualizatsiya v nauchnom tekste // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kolektiv. monogr. / Pod red. E. S. Kubryakovoy. M. : In-t yazykoznanija RAN; Tambov : Izdatel'skiy dom TGU im G. R. Derzhavina, 2009. S. 337–369.
8. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Rossiyskaya akademiya nauk; Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 s.
9. Filosofskiy slovar' / Pod red. I. T. Frolova. izd. 6-e pererab. i dop. M. : Politizdat, 1991. 560 s.
10. Sharandin, A. L. Obschie problemy issledovaniya znaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. III. Tipy znaniy i problema ih klassifikatsii: sb. nauch. tr. / Pod red. E. S. Kubryakovoy. M.-Tam-

Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 343 с.

11. Энциклопедия «Русский язык» / Под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.

bov : Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. 343 s.

11. Entsiklopediya «Russkiy yazyk» / Pod red. Yu.N. Karaulova. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. 721 s.

**ПОЛНЫЕ И КРАТКИЕ ВАРИАНТЫ ПРАВОВЫХ ТЕРМИНОВ
(В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Н. В. Сандалова

Статья посвящена феномену «вариативность» в контексте юридической терминологии. Проанализированы сокращенные правовые термины и их полные варианты. Лексикографический анализ сокращенных и несокращенных вариантов правовых терминов на английском и русском языке показывает типологические различия этих двух языков.

Ключевые слова: правовой термин, вариативность, терминоведение.

Феномен вариантности с давних пор привлекает внимание ученых, по праву принадлежит к числу важнейших в современном языкознании. Большой интерес к варьированию языковых средств объясняется тем, что только полное, всестороннее изучение этого феномена позволит понять принципы и законы диахронического развития и синхронного функционирования языка. Начало изучению проблем вариантности в русском языке положили классические работы В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой, Ф.П. Филина.

Однако, несмотря на большое количество исследований в данной области, нет единого мнения по вопросу вариантности. Наиболее интенсивно данная проблема разрабатывается в лингвистических исследованиях по русскому языку, хотя есть отдельные фундаментальные исследования и в области других языков. Обобщая исследования отечественных и зарубежных лингвистов, можно прийти к выводу, что существует несколько подходов к этому вопросу. Одни авторы считают, что исходный момент выделения вариантов — разница в структурном оформлении (Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, К.С. Горбачевич, Р.П. Рогожникова). Другие указывают на необходимость различать вариантность как в плане выражения, так и в плане содержания (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, М.Д. Степанова, Н.Н. Семенюк, И.П. Распопов, И.Б. Хлебникова, З.Д. Попова). Третьи допускают возможность варьирования не только на основе видоизменения общего семантического или общего формального признака,

но и варьирования, захватывающего одновременно оба вида основных признаков языковых единиц (В.И. Кодухов, И.М. Жилин, М.М. Маковский, Н.П. Овдиенко, Е.Г. Белявская). Иногда вариантность трактуется очень широко: к вариантам, наряду с модификациями в формальном или семантическом плане одних и тех же лингвистических единиц, относят и формы, квалифицируемые обычно как синонимы (О.С. Ахманова, Л.П. Евгеньева, В.С. Храковский, В.П. Конецкая, П.А. Расторгуева, А.И. Чередниченко).

В отношении предпосылок вариативности в языке лингвисты отмечают, что вариативные характеристики присущи языковым единицам, что данный процесс закономерен, так как он «характеризует языковые единицы различных уровней на разных этапах развития языка и является постоянным признаком языкового развития» [2. С. 121]. По мнению В.М. Солнцева, вариативность следует рассматривать как «общее свойство, заложенное в самом «устройстве» языковой системы» [6. С. 31].

В нашей работе вариантами будем считать единицы языка, измененные в структурном плане в пределах ее тождества [7. С. 91].

Варьированию подвержены все лингвистические единицы, и термины в том числе. Сущность термина, как отмечает З. И. Комарова, заключается в том, что терминологическая единица в структурно-субстанциональном плане является лексемой, а как функциональное явление – это термин, выражающий специальное терминологическое понятие, которое может быть представлено целым классом лексических единиц [3. С. 13]. Поэтому, вариантность термина и терминосистем функционально заданы и структурно обусловлены.

Наряду с функциональностью еще одной характеристикой термина является его системность, однако, по мнению З.И. Комаровой, данную системность не следует понимать как характеристику жесткой системности термина в отношении к системности в языке, того, что каждый ярус образует систему. Системность термина имеет «нежесткий» характер, поэтому методика анализа терминологической вариантности имеет основанием оппозиции асимметрии-симметрии, упорядоченности-неупорядоченности, алломорфизма-изоморфизма системы терминов и системы понятий, выражаемых терминологическими единицами [3. С. 13].

Специфика явления вариативности в терминологии, в отличие от общеязыкового понятия данного феномена обусловлена спецификой самого термина. Как пишет К.Я. Авербух, «для общеязыкового слова

варьирование знаковой формы возможно в пределах тождества этой формы самой себе (*лиса – лисица, ноль – нуль*); для термина же возможности варьирования плана выражения ограничены лишь способностью выражать то же самое понятие» [1. С. 38].

Исходя из функции термина как знака, выражающего профессиональное понятие, инвариантом для ряда вариантов термина (которые различаются только в плане выражения) будет план содержания. Термины частично различаются только формально, а манифестируемые ими понятия тождественны.

В нашей статье мы бы хотели обратиться к явлению варьирования юридической терминологии в узком смысле – как наличие в юридическом подязыке двух лексических единиц-терминов, обладающих родственной, сходной формой и обозначающих одно и то же понятие, а, следовательно, являющиеся абсолютными субститутами. Мы рассмотрим пары и группы вариантов терминов права, которые были образованы в результате сокращения изначальных полных терминов и сохранения обоих вариантов (как полного, так и краткого) в языке – это такие типы вариантов, как аббревиационные и универбационные. Также мы сравним репрезентацию данных типов варьирования терминов права в русском и английском языке.

Для анализа мы обратились к сфере фиксации, то есть, к терминологическим словарям по юриспруденции. Мы проанализировали 6 толковых русскоязычных юридических словарей, 7 англо-русских и русско-английских юридических словарей, 3 английских толковых юридических словаря, а также 3 двуязычных интернет словаря по юридической терминологии, то есть всего проанализировано 19 словарей.

В русском языке всего было выявлено 470 пар терминов-вариантов, в английском – 530 пар. Среди них на аббревиационные термины варианты приходится 42% в русском языке и 60% в английском. Универбационные варианты составляют 14% в русском и всего 2% в английском языке.

Рассмотрим оба представленные типа вариантов, начиная с самого значимого, то есть, с аббревиатур.

Аббревиацию в терминологии можно обозначить как вторичное сокращенное наименование некоторых понятий конкретного языка для специальных целей. В терминологии аббревиация не имеет существенных различий с общеязыковой аббревиацией.

С точки зрения механизмов функционирования языка, ученые говорят об аббревиации как о проявлении закона языковой эконо-

мии. Поэтому аббревиатурные сокращения являются прагматически обусловленными вариантами, выполняющими функцию компактной репрезентации [5. с. 236].

В результате анализа словарей по юриспруденции было выявлено, что в русском языке аббревиационных пар терминов-вариантов 42% от числа всех фактов варьирования. Были выявлены аббревиатуры, обозначающие:

1. Различные международные и российские организации, содружества государств: *ВОИС – Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности, ВОТ – Всемирная Организация по Туризму, ОЭСР – Организация Экономического Сотрудничества и Развития, СНГ – Содружество Независимых Государств*);

2. Международные документы, например, договоры, соглашения, декларации, уставы: *ТУЖД РФ – Транспортный Устав Железных Дорог Российской Федерации, ГТД – грузовая таможенная декларация*;

3. Российские и международные ассоциации, службы, банки, комиссии, общества: *БМР – Банк Международных Расчетов, ВАМ – Всероссийская Ассоциация Маркетинга, КМП – Комиссия Международного Права, МБРР – Международный Банк Реконструкции и Развития*;

4. Названия государственных учреждений, ведомств, министерств и органов власти: *ВС – Верховный Суд, ФСЗ РФ – Федеральная Служба Занятости Российской Федерации, ИТК – исправительно-трудовая колония, МВД – Министерство Внутренних Дел*;

5. Названия правовых кодексов: *АПК РФ – Арбитражный Процессуальный Кодекс Российской Федерации, КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об Административных Правонарушениях*;

6. Различные правовые аббревиатуры: *АСП – аналог собственной подписи, ЕЭП – единое экономическое пространство, КлТС – коллективные трудовые споры, ОКПО – общероссийский классификатор предприятий и организаций*.

В английском языке, как и в русском, основная масса пар-вариантов также приходится на аббревиатуры. В процентном соотношении их большинство – 60%. Здесь встречаются термины, обозначающие:

1. Международные организации, содружества государств: *ЕС – European Communities, EU – European Union, ILO – International Labour Organization, IMF – International Monetary Fund, WTO – World Trade Organization*;

2. Международные и внутренние документы, например, договоры, соглашения, декларации, уставы: *BFSP – British and Foreign State Papers, Foreign Intelligence Surveillance Act - FISA*;

3. Международные и внутренние ассоциации, службы, банки, комиссии, общества: *Futures Industry Association – FIA, Disability Rights Commission – DRC, EBRD – European Bank of Reconstruction and Development*;

4. Названия государственных учреждений, ведомств, министерств и органов власти и права: *ACAS – Advisory Conciliation and Arbitration Service, CAC – Central Arbitration Committee, CIF – court of first instance*;

5. Названия правовых актов: *Securities Exchange Act – SEA, Trade Expansion Act – TEA, PACE – Police and Criminal Evidence Act*;

6. Различные правовые аббревиатуры: *ABC – acceptable behaviour contract, ABH – actual body harm, DWI – driving while intoxicated*.

В отличие от русского языка, в английском существует практика сокращения названий правовых профессий. В русском языке эти термины не сокращаются: *ACC – assistant chief constable, AG – attorney general, ALJ – administrative law judge, CA – commercial agent, J – justice, KC – king’s counsel*.

Итак, как показывает исследование материала, подавляющее большинство вариантов в обоих языках приходится на аббревиатуры; в этом мы видим «давление» общих языков (русского и английского), поскольку аббревиация на протяжении XX века являлся господствующим способом образования новых терминов.

Далее обратимся к универбационным вариантам. Вслед за Л.И. Осиповой под универбацией нами понимается процесс преобразования устойчивого номинативного синтаксического словосочетания в цельнооформленное однолексемное наименование с адекватным значением. Только такое понимание универбации оправдывает, по мнению Л.И. Осиповой, «смысл выделения ее из совокупности словообразовательных процессов, всегда приводящих, в конечном счете, к превращению в одно слово того или иного синтаксического комплекса» [4. С. 35].

Существование универбов в языке обусловлено тенденцией к экономии языковых средств, а также, в юридической терминологии, стремлением к сокращению объема текста.

В русском языке группа универбов (пар вариантов, образованных с помощью семантического стяжения) составляет 14%. Здесь мы

выделяем такие пары терминов как *гастролирующие преступники* – *гастролёры*, *(не)движимое имущество* – *(не)движимость*, *иностранный гражданин* – *иностранец*, *пользование водными объектами* – *водопользование*, *экстремистская деятельность* – *экстремизм*, *владелец судна* – *судовладелец*, *бартерная сделка* – *бартер*, *авианакладная* – *авиагрузовая накладная*.

Отдельно следует выделить группу вариантов-универбов, представляющих собой различные наименования министерств, комитетов, агентств и ведомств. Традиция исходит к развитию языка права советского периода. Здесь встречались и были частотными такие универбы, как *Совнархоз* – *Совет народного хозяйства*, *колхоз* – *коллективное хозяйство*. В современном языке права в России также встречаются подобные варианты-универбы: *ГОЗНАК* – *Государственное производственное объединение производства государственных знаков*, *Госстандарт РФ* – *Государственный комитет Российской Федерации по стандартизации и метрологии*, *Госкомстат РФ* – *Государственный комитет Российской Федерации по статистике*, *Министерство финансов* – *Минфин*, *Министерство юстиции РФ* – *Минюст России*, *Роспатент* – *Российское агентство по патентам и товарным знакам*.

В английском языке данная группа принадлежит к наименее частотным (2% от общего числа терминов-вариантов). Здесь универбация как прием сокращения юридических терминов встречается достаточно редко по сравнению с русскими терминами-единицами, где универбы-советизмы положили начало традиции подобных сокращений в языке власти и права. В английских юридических терминах-вариантах было обнаружено только девять пар универбов: *masters of the bench* – *benchers*, *Coreper* – *Committee of Permanent Representation*, *Interpol* – *International Criminal Police*, *personal property* – *personalty*, *(im) movables* – *(im)movable property*, *geoprofilong* – *geographic profiling*.

Среди терминов права встречаются также и группы с различными типами варьирования или наличия двух разных вариантов одного типа. Так, например, было отмечено наличие двух разных аббревиатур у одного термина: *Воздушный кодекс РФ* – *ВК РФ* – *ВозК РФ*, *British patent* – *BP* - *Br.P.*, *TOLATA* – *TLATA* – *Trusts of land and appointment of trustees*. Группе *ECU* – *European Currency Unit* – *Euro* - здесь мы находим аббревиатурный вариант и универб.

Таким образом, проанализировав лексикографические источники мы пришли к выводу, что типологии варьирования и репрезентативности вариантов в системе терминов права двух языков изоморфны.

При этом господствующее положение в обоих языках занимают аббревиационные варианты (42% в русском и 60% в английском языке).

Универбационные варианты наиболее характерны для русской правовой традиции, чем для английской. В русском языке универбационные варианты занимают третье место (14%), а в английском языке было обнаружено лишь 9 пар вариантов-универбов, что составляет лишь 2% от общего количества вариантных пар.

Несомненно, история становления и развития терминологий права обоих языков, всевозможные политические события и языковые контакты, а также современное развитие международных отношений, международного права повлияли на текущее состояние терминосистем права в английском и русском языках.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–49.
2. Ивлева, Г. Г. О варьировании слов в немецком языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 121–127.
3. Комарова, З. И. Русская отраслевая терминология и терминография: рекомендации по спецкурсу для студентов филол. факультетов вузов. Каменец-Подольский : Изд-во Каменец-Подольского института, 1990. 36 с.
4. Осипова, Л. И. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а. М., 2000. 230 с.
5. Сложеникина, Ю. В. Термин семантическое, формальное, функциональное варьирование: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 288 с.

List of literature

1. Averbuh, K. Ya. Terminologicheskaya variativnost': teoreticheskiy i prikladnoy aspekty // Voprosy yazykoznaneya. 1986. № 6. S. 38–49.
2. Ivleva, G. G. O var'irovaniy slov v nemetskom yazyke // Voprosy yazykoznaneya. 1981. № 6. S. 121–127.
3. Komarova, Z. I. Russkaya otraslevaya terminologiya i terminografiya: rekomendatsii po spetskursu dlya studentov filol. fakul'tetov vuzov. Kamenets-Podol'skiy : Izd-vo Kamenets-Podol'skogo instituta, 1990. 36 s.
4. Osipova, L. I. Novye slova v russkom yazyke: suffiksalye univerby zhenskogo roda s suffiksom -k-a. M., 2000. 230 s.
5. Slozhenikina, Yu. V. Termin semanticheskoe, formal'noe, funktsional'noe var'irovanie: monografiya. Samara: Izd-vo SGPU, 2005. 288 s.

6. Солнцев, В. М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. №2. С.31–42.

7. Степанова, М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества: на материале современного немецкого языка // Вопросы языкознания. 1967. №2. С. 89–97.

6. Solntsev, V. M. Variantnost' kak obschee svoystvo yazykovoy sistemy // Voprosy yazykoznaninya. 1984. №2. S.31–42.

7. Stepanova, M. D. Voprosy leksiko-grammaticheskogo tozhdestva: na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka // Voprosy yazykoznaninya. 1967. №2. S. 89–97.

**ТЕКСТЕМА «МАШЕНЬКА» КАК МОДАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА
В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА**

О. О. Хасанова

Статья посвящена рассмотрению текстемы «Машенька» в одноименном романе Владимира Набокова. Именно данная лексема является организующим центром текста, его модальной доминантой.

Ключевые слова: модальность, художественный текст, текстема, модальная доминанта.

Особое место среди понятий современного коммуникативного подхода занимает категория модальности. Будучи категорией, во многом определяющей смысловую структуру текста и обеспечивающей его контакт с внеязыковой действительностью, модальность является объектом неослабевающего внимания исследователей.

В современной лингвистической литературе понимание модальности неоднозначно: оно объединяет различные определения и толкования. Параллельно сосуществуют самые разнообразные исследования: от традиционного изучения модального значения различных единиц языка до содержательной разработки модальности текста. Категория модальности рассматривается нами как «категория, поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки» [4. С.112].

В данной статье обратимся к рассмотрению текстемы «Машенька» в одноименном романе Владимира Набокова, так как именно эта текстема в произведении, на наш взгляд, является модальной доминантой. По определению Е.И. Дибровой, текстема – «слово или сочетание слов, встречающихся в произведениях писателя в совокупности своих значений: в общеупотребительном прямом и переносном значениях и в собственно авторском, текстовом смыслах. Авторский смысл — это личностное содержание слова или сочетание слов, которое возникает как истолкование предмета, признака, явления под влиянием целеустановок, замыслов, идей, системы взглядов писателя (авторской концепции)» [3. С.27]. Иными словами, текстема есть ключевое слово, обладающее значительным текстообразующим потенциалом и отражающее авторский идейный замысел произведения, который реа-

лизуется в художественном тексте. Важно, что исследуемая нами лексема занимает сильную позицию в произведении, так как выступает в качестве заглавия. Известно, что категория модальности проявляется в способности заглавия выражать разные типы оценок и передавать субъективное отношение к изображаемому в произведении.

В качестве заглавия автор выбирает слово, представляющее собой уменьшительно-ласкательную форму имени существительного, образованную с помощью суффикса субъективной оценки – «Машенька», что оказывает на читателя эмоциональное воздействие. Таким образом, данное заглавие совмещает собственно номинативную функцию с оценочной.

Заглавие выделяет образ героини романа: это центральная фигура внутреннего мира текста. Поскольку слово-символ, вынесенный в заглавие, неоднократно повторяется в тексте, то это позволяет нам утверждать, что в романе «Машенька» заглавие выступает и как актуализатор связности текста.

Интересная игра происходит вокруг заглавной героини романа на протяжении всего текста. Первоначально название воспринимается читателем только как обозначение соответствующего персонажа в романном времени, «но именно на неоявлении ее ... и построен сюжет. «Машенька» существует на метауровне – в заглавии – и заполняет вложенное повествование» [1. С.370].

Читатель узнает о героине только из воспоминаний и оценок героев (важно, что Алферов рассуждает о Машеньке – вслух, Ганин – только про себя): «... а жену зовут совсем просто: Мария» [2. С.35], «Бывало, говорил жене: раз я математик, ты мать-и-мачеха...» [2. С.45], «Да, вы правы, нежнейший цветок» [2. С.45], «Бедняжка моя, представляю, как она измучилась в этой проклятой России!» [2. С.51], «Моя жена – прелесть» [2. С.52], «Не даст себя в обиду моя женка» [2. С.71], «Жена моя чи-истая» [2. С.107], «Одним словом: цифра и цветок» [2. С.45], «А завтра приезжает Машенька» [2. С.94], «... студент- санитар при местном солдатском лазарете рассказывал ему о барышине «милой и замечательной»...» [2. С.65], «Ему казалось в эти дни, что у нее должно быть какое-нибудь необыкновенное, звучное имя, а когда узнал от того же студента, что ее зовут Машенька, вовсе не удивился, словно знал наперед, - и поновому, очаровательной значительностью, зазвучало для него это простенькое имя» [2. С.68]. Номинативный ряд героини включает в себя лексемы, представляющие собой оценочные характеристики.

Для Ганина Машенька окружена особым ореолом, не случайно часто в тексте имя героини из уст главного героя звучит как молитва: «*«Машенька, Машенька, – зашептал Ганин, – Машенька...» – и набрал побольше воздуха, и замер, слушая, как бьется сердце. Было около трех часов ночи, поезда не шли, и потому казалось, что дом остановился. На стуле, раскинув руки, как человек, оцепеневший среди молитвы, смутно белела в темноте сброшенная рубашка»* [2. С.68]. Ирония и сарказм пронизывают описание Алферова в подобной ситуации: *«Алферов вдруг понял, вздохнул и перекрестился.*

– Слава тебе, Господи... Приезжает.

Широко улыбаясь и потирая свои костлявые ляжки, он присел на постель и стал покачиваться взад и вперед. Его водянисто-голубые глаза быстро помигивали, бороздка цвета навозца золотилась в ком-то потоке солнца» [2. С.80].

По прочтении романа становится ясно, что это заглавие полифонично, по мере развертывания текста оно семантически преобразуется: «*«Машенька», – опять повторил Ганин, стараясь вложить в эти три слога все то, что пело в них раньше, – ветер, и гудение телеграфных столбов, и счастье, – и еще какой-то сокровенный звук, который был самой жизнью этого слова»* [2. С.69], «*На этих снимках Машенька была совсем такой, какой он ее помнил, и теперь страшно было подумать, что его прошлое лежит в чужом столе»* [2. С.69], «*Идя к обеду, он не подумал о том, что эти люди, тени его изгнаннического сна, будут говорить о настоящей его жизни, – о Машеньке»* [2. С.71], «*Завтра приезжает вся его юность, его Россия*» [2. С.104]. Таким образом, обобщающий смысл заглавия раскрывается в тексте постепенно. «Машенька» – скрытая метафора, это не только имя героини, это символ настоящей жизни, противостоящей хаосу.

Текстема «Машенька» оказывается связанной с одним из «самых светлых» и важных в структуре романа эмоциональных понятий Счастье: «*...и ловя в них дивное ослепительное воспоминание счастья, – женское лицо, всплывшее опять после многих лет житейского забвенья...»* [2. С.54], «*Я очень счастлива*» [2. С.65], «*Счастье, – повторил тихо Ганин, складывая все пять писем в ровную пачку. – Да, вот это – счастье*» [2. С.98], «*Какое счастье. Это будет завтра, нет, сегодня, ведь уже за полночь»* [2. С.104], «*...роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, – эти четыре дня были быть может счастливейшей порой его жизни*» [2. С.111].

Образ Машеньки разрушает временные связи: сначала в воспоминаниях Ганина, потом в письмах Машеньки происходит полное слияние прошлого и настоящего. В финале Ганин обращается к будущему. Герой обретает настоящее счастье – смысл жизни, происходит переход в другое измерение, в другое пространство. Ганин просыпается от счастья-сна и понимает, что *«кроме этого образа, другой Машеньки нет, и быть не может»* [2. С.112].

Таким образом, многозначное заглавие «Машенька» является еще и многофункциональным. Оно связано со сквозной оппозицией текста «реальное/нереальное» и соответственно выделяет его конфликт.

Итак, текстема «Машенька» является организующим центром текста, его субъективно-модальной доминантой. Будучи ядром модели порождения текста, оно организует семантику, морфологию и стиль произведения, выражает отношение автора и его героев к обозначенным проблемам, выражает важнейшие смыслы и конденсирует основные темы и мотивы произведения.

Список литературы

1. Левин, Ю. Заметки о «Машеньке» В.В. Набокова // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA: Личность и творчество Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Б. Аверина и др. СПб., 1999.
2. Набоков, В. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1990.
3. Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.
4. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3.

List of literature

1. Levin, Yu. Zametki o «Mashen'ke» V.V. Nabokova // V.V. Nabokov: PRO ET CONTRA: Lichnost' i tvorchestvo Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley: Antologiya / Sost. B. Averina i dr. SPb., 1999.
2. Nabokov, V. V. Sbranie sochineniy. V 4 t. T. 1. M., 1990.
3. Slovar' yazyka Mihaila Sholohova. M., 2005.
4. Turaeva, Z. Ya. Lingvistika teksta i kategoriya modal'nosti // Voprosy yazykoznaneya. 1994. №3.

ЯЗЫК СМИ

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЖАНРА «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

М. М. Бичарова

Статья посвящена изучению жанра «книжное обозрение». В работе предлагается подход для классификации разновидностей изучаемого жанра, предлагающий рассматривать данный вопрос в связи с общими проблемами типологии жанров массово-информационного дискурса и типологическими признаками их классификации. Критериями для построения типологической модели послужили различные признаки изучаемых текстов, в том числе жанровая принадлежность объекта обозрения, структура, коммуникативное намерение обозревателя.

Ключевые слова: массово-информационный дискурс, жанр, книжное обозрение, типологическая модель

Интерес лингвистики и смежных с ней областей знания к современной публицистике и ее жанрам постоянно возрастает. В сфере массовой информации наиболее ярко отражаются тенденции развития общества, причем, как отмечает Г.Н. Нецименко, «язык СМИ <...> становится эталонным, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этической языковой культуры в целом» [5. С. 101].

Реализуя две основные функции массово-информационного дискурса – информационной и воздействующей, – авторы современных печатных изданий используют множество различных жанров, образующих в совокупности сложную систему, в которой, в зависимости от назначения и на основе ряда признаков, они объединяются в группы.

Жанр «книжное обозрение» является разновидностью обозрений, которые относятся к группе аналитических, отличающихся представлением «широкого полотна фактов, которые трактуются, обобщаются, служат материалом для постановки определенной проблемы и ее всестороннего рассмотрения и истолкования» [3].

Обозрение называют одним из традиционных, устойчивых жанров аналитической публицистики, который отличается строгой фактологичностью, причем факты отбираются и группируются в соответствии с определенной авторской целью, широтой исследования материала.

Проблема типологической классификации текстов книжных обзрений, а также вопрос выделения критериев, по которым возможно определение тех или иных разновидностей данного жанра практически не разрабатываются. Однако накопленные наукой данные позволяют выделить ряд признаков текста: информационные, стилистические, функциональные, структурно-семиотические, коммуникативные, – базируясь на которых можно выделить основные критерии дифференциации различных видов книжных обзрений.

Наиболее перспективным для создания типологии жанра «книжное обозрение» нам представляется подход, предлагающий рассматривать данный вопрос не изолированно и не только на уровне систематизации разновидностей жанра, а в связи с общими проблемами типологии жанров массово-информационного дискурса, в связи с типологическими признаками их классификации. В этом случае «книжное обозрение» можно представить как один из уровней жанровой системы масс-медиа и выделить подуровни, субжанры, представляющие собой разновидности рассматриваемого жанра.

Типологическую классификацию текстов книжных обзрений массово-информационного дискурса составляют группы текстов данного жанра, объединенные сходными содержательно-формальными признаками, выполняющие определенные функции.

Анализ различных лингвистических источников и фактического материала, а также описания основных жанрообразующих факторов некоторых исследователей (Бахтин, 1986; Тertyчный, 2000; Крикунов, 1976; Толченова, 1976 и др.) позволили нам обозначить различные типы книжных обзрений (субжанры) в дискурсе СМИ, которые позволят более четко представить особенности и целевые установки отдельно взятой группы книжных обзрений.

Итак, первичное и самое поверхностное изучение разновидностей жанра «книжное обозрение» позволяет выделить *тематические* разновидности жанра, которые представляют собой описания произведений, относящихся к различным уже хорошо известным жанрам художественной, научной и публицистической литературы. Так, англоязычные печатные издания предлагают читателю озна-

комиться со следующими обозрениями: «детективное обозрение», «фантастическое обозрение», «обозрение детской литературы», «документальное обозрение», «биографическое обозрение» «обозрение мемуаров», «историческое обозрение» и др.

Интересно, что язык и стиль отдельно взятой разновидности книжных обозрений данной классификации как бы перенимает некоторые наиболее яркие стилистические и функциональные признаки жанра рассматриваемого произведения.

По *широте содержания* книжные обозрения можно разделить на развернутые, стандартные и сжатые. Особенностью развернутых обозрений является практически полное изложение сюжета рассматриваемого произведения с приведением комментариев к нему, критики, авторских замечаний и анализа авторской позиции. Авторы таких обозрений обладают авторитетом и имеют свои общественно-нравственные и политические убеждения. Объем развернутых книжных обозрений может достигать трех страниц машинописного текста (10 000 знаков).

Стандартные книжные обозрения, тексты среднего размера, достигающие объем не более одной страницы (3 000 знаков) являются более распространенной разновидностью жанра. Как правило, в них сжато, но емко дается информация о содержании обозреваемого произведения и кратко излагается позиция автора обозрения. Такие обозрения более эмоциональны и менее формализованы.

Наконец, сжатые книжные обозрения объемом порядка 1000 знаков представляют собой интригующее описание сюжета произведения, затрагиваемое лишь его завязку и часть кульминационного момента. Авторы кратких обозрений ставят перед собой цель заинтересовать читателя, заставить его приобрести и прочитать книгу до конца, поэтому в таких обозрениях всегда присутствует элемент недосказанности, а текст обозрения, как правило, завершается либо незаконченным предложением, либо интригующей фразой.

По *количеству обозреваемых произведений* можно выделить моно-обозрения и поли-обозрения. Авторы моно-обозрений представляют читателю одно произведение и лишь в процессе описания могут упомянуть о некоторых других работах того же автора, сравнивая некоторые отдельные аспекты. В поли-обозрении речь может идти о двух и более произведениях, причем их комбинации могут быть самые различные: две работы одного автора, два произведения разных авторов, но по близкой друг к другу тематике или в одном жанре и т.п.

Книжные обзоры можно также классифицировать по рубрике, в которую они выходят. Различные издания размещают информацию о книжных новинках в разных рубриках, в зависимости от степени охвата аудитории, на которую нацелены обзоры. Так, информация о новых книгах может выйти в специально созданной для этого рубрике «Книги» или «Книжные обзоры» («Books» или «Book reviews»), в разделе «Искусство и развлечения» («A&E» – «Arts and Entertainments»), просто в рубрике «Развлечения» («Entertainment»), в рубрике «Жизнь» («Life») или в разделе, посвященном не только книжным, но и другим различным новинкам из сферы культуры, искусства и спорта, под названием «Сенсации» («Features»).

Подобная дифференциация книжных обзоров обусловлена наличием конкурентной борьбы между изданиями за привлечение аудитории, повышением рейтингов газет и прочими факторами. Так, книжные обзоры более «читаемы» в рубриках «Искусство и развлечения», «Жизнь» и «Сенсации», поскольку, даже не ставя перед собой цель ознакомления с новинками литературы, читатель, тем не менее, просматривает интересующие его рубрики и непроизвольно знакомится с обзором как минимум на уровне заголовка. Серьезные печатные издания с широкой аудиторией, как правило, к подобным «уловкам» не прибегают, поскольку и без этого каждый читатель при необходимости находит необходимый ему раздел.

Являясь разновидностью рекламного текста, книжные обзоры по-разному проявляют рекламную функцию. В зависимости от *типа воздействия* на потенциального покупателя товара (книги), мы считаем, что книжные обзоры можно разделить на обзоры прямого действия и обзоры косвенного действия. Книжные обзоры прямого воздействия несут провокационный, интригующий характер, они эмоциональны, изобилуют предложениями в повелительном наклонении, содержат множество аргументов в пользу приобретения книги, имеют элемент недосказанности, загадки. Обзоры косвенного воздействия эмоционально нейтральны, материал о произведении в них преподносится в виде объективной информации, и оценка произведения осуществляется с более рациональной точки зрения, нежели с эмоциональной, даются сухие факты и цифры: о количестве выпущенных и проданных экземплярах, количество комментариев, оставленных, к примеру, в Интернете, количестве скачиваний с сайта и пр. Несмотря на отличия в характере подачи информации, тем не менее, каждый из видов книжных обзоров в той или иной

степени соответствует задаче, поставленной перед автором книжного обозрения: прорекламировать произведение.

Выделение разновидностей жанра «книжное обозрение» основано на преобладании тех или иных принципов в каждой из разновидностей, однако данные разновидности не являются чистыми типами, поскольку та или иная разновидность может иметь элементы, характерные для другой разновидности.

Наиболее важными нам представляются структурный и прагматический критерии дифференциации жанра.

Книжное обозрение, как любой текст имеет свою структуру, представленную в двух видах: глобальном и детальном. В глобальной структуре выделяются два формально инвариантных, но содержательно вариативных компонента: информационно-иллюстративный и информационно-конструктивный. Каждый из двух компонентов включает компоненты структуры детального вида. Структура детального вида в своей целостности очень вариативна, не подлежит стандартизации в сравнении со структурой глобального вида – четко сформулированной, лимитированной двумя постоянными компонентами, что соответствует аналитическому жанру, а именно его основным целям: презентация содержания, оценка произведения, привлечение внимания читателя.

Состав элементов информационно-иллюстративного компонента структуры жанра «книжное обозрение» является критерием дифференциации разновидностей жанра по структуре на монокомпонентные и поликомпонентные.

Основными элементами поликомпонентного книжного обозрения являются заголовок, лид (вводка), предтекст (тезис), тело, постскрипtum. Поликомпонентную структуру имеют обозрения развернутого типа. Сжатые характеризуются наличием монокомпонентной структуры. За заголовком в таких обозрениях следует сразу тело, состав которого зависит от коммуникативной цели обозревателя.

Для прагматической классификации текстов жанра «книжное обозрение» критерием служит учет интенциональной установки адресанта. На основании данного критерия мы выделяем следующие прагматические разновидности жанра «книжное обозрение»: констатирующие, просветительные, критико-аналитические, идеологически-маркированные и сенсационные книжные обозрения.

Констатирующие книжные обозрения представляют собой не самый распространенный вид жанра, характеризующийся нейтраль-

ной подачей информации. Обозрения такого типа анонсируют выход в свет ожидаемых книг, чьи авторы уже давно зарекомендовали себя в широких читательских кругах и не нуждаются в рекламе.

Констатирующие книжные обозрения нацелены на формирование у читателя представления об объективно поданной информации, без рекламы и приукрашивания.

В структуре текстов данного субжанра чаще всего наиболее четко выделяется базовая часть, представляющая собой либо изложение материалов книги с многочисленными вкраплениями цитат или отрывков из обозреваемого произведения, либо последовательное описание истории создания сюжета. Для изложения фактуальной информации об обозреваемом произведении, которая имеет довольно разнородный характер, используются различные речевые формы, среди которых сообщение, повествование и описание.

Сообщение в книжном обозрении используется для информирования читателя о выходе в свет нового произведения, основных сведениях об авторе, информации исторического плана. Описание используется для изложения фактуальной информации: основных характеристик произведения и его персонажей, особенностей его содержания, описания отдельных эпизодов и ключевых моментов. Поскольку объекты описания в книжном обозрении могут быть различны, речевая форма описание также выступает в различных видах: «описание-портрет», «описание-характеристика», «описание-сцена» и «описание-аннотация».

Речевая форма «повествование» используется для изложения сюжета обозреваемой книги, произведения. Особенность повествования, используемого в книжном обозрении наряду с различными видами описания, состоит в том, что объектом повествования являются не реальные факты и события, а события, происходящие в художественном произведении. В силу этого повествование в книжном обозрении носит вторичный характер.

Тексты констатирующих книжных обозрений, представленные в информационно-фактуальной форме, также могут отличаться вкраплениями элементов оценочности, которые выражаются в текстах в виде одного слова или словосочетания.

Субжанр культурно-эстетического книжного обозрения является ярким примером реализации языка как средства выражения культуры, поскольку, тексты книжного обозрения являются носителями информации об одном из важнейших элементов культуры – литературе.

Коммуникативное намерение автора такой разновидности субжанра заключается в попытке пробудить в читателе способность прочувствовать свою связанность с миром, содержательно пережить и человечески ценностно выразить полноту и многообразие этих отношений.

Заголовок в культурно-эстетическом книжном обозрении является одним из важнейших элементов структуры. Каждый заголовок культурно-эстетических книжных обозрений можно отнести к тому или иному ключевому доминантному концепту, например, «политика», «экономика», «культура», «образование» и т.п., которые могут рассматриваться как мировоззренческие универсалии.

Культурно-эстетические книжные обозрения не отличаются единообразием в структуре текстов. В зависимости от вида издания, коммуникативного намерения и индивидуального стиля структура варьируется от самой простой, когда обозрение состоит из заголовка и базовой части, до самой сложной и многоступенчатой, когда в тексте присутствуют все элементы структуры, а сама базовая часть разделена на подразделы с отдельными заголовками.

При наличии в структуре культурно-эстетического книжного обозрения речевых форм сообщения и повествования, доминирующими речевыми формами выступают «рассуждение» и «описание».

Описание в культурно-эстетическом книжном обозрении отличается богатством лексики, фразеологии и использованием различных стилистических приемов, поскольку именно посредством описания обозреватель реализует коммуникативное намерение.

Воздействующего эффекта автор данной разновидности обозрения добивается при помощи использования различных лексических, графических, словообразовательных и синтаксических средств.

Специфика рассуждения определяется тем, что в культурно-эстетических книжных обозрениях редко прослеживается личная оценка обозревателя, но четко определена позиция автора книги, которая подчеркивается в данной речевой форме.

Для культурно-эстетических книжных обозрений характерно обилие экспрессивной лексики, которая призвана оказать определенное воздействие на реципиента в соответствии с интенцией адресанта.

Важным приемом повышения прагматического потенциала текстов культурно-эстетических книжных обозрений является языковая игра, которая построена на комическом эффекте, в основе которого – отклонение от привычного, совмещение несовместимого, нарушение стереотипного восприятия действительности.

Проникновение комического в жанр «книжное обозрение» позволяет нам выделить в субжанре культурно-развлекательных книжных обозрений еще одну подгруппу – развлекательные книжные обозрения, в которых информация о книгах и литературных произведениях подается с юмором, иронией, а иногда и сарказмом.

Критико-аналитические книжные обозрения, относящиеся к одному из наиболее частотных прагматических типов книжных обозрений, представляют существенный интерес для лингвистического анализа. Нацеленность текстов СМИ на закрепление определенных социальных ценностей находит языковое выражение в системе оценок. Прагматическая информация в таких текстах доводится до адресата с помощью оценочной лексики, грамматических форм выражения языковой модальности, а также посредством контекстуально получаемых оценочных значений, которые могут выражаться как имплицитно, так и эксплицитно.

Имплицитная оценка в критико-аналитическом книжном обозрении, как и в большинстве публицистических текстах, может выражаться метафорами, эвфемизмами и словами, построенными на контаминации разных, нейтрально окрашенных слов. Для создания оценочных номинаций используется также прием, построенный на взаимодействии, скрещивании, объединении языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящем к их семантическому или формальному изменению или образованию новой языковой единицы. Эксплицитная оценка выражается при помощи цитирования и контекста.

Рассматривая любое произведение, автор критико-аналитического книжного обозрения прибегает к его анализу, который складывается, как правило, из трех этапов.

Первый тап анализа представляет собой непосредственное, стихийное, «наивное» читательское восприятие, второй – анализ, предполагающий детальное рассмотрение произведения, расчленение целого на части, выделение отдельных элементов произведения и выявление отношений между ними и третий – синтез, в ходе которого происходит возвращение к целостному восприятию, но уже обогащённому аналитическим рассмотрением. По характеру оценочности мы выделяем два подтипа критико-аналитических книжных обозрений:

– обозрения, демонстрирующие положительное отношение адресанта к обозреваемому произведению;

– обозрения, демонстрирующие отрицательное отношение адресанта к обозреваемому произведению, либо его элементам.

Главными целями идеологически-маркированного книжного обозрения выступают убеждение, воздействие и манипуляция при помощи обращения к чувствам и эмоциям. Такая особенность придает рассматриваемому субжанру риторическую специфику, выражающуюся в использовании пафоса, этоса и логоса – приемами, которые можно соотносить с лингвистической теорией речевого воздействия.

В рамках субжанра идеологически-маркированного книжного обозрения аргументация рассматривается как совокупность стратегий и тактик, реализуемых с целью речевого воздействия на реципиента, убеждения читателя и манипулирование им в рамках определенной идеологии.

Каждое идеологически-маркированное книжное обозрение может иметь ту или иную идеологическую направленность, которая диктуется, прежде всего, характером обозреваемого произведения, а точнее, его тематикой. Само произведение может не нести в себе четко выделяющуюся идеологию, однако обозреватель, руководствуясь определенной коммуникативной интенцией, эту идеологичность придать как книжному обозрению, так и объекту своего анализа.

Для каждого из идеологических направлений характерно использование определенной лексики – идеологем. Кроме того, для убеждения читателя в определенной идеологической позиции авторы идеологически-маркированных книжных обозрений прибегают к использованию так называемых суггестивных методов: заражение, внушение и убеждение. Однако обозреватель не может вызвать доверие у читателя только лишь путем использования различных инструментов речевого воздействия, поскольку на практике настороженность, та или иная доза недоверия почти всегда налицо.

Настороженность и недоверие частично снимаются многими изданиями путем использования так называемых «постскриптов», в которых описывается предыдущий опыт обозревателя, что в целом помогает сгладить тот факт, что читатель видит впервые фамилию того или иного обозревателя и впервые знакомится с его работами.

Сенсационным книжным обозрениям отведена роль информирования о выходе в свет нового книжного издания в эпатазирующей, сенсационной форме.

Для сенсационных книжных обозрений характерны поиски хлестких и метких оценок, требующих необычных лексических со-

четаний, особенно при рассмотрении в рамках обозреваемого произведения какой-нибудь животрепещущей темы. Свойственно таким текстам и образное употребление слов: метафоры, метонимии, олицетворения. Для текстов сенсационных книжных обзоров характерно метафорическое использование терминологии.

Материалом для создания лексики субжанра может послужить весь словарь литературного языка, хотя некоторые его разряды особенно продуктивны в данной разновидности изучаемого жанра.

Тематическая неограниченность текстов книжных обзоров, которая определяется неограниченностью тематики выходящих в свет произведений литературы, определяет необычайную широту и разнообразие их лексики.

Для данной разновидности книжных обзоров характерны некоторые черты сенсационной прессы, например, доминирование визуальной информации над текстовой, эпатазирующее освещение табуированной обзором тематики, гиперболическое представление материала, тематический и стилистический эклектизм.

Эпатазирующее освещение табуированной тематики, которая во многом определяет рекламный характер книжных обзоров данной разновидности, является еще одной характерной особенностью сенсационных книжных обзоров.

Сенсационные книжные обзоры характеризуются также высоким уровнем эмоциональности, который достигается путем использования в текстах специфической лексики, риторических вопросов и восклицаний, окказионализмов, а также сочетание возвышенной, нейтральной и разговорной лексики, включающей жаргонизмы.

Сенсационный материал в книжном обзоре представляется версией экстраординарного события-высказывания в форме своеобразного отзыва на объект возможного читательского интереса. Сенсационным книжное обозрение делает, как правило, какой-либо экстраординарный факт, имеющий отношение либо непосредственно к произведению, либо к ее автору, либо к иным событиям, связанным с книгой и процессом ее написания.

Значимость выделенных критериев классификации книжных обзоров, а также обозначенных на их основании групп неравновелика, однако общие формально-содержательные признаки и соответствующие им функциональные характеристики позволяют сформулировать характерные черты, структурные элементы и целевые установки каждой отдельно взятой группы.

Выделение разновидностей жанра «книжное обозрение» основано на преобладании тех или иных принципов в каждой из разновидностей. Естественно, что выделенные разновидности не являются чистыми типами, и что та или иная разновидность может иметь элементы, характерные для другой разновидности. Выделение типов книжных обозрений производится на основе доминирующего типа используемых элементов. Это вполне объяснимо, поскольку текст «по самому своему существу одновременно и детерминирован, и размыт» [2. С. 4].

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 189 с.
3. Кадькова, И. Жанры журналистики. 2007. URL : http://www.solidaren.ru/smi_int/detail.php?ID=2923
4. Крикунов, Ю. А. Рецензия в газете: уч. пособие для гос. ун-тов. М. : Изд-во МГУ. 1976. 40 с.
5. Нещименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–103.
6. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2000. URL : <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>
7. Толченова, Н. Рецензия: жанр и задачи рецензента // Газетные жанры: сборник статей / Под ред. В.И. Власова. М. : Политиздат, 1976. 176 с.

List of literature

1. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov // Estetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskusstvo, 1986. S. 250–296.
2. Gal'perin, I. R. Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 1981. 189 s.
3. Kadykova, I. Zhanry zhurnalistiki. 2007. URL : http://www.solidaren.ru/smi_int/detail.php?ID=2923
4. Krikunov, Yu. A. Retsenziya v gazete: uch. posobie dlya gos. un-tov. M. : Izd-vo MGU. 1976. 40 s.
5. Neschimenko, G. P. Dinamika rechevogo standarta sovremennoy publichnoy verbal'noy kommunikatsii: problemy, tendentsii razvitiya // Voprosy yazykoznaniya. 2001. № 1. S. 98–103.
6. Tertychnyj, A. A. Zhanry periodicheskoy pechati: Uchebnoe posobie. M. : Aspekt Press, 2000. URL : <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>
7. Tolchenova, N. Retsenziya: zhanr i zadachi retsenzenta // Gazetnye zhanry: sbornik statey / Pod red. V.I. Vlasova. M. : Politizdat, 1976. 176 s.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА ACTIVE METAPHORS IN LITERARY TRANSLATION

М. А. Куниловская, Н. В. Короводина

В статье описываются закономерности перевода авторской метафоры в художественном тексте, обнаруженные в ходе сопоставительного семантического анализа метафор в произведениях английской литературы и их переводах на русский язык.

Ключевые слова: художественная метафора, способы перевода, семантический анализ, виды метафор.

Настоящая статья содержит описание результатов анализа семантики и структуры авторской (художественной) метафоры в оригинале и переводе, проведенного с целью выявления закономерностей перевода такой метафоры с английского языка на русский. Материалом исследования послужили классические произведения английской прозы (Моэм, Пристли, Джером), общим объемом 685 страниц и их переводы на русский язык. Объем выборки, образованной методом сплошного отбора всех сохранивших образность метафор, составляет 152 примера. В выборку не вошли языковые метафоры, характеризующиеся стертой образностью и не воспринимающиеся носителями языка как метафоры: e.g. (1) *His dark eyes, set deep in their sockets, were large and tragic.*

В рамках настоящего исследования под авторской (художественной) метафорой понимается образный троп, используемый для реализации эстетической, а не номинативной функции в художественном произведении, в основе которого лежит перенос имени одного предмета на другой на основе их сходства. Это способ вторичной номинации [1], отражающий неповторимость мировидения писателя и специфику индивидуального преломления какой-либо коллективной метафорической модели [2. С. 35].

Способы перевода такой метафоры в нашем исследовании выделяются по двум классификационным признакам: 1) сохранение образа исходной метафоры в переводе и 2) степень семантического и структурного соответствия средств его оформления в переводе тем,

что использованы в оригинале. При этом мы проводили исследование отдельно для каждого из двух видов художественной метафоры, выделяемых А.И. Ефимовым по степени оригинальности – для **индивидуально-авторской и общенародной метафор** [3. С. 106]. Эта деление осуществлялось на основе словарных данных по признаку наличия/отсутствия у лексических единиц, оформляющих метафору, соответствующих переносных значений. Такое деление позволяет противопоставить метафоры, свойственные идиолекту конкретного писателя, хотя и основанные на общих для языка метафорических моделях, но отражающие индивидуально-авторское мировосприятие, и метафоры, представляющие собой традиционную реализацию общеязыковых метафорических моделей. По нашей гипотезе эти два вида художественной метафоры переводятся разными способами.

1) **индивидуально-авторские** (48 %) - окказиональные, контекстуально обусловленные образования писателя, которые отличаются оригинальностью, новизной, тесной связью с контекстом: e.g. (2) *Miss Verever displayed an uncomfortable amount of sharp gleaming bone, just as if the upper part of her was a relief map done in ivory.*

2) **общенародные** (52 %) – метафоры, отмеченные в словарях, но не потерявшие образности: e.g. (3) *The fire winked cheerfully over the grate.*

Для того чтобы определить, сохраняется ли исходный метафорический образ в переводе, мы провели сопоставительный семантический анализ метафорических единиц в оригинале и их соответствий в переводе. Такой анализ проводился путем определения набора сем, входящих в интенционал и импликационал единиц, оформляющих метафору, на основе данных словарей и контекста и выявления метафорической модели, по которой образован троп. По этому основанию выделилось три группы примеров. Во-первых, это метафоры, переведенные **с сохранением образа**, лежащего в ее основе. Такие случаи составляют большую часть выборки (86,8%). В таких переводах нередко меняется лексико-семантическое, грамматическое, синтаксическое оформление образа, однако, несмотря на это, сохраняется метафорическая связь между теми же двумя концептами, что и в оригинале, в языке перевода реализуется та же метафорическая модель, что и в оригинале. E. g. (4) *His sincerity was obvious in the fire of his gestures and in his deep, ringing voice.* – *Пламенные жесты и звучный низкий голос излучали самую откровенную искренность.* (5)

I shall not soon forget the exquisite comedy of that meal. – Я долго не забуду невероятную комедию, в которую превратился этот ужин.

Во-вторых, выделилась группа метафор, переведенных путем **замены образа** (3 из 152; 2%). E. g. (6) *Her chin was square and her nose decided, but the roundness of youth must have masked this* – У нее был квадратный подбородок, решительный нос, которые в свое время скрывала свежесть юности.

В таких случаях переводчик предпочитает выразить мысль автора посредством образа, более свойственного принимающей культуре и отличного от исходного, признак-цель обозначается через отличный от оригинального признак-основание. Выбор этой стратегии перевода осуществляется при наличии расхождений в метафорических картинах мира двух языков, т.е. при отсутствии в языке перевода метафорической модели, совпадающей по составу концептов с исходной.

В-третьих, в ряде случаев переводчик вообще **отказывается от сохранения исходной фигуры речи**, прибегая к деметафоризации, т.е. изложению мысли автора прямо, без образа, либо к компенсации, т.е. введению в текст другой метафоры в другом месте текста. E. g. (7) *He plunged into the drama of London's underworld.* – Он сразу же окунался в жизнь лондонских углов. (8) *The darkness thinned away.* – Наступал рассвет. В нашей выборке такие примеры составляют примерно 11,2%.

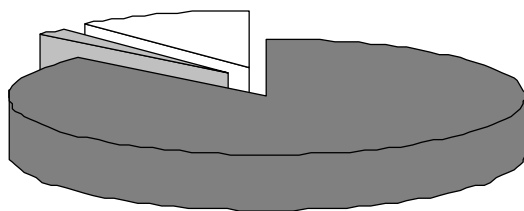
Исследование показало, что переводчики в большинстве случаев стремятся к сохранению авторской образности как при переводе индивидуально-авторской, так и общезыковой художественной метафоры (см. Диаграмма 1). Эта стратегия реализована при переводе 62 из 73 метафор первого типа и 70 из 79 метафор второго типа.

Диаграмма 1.

**Частотность использования основных стратегий перевода
в целом по всей выборке**

Замена образа

Деметафоризация

Сохранение образа

В связи с тем, что подавляющее большинство метафор в нашей выборке переведено с сохранением исходного образа, но способы оформления одного и того же образа варьируют, мы выделили **типы семантических преобразований**, к которым прибегают переводчики, следуя этой стратегии перевода метафоры. Необходимо подчеркнуть, что на этом этапе исследования мы рассматриваем только группу примеров, в которых сохранена авторская образность, так как логически связать семантику исходной метафорической конструкции и текста перевода в тех случаях, где образ заменен или опущен, не представляется возможным. Кроме того, необходимо отметить, что из статистического анализа были исключены случаи, в которых переводчик применял несколько структурно-семантических трансформаций одновременно. *E.g.* (9) *The fine autumn afternoon was losing its bright gold and turning into 1) smoke and distant fading flame, so that it seemed for a moment as if London bridges were burning down. – Яркое золото погожего осеннего дня уже переходило в угасающее вдали 1) дымное пламя 2) заката, и казалось, что все лондонские мосты объаты пожаром. (1) Замена на уровне морфологического оформления, 2) добавление). Таким образом, дальнейшее исследование проводилось на материале 50 и 67 примеров индивидуально-авторской и общенародной метафор соответственно.*

На основе этого исследовательского материала, мы выделили следующие виды переводческих преобразований, связанных с изменением языкового оформления метафоры.

1) Самым частотным способом перевода в нашей выборке оказалась такой способ перевода как **полный перевод**, при котором в переводе сохраняется семантика и структура авторской метафоры. *E.g.* (10) *She was a lovely bird of passage. – Это была чудесная перелетная птица*. Лексические значения русского и английского словосочетания имеют одинаковый семный состав, в том числе в части импликационала, являющегося основой метафорической конструкции (в примере (10) - *энергичный, подвижный, тот, который ведет активный образ жизни*); эти словосочетания вызывают одинаковые ассоциации у представителей двух языков, что позволяет использовать их в качестве соответствий друг другу. Обращает на себя внимание тот факт, что число индивидуально-авторских метафор переведенных таким способом почти вдвое меньше, чем аналогичный показатель по общенародным метафорам (См. Таблицу 1). Это вероятно, можно объяснить тем, что последние создаются в соответствии с общими

законами познания, их концептуальная основа является общей для многих языковых коллективов, поэтому способы выражения общенародных метафор являются типичными во многих языках.

2) **Замена на уровне лексического оформления**, т.е. использование слов с другим семным составом интенционала, но схожим импликационалом.

E.g. (11) ... *it was a floating plank on the wide ocean of puzzle and muddle into which he had suddenly been plunged.* Это была спасительная лодка в безбрежном океане затруднений и неразрешимых вопросов, куда он внезапно был брошен.

Интенционал английского слова 'floating' включает *гиперсему* = the quality, *гипосему* = moving or resting on the surface of a liquid without sinking. Интенционал русского слова 'спасительный' включает *гиперсему* = свойство, *гипосему* = доставляющий спасение, избавление от опасности. Аналогичным образом различаются семные составы слов 'plank' и 'лодка', но метафорический образ, который закреплен за состоящими из этих слов словосочетаний в рамках данного художественного контекста, совпадает. Тонущий человек находит нечто, что его спасает (интенционал русского словосочетания), так как это нечто 'is not sinking'.

Этот способ перевода оказался более частотным при переводе индивидуально-авторской метафоры (42%), в то время как замена лексического оформления при переводе общенародной метафоры встречается в два раза реже (15%). Такая закономерность подтверждает тезис М.М. Морозова о том, что в отношении оформления образов, особенно индивидуальных образов в рамках художественного контекста, русский и английский языки существенно отличаются, что связано с расхождениями в сочетаемости слов, различными внутренними законами развития лексической стороны языка [4; 145]. Таким образом, при переводе индивидуально-авторских метафор главной проблемой является выбор слова, способного, с одной стороны, отразить своеобразие авторской образности, а с другой, не вступающего в противоречие с принятыми в языке перевода способами выражения.

3) **Замена на уровне морфологического оформления**, т.е. использование слов, имеющих схожее лексическое значение, но относящихся к другому лексико-грамматическому классу или имеющих другие грамматические значения (6% и 7,5%).

E.g. (12) *Then the flare of the day died out...* – Но скоро сияющий день померк.

4) **Замена на уровне синтаксического оформления**, т.е. изменение синтаксического типа предложения, связанное с переводом метафоры (4% и 3%).

E.g. (13) His mouth was opening and shutting as if he were an indignant fish. – Он то открывал, то закрывал рот, как рассерженная рыба.

Этот прием переоформления художественной метафоры (как индивидуально-авторской, так и общенародной метафор) при переводе является наименее частотным.

5) **Добавление / опущение лексических единиц**, оформляющих образ. Один и тот же образ в двух языках может выражаться с большей или меньшей степенью экспликации. Это приводит к необходимости добавлять или опускать слова, создающие его. Интересно отметить, что при переводе на русский язык преобладают добавления, что согласуется с представлением о том, что русский язык более эксплицитен, чем английский.

E.g. (14) The day after the advertisement appeared, the postal heavens opened and a hurricane of letters fell upon Twigg & Dersingham. – На следующий же день после того, как объявление появилось в газетах, почтовые небеса разверзлись и на “Твигга и Дэрсингема” обрушился настоящий ураган писем.

Процентное соотношение единиц выборки, переведенных таким образом составляет 6 и 14 единиц - 12% и 20,9% для первой и второй групп метафор соответственно.

Таблица 1.

Соотношение приемов сохранения авторской образности в переводе для каждого вида метафоры (в %)

	Индивидуально-авторская метафора	Общенародная метафора
Полный перевод	36	53,7
Лексические замены	42	15
Морфологические замены	6	7,5
Синтаксические замены	4	3
Добавления/опущения	12	20,9

В целом можно утверждать, что выбор способа переоформления художественного образа при переводе лишь отчасти зависит от вида

авторской метафоры. Это различие реализуется в том, что семантическая структура индивидуально-авторской метафоры чаще подвергается изменениям, чем семантика общенародной метафоры.

Выводы: (1) Результаты проведенного исследования показывают, что при переводе авторской метафоры (как общенародной, так и индивидуально-авторской) переводчик в большинстве случаев прибегает к **сохранению образа** (86,8%). Это можно объяснить, с одной стороны тем, что схема мысли, которая рождает метафорические значения, концептуальная составляющая процессов метафоризации обладает сходством в двух языках, т.е. метафорические картины двух языков отчасти совпадают. С другой стороны, переводчик прибегает к сохранению образа для того, чтобы как можно точнее передать индивидуальность авторского стиля в тех случаях, когда метафора основана на контекстуальном «живом» образе, носит экспрессивный, художественный характер.

В ряде случаев переводчик избрал принципиально иную стратегию перевода художественной метафоры - **отказ от сохранения авторского образа**. В эту группы мы отнесли примеры, в которых переводчик использует в переводе иной образ (реметафоризация), либо передает авторский образ «по смыслу» (деметафоризация и компенсация). **Замена образа** как способ перевода метафоры более характерен для индивидуально-авторской метафоры, хотя в целом этот способ перевода наименее частотен из трех выделяемых в данном исследовании. **Деметафоризация** несколько чаще встречается при переводе общеязыковой метафоры. В Таблице 2 представлены результаты статистического исследования способов перевода метафоры в зависимости от ее вида, реализованные в нашей выборке.

Таблица 2.

Частотность использования основных стратегий перевода по видам авторской (художественной) метафоры (в %)

	Индивидуально-авторская метафора	Общенародная метафора
Сохранение образа	84,9	88,6
Замена образа	4,1	0
Деметафоризация	11	12,7

(2) С точки зрения наличия/отсутствия семантических и структурных преобразований при переводе авторской метафоры сохранение авторского образа осуществляется несколькими способами. С одной стороны, переводчик часто в целом сохраняет как лексическое, так и грамматической (морфологическое и синтаксическое) оформление исходной метафоры, т.е. осуществляет так называемый **полный перевод**. Наше исследование показывает, что такой способ перевода особенно характерен для перевода общенародной метафоры (53,7%), однако и при переводе индивидуально-авторской метафоры он занимает второе по частотности место (36%). С другой стороны, образ в переводе может сохраняться и при расхождении в его лексическом оформлении. Так, наиболее частотным приемом перевода индивидуально-авторской метафоры является **замена на уровне лексического оформления образа** (42%). В эту группу примеров вошли случаи, когда одна и та же метафора (метафорическое взаимодействие одних и тех же концептов) реализована через слова с различной семантикой. Вероятно, такой результат исследования можно объяснить тем, что переводчику приходится адаптировать использованные автором оригинала средства создания оригинального образа к условиям другого языка с целью воссоздания художественности данного образа. Третьим вариантом соотношения семантики оригинала и перевода в исследуемом отношении является частичное изменение семантики исходного метафорического выражения за счет включения в него лексических элементов, либо их исключения. Этот способ перевода мы, вслед за Т.А. Казаковой, назвали **добавление / опущение** [5. С. 246]. Он занимает третье место по частотности применения и почти одинаково характерен как для перевода индивидуально-авторских, так и для общенародных метафор. Наименее частотными приемами перевода общенародной метафоры и индивидуально-авторской метафоры является **замена на уровне грамматического (морфологического или синтаксического) оформления**.

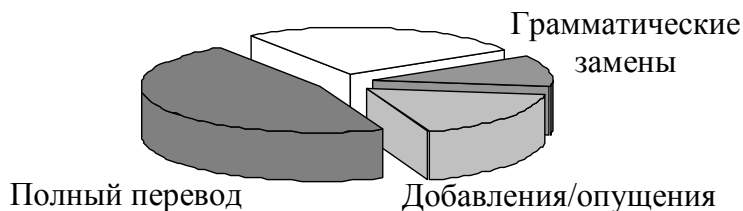
Таким образом, при переводе авторских метафор преимущественно сохраняется лежащий в их основе образ. В таких случаях их семантическая структура часто сохраняется (46,2%). В ряде случаев при сохранении авторского образа семантика и структура единиц, оформляющих этот образ, изменяется, в частности, за счет использования слов с другой семантикой (26%), а также за счет добавления или опущения лексем (17%). В ряде случаев происходят замены ис-

ключительно структурного - морфологического и синтаксического - характера (11%). Наглядно количественные результаты этой части исследования представлены в Диаграмме 2.

Диаграмма 2.

Частотность использования основных приемов сохранения авторской образности по всей выборке

Лексические замены

Список литературы

1. Телия, В. Н. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 174 с.
2. Мишанкина, Н. А. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского // Ветник ТГПУ, сер. Гуманитарные науки (филология). 2004. №1. С. 34–37.
3. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи. М. : Изд-во Московск. ун-та, 1957. 447 с.
4. Морозов, М. М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. М. : Изд-во лит-ры на ин.яз., 1956. 146 с.
5. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. СПб. : Союз, 2005. 320 с.

List of literature

1. Teliya, V. N. Metafora v yazyke i tekste. M. : Nauka, 1988. 174 s.
2. Mishankina, N. A. K voprosu o metafore zvuchaniya v poezii I. Brodskogo // Vetnik TGPU, ser. Gumanitarnye nauki (filologiya). 2004. №1. S. 34–37.
3. Efimov, A. I. Stilistika hudozhestvennoy rechi. M. : Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1957. 447 s.
4. Morozov, M. M. Posobie po perevodu russkoy hudozhestvennoy prozy na angliyskiy yazyk. M. : Izd-vo lit-ry na in.yaz., 1956. 146 s.
5. Kazakova, T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. SPb. : Soyuz, 2005. 320 s.

**УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ОРНИТОЛОГИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ «КУРИЦА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ АНГЛИЙСКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ**

Е. М. Маклакова

В данной статье проводится сопоставительный анализ фразеологических единиц с орнитонимом «курица» в русском, английском и французском языках с целью выявления, как общности, так и национального своеобразия антропоцентрических образов с данным орнитонимом.

Ключевые слова: фразеологические единицы, устойчивые выражения, орнитоним, зооним, сопоставительный анализ.

Устойчивые выражения или фразеологические единицы (ФЕ), в состав которых входят животные (зоонимы) и птицы (орнитонимы), являются активным пластом фразеологии русского, английского и французского языков. В них отражены многовековые наблюдения над внешним видом, повадками братьев наших меньших и отражают отношение человека к миру животных, что, в свою очередь, является культурно-информационной базой каждого языка. Свойственные таким выражениям образность и антропоцентрическая направленность обусловлены тем фактом, что они, в большинстве своем, отражают человеческие качества – физические, психические и социальные.

Отметим, что в русском языке слову «курица» соответствуют также «несушка», «наседка», «кура», «клуша», тогда как во французском языке обнаружено два наименования данной птицы – «roule», «roulette» (в значении «молодка»), а в английском одно – «hen».

В восприятии людей курица всегда была предметом шуточных насмешек, так как она не летает, хотя имеет крылья, не вьет гнезда, боится воды, не видит в темноте, пуглива, глупа. Недаром говорят, *что рак — не рыба, а курица — не птица*. Большинство ФЕ с данным зоонимом в исследуемых языках имеют отрицательную коннотацию: *вареная курица* (о вялом, медлительном, болезненного и усталого вида человека), *раскудахталась как курица* (о шумном, болтливом человеке), *куриные мозги, куриный ум, курья голова* (о глупом человеке); *être embarrassé/redarder comme poule qui a trouvé un*

couteau/comme une poule devant peigne (букв. быть в замешательстве/смотреть, как курица, которая нашла нож/как курица перед расческой), имеющие вариант в русском языке <смотреть/уставиться> как *баран на новые ворота*; *as scarce as hen's teeth/scarcer than hen's teeth* (букв. так же мало, как и зубов у курицы/меньше, чем зубов у курицы) в значении *кот заплакал*. Рассмотрим другие русские ФЕ с данным зоонимом в сопоставлении с английским и французским языками.

Употребляя русские ФЕ *курам на смех/куры и то смеяться будут* говорят о чем-то несуразном, абсурдном, смехотворном до нелепости, поскольку даже курам с их «куриными мозгами» и неумеющим смеяться, это покажется как смешным, так и нелепым. Данное русское ФЕ имеет частичные эквиваленты в английском языке, где наблюдается расхождение в выборе образа–орнитонима: *enough to make a cat laugh* (букв. достаточно, чтобы заставить кошку смеяться), *it would make even a cow/a cat/a fly laugh* (букв. этого будет достаточно, чтобы рассмешить даже корову/кошку/муху), *that is a chicken feed* (букв. это же корм для цыплят). Во французском языке зоонимного, либо орнитонимного эквивалента не обнаружено.

Компаративные ФЕ *писать/написать что-л. как курица лапой* (калька с лат. *galina scripsit* – букв. «курица написала»), *почерк как у курицы, как/словно куры набродили* (от *бродить как куры* – о праздных зеваках, бестолково слоняющихся туда-сюда) восходят к замысловатым формам следов кур, которые бестолково топчутся на месте в поисках корма. Данные ФЕ характеризуют человека, почерк которого разобрать практически невозможно. Интересно, что во французском и английском языках аналогичные модели конкретизируются другими зоонимами: *écrire comme un chat* (букв. писать как кошка), *pattes de mouche* (букв. лапки мухи); *smb's writing is like chicken tracks* (букв. чей-либо почерк подобен следам цыпленка), *chicken scratch* (букв. царапина цыпленка) в значении «каракули».

Другим примером ФЕ с компонентом–орнитонимом может служить выражение *слепая курица*, означающее плохо видящего, подслеповатого человека. Это связано с тем, что после захода солнца курица слепнет и становится беспомощной. Поэтому болезнь слепнувшего от малокровия после захода солнца человека называют *куриная слепота*. В английском языке существуют многообразие вариантов данной ФЕ: <as>*blind as a bat/beetle/mole/owl* (букв. слепой как летучая мышь/жук/крот/сова); во французском обнаружен один вариант с

компонентом «крот»: <être> туюре comme une taure (в русском языке есть аналог данной ФЕ: *слепой как крот*). Ночные животные – летучая мышь, крот, сова – не так слепы, как их представляют в языке. Летучие мыши не слепы, но при ночной охоте им помогает хорошо развитая акустическая система, с помощью которой они без труда находят добычу и избегают препятствия. Исследования последних лет опровергли бытующее мнение о том, что кроты слепы, так как живут под землей. На самом деле, у кротов достаточно острое, хотя и ограниченное, зрение. А увиденный кротом свет, служит знаком опасности. Представления о том, что сова не видит днем, многократно усилены сказками и фольклорными поговорками: «Слепой, как сова днем». На самом деле совы, в том числе филины, видят как ночью, так и днем. Просто они охотятся ночью: это особенность их жизни. А днем они, как правило, спят.

Следующим примером употребления данного орнитонима при описании человека является устойчивое выражение *мокрая курица*. Промокшая под дождем курица имеет жалкий и неприятный вид, поскольку ее оперение не имеет смазки, как у водоплавающих птиц (уток, гусей), которые под дождем выглядят так же, как и в хорошую погоду. Куры, индейки и другие домашние птицы не обладают этим свойством. Отсюда и выражения, которые употребляются по отношению к человеку, у которого всё ладится и получается, а беды обходят стороной. Так, значение русской ФЕ *как с гуся вода* в английском и русском языках представлено зоонимом «утка»: *as water of duck's back, ça glisse comme sur les plumes d'un canard*. Однако этот жалкий образ промокшей курицы вызывает неожиданные коннотации у представителей разных стран. ФЕ *мокрая курица*, часть пословицы *мокрая курица, а тоже петушится*, в русском языке характеризует жалкого, беспомощного на вид, а также безвольного, безынициативного, бесхарактерного человека. Французский аналог данной ФЕ, *poule mouillée*, называет мягкотелого, трусливого человека, который паникует при первой же трудности. Английское сравнение *as mad as a wet hen* относится к злому человеку. Во французском языке данное значение может передаваться ФЕ, где происходит замена компонента: *moillée comme un canard* (букв. промокший как утка), *laid comme un pou* (букв. уродлив как вошь). В английском языке также зафиксированы ФЕ с другим зоонимным компонентом: *like a dying duck in a thunderstorm* (букв. как умирающая утка в грозу), *chicken-hearted fellow* (букв. человек с цыплячьим сердцем), *bedraggled hen* (букв. за-

пачканная курица) в значении *мокрая курица*. Сема «трусость, малодушие, робость» русской ФЕ *заячья душа* заключена в следующих ФЕ с сематическими компонентами: *chicken-hearted* (букв. с цыплячьим сердцем), *chicken-livered* (букв. с цыплячьей печенью), *coeur de poule* (куриное сердце), *coeur de poulet* (букв. цыплячье сердце).

В русском, французском и английском фольклоре широко распространено следующее сравнение: петух (*cock, coq*) – мужчина, отец семейства; курица (*hen, poule*) – женщина, мать; цыплята (*chickens, poulets/poussins*) – дети. Данные три лексемы входят в наш лексикон с самого детства. Кому-то повезет видеть и наблюдать их на деревенском дворе, кому-то они становятся известными как сказочные персонажи: *курочка в серезках, петушок в сапожках*. Существует большое количество ФЕ с данными орнитонимами, а их образы универсальны для сравниваемых языковых культур. Петух характеризует надменного, гордого хозяина своего «курятника»: *всяк петух на своем пепелище хозяин, every cock is proud on his own dunghill* (букв. каждый петух смел на своей навозной куче), *être hardi comme un coq sur son fumier* (букв. быть отважным как петух на своей навозной куче). Курица, кура, клуша, наседка характеризуют заботливую, суетливую, порой хлопотливую по пустякам мать семейства: *кудахтать вокруг кого-либо; носиться как курица с <первым>яйцом; <être empêché> comme une poule qui n'a qu'un poussin* (букв. «быть в замешательстве» как курица с единственным цыпленком), *comme une poule à trois poussins* (букв. как курица с тремя цыплятами), *like a hen over an egg* (букв. как курица над яйцом), *fuss over smb., smth. like an old hen* (волноваться из-за чего, кого-либо как старая клуша). Данные ФЕ несут отрицательную коннотацию и характеризуют человека, который уделяет излишнее внимание другому человеку или предмету, который этого не заслуживает, занимается делом, которое и выеденного яйца не стоит, и делает из мухи слона. Такое поведение обычно свойственно матери, которая слишком «печется» о своем «выводке». Однако во французском языке, кроме выражения *mère poule* (ср. *mother hen*), представлена ФЕ – *père poule* (букв. отец-курица), характеризующая отцов, которые отличаются подобным поведением. Спецификой английского и французского языков являются варианты ФЕ, где происходит замена компонента «курица» на «лебедь» во французском – *mère cigogne* (бук. мать-лебедь), на «сокол» в английском – *watch (someone or something) like a hawk* (наблюдать за кем, чем-либо как сокол). Значение крайнего волнения,

беспокойства, смущения заключено в следующих ФЕ: *like a hen on a hot girdle/griddle* (букв. как курица на горячей сковороде) имеет аналог во французском <être> *comme chat sur braise* (букв. <быть> как кошка на горячих углях). Следует отметить, что во французском «roule» кроме значения «женщина» заключено понятие «женщина легкого поведения»: *poule de luxe* (букв. роскошная курица).

В противопоставлении «курица – петух» (*hen – cock, poule - coq*) скрыт гендерный аспект: *курице не следует петь перед петухом – la poule ne doit pas/point chanter devant le coq; не петь курице петухом, не владеть бабе мужиком; курица петухом запела - не к добру; ce n'est pas à la poule à chanter devant/avant le coq* (букв. не куриное это дело – петь перед петухом); *it is a sad house where the hen crows louder than the cock* (букв. печален тот дом, где курица кричит громче петуха), *hen-pecked* (букв. подкаблучник). В данных ФЕ заключены модели отношений между женщиной и женщиной: бывает, что женщина руководит в семье и противоречит мужу, что часто ведет к распаду семьи, но бывает и наоборот, когда муж полностью соглашается с женой и боится ослушаться ее. Оттенок сожаления в том, что все таки такое бывает, заключен в следующих ФЕ: *на грех мастера нет (а на беду и курица петухом поет); на грех и курица свистнет; бывает, что и курица петухом поет; pigs might fly if they had wings* (букв. свиньи могли бы летать, будь у них крылья), которые употребляются в значении «быть беде», «всяко бывает».

Народные сказки и басни про курицу родили выражение *курица, несущая золотые яйца*, представленное и во французском языке - *la poule aux œufs d'or* и наделили ее положительными качествами. И теперь человеческая глупость ярко выражена в следующих ФЕ: *убить/резать курицу, несущую золотые яйца/которая несла золотые яйца – tuer la poule aux œufs d'or, убить курочку ради яичка – tuer la poule pour avoir l'œuf*, означающие крайне необдуманный поступок, вопреки собственным экономическим интересам. Данное значение в английском языке передаются с помощью компонента «гусь»: *kill the goose that lays the golden egg* (букв. убить гуся, который кладет золотое яйцо). Положительный образ курицы, предусмотрительной и внимательной, представлен и в следующих русских ФЕ: *хорошая наседка, одним глазом зерно видит, вторым — кориуна; курица пьет, а на небо смотрит*.

Следующий пример *барской курицы племянник – c'est le fils de la poule blanche*, т.е. счастливчик, восходит к следующему сюжету:

Ливия, жена императора Августа, поехала в свой загородный дом в окрестностях Веи, орел с высоты уронил на ее грудь живую белую курицу с лавровой веткой в клюве; в этом авгуры увидели чудесное предзнаменование, и с тех пор счастливая курица пользовалась особой любовью императрицы и в Риме пользовалась почетом наравне со священными курами.

Другим примером положительно образа курицы (хотя уже неживой) являются ФЕ: *курица в супе* – *la poule au pot*, означающие личное благосостояние и благополучие. В английском языке это значение передается образом «цыпленка»: *a chicken in every pot*. Данные ФЕ приписывают французскому королю Генриху IV, который пожелал, чтобы по воскресеньям у каждого французского крестьянина была курица в супе.

Таким образом, анализ русских устойчивых выражений с орнитонимом «курица» и их английских и французских соответствий обнаружил большее количество общих черт. Многие из них имеют аналогичные параллели в сравниваемых языках, что обусловлено интернациональным характером данных оборотов. Компонент «курица» в большинстве ФЕ исследуемых языков характеризует как заботливую, так и глупую, неуклюжую, суетливую по пустякам женщину, девушку. Однако наблюдаются и расхождения в образной основе и национально-культурных коннотациях. Большинство русских ФЕ с данным компонентом несут отрицательный оттенок, тогда как во французской и английской языковых картинах данный компонент образует в большинстве своем нейтральные образы. Различия отражаются в выборе конкретного образа животного или птицы, что обусловлено культурным своеобразием в приписыванию человеку конкретных повадок и характеристик.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926 с.
2. Жуков, А. В. Современный фразеологический словарь русского языка : ок. 1600 фразео-

List of literature

1. Biriĥ, A. K. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar' : ok. 6000 frazeologizmov / Pod red. V.M. Mokienko. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Astrel' : AST : Hranitel', 2007. 926 s.
2. Zhukov, A. V. Sovremennyy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka : ok. 1600 frazeolog-

- логических единиц. М. : АСТ : Астрель, 2009. 443 с.
3. Лубенская, С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е рус. изд. М. : АСТ-ПРЕСС УНИГА, 2004. 1056 с.
4. Французско-русский фразеологический словарь. Сост. : В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев, Н.А. Мовшович.
- icheskih edinits. M. : AST : Astrel', 2009. 443 s.
3. Lubenskaya, S. I. Bol'shoy russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar'. 2-e rus. izd. M. : AST-PRESS UNIGA, 2004. 1056 s.
4. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'. Sost. : V.G. Gak, I.A. Kunina, I.P. Lalaev, N.A. Movshovich.

**ИЗОМОРФИЗМ ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ**

Т. Н. Федуленкова, А. С. Попова

Статья посвящена сопоставительному исследованию генетических связей фразеологических единиц трех наиболее распространенных современных германских языков: английского, немецкого и шведского. В статье описывается два основных вида генетических связей ФЕ: путем семантической трансформации и посредством структурного вычленения. Результатом работы является выявление структурного параллелизма, или изоморфизма генетических связей ФЕ в изучаемых германских языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, генетические связи, семантическая трансформация, структурный параллелизм, изоморфизм.

Научным основанием данного исследования является фразеологическая концепция А.В. Кунина и предложенный им метод фразеологической идентификации [3. С. 38] и теория сопоставительно-типологического исследования близкородственных языков В.Д. Аракина [1; 2], благодаря усилиям которых типологическая релевантность фразеологии признается лингвистической реальностью [6. С. 74].

Системность фразеологии складывается не только из показателей устойчивости фразеологических единиц и маркеров центра и периферии фразеологического фонда, его доминантных и рецессивных черт. Необходимо также учитывать многообразные связи, или отношения элементов множества, составляющие систему [7. С. 137]. «Системность связей проявляется в их регулярной воспроизводимости. В сфере фразеологии эти связи могут быть элементными, т.е. связями отдельных фразеологизмов, и связями совокупностей, т.е. связями фразеосемантических групп и фразеологических микрополей» [3. С. 106].

К элементным связям фразеологического фонда, вслед за А.В. Куниным, относим следующие: а) генетические связи, б) связи строения, или структурные связи, в) связи преобразования, г) связи взаимодействия, д) связи функционирования.

Объектом исследования данной работы являются генетические связи фразеологических единиц в английском, немецком и шведском языке. Данный вид связи наблюдается в фразеологической деривации:

1) при образовании одних фразеологических единиц от других ФЕ, имеющих идентичную компонентную структуру, путем семантической трансформации,

2) при вычленении фразеологизма из состава более сложной фразеологической единицы (см. подробнее: [4. С. 117; 8. С. 14]).

В случае (а) мы имеем дело со структурным параллелизмом:

язык	Переменное сочетание слов	Фразеологическая единица
англ.	close the door before smb захлопнуть дверь	close the door before smb закрыть доступ куда-л.
нем.	die Angel auswerfen пытаться поймать на удочку	die Angel auswerfen осторожно намекать на что-л.
швед.	öppna dörren för ngt открыть дверь для чего-л.	öppna dörren för ngt создать условия

Структурный параллелизм является довольно распространенным явлением в фразеологии изучаемых языков:

англ. come home – прийти домой → попасть в цель, play a long game – играть в долгую игру → действовать в одиночку, take smb by the throat – брать, взять кого-л. за горло → принуждать, притеснять кого-л., have a bone in one's throat – кость в горле застряла → быть не в состоянии сказать и слова, go around in a circle – ходить кругами → запутаться, топтаться на месте, go for the doctor – отправиться за доктором → действовать решительно, энергично, make a hole in smth – проделать дыру в чем-л. → опустошить запасы, сбережения и т.п.;

нем. ein unbeschriebenes Blatt – неисписанный лист → что-то чистое, нетронутое, непорочное, nach j-s Pfeife tanzen – плясать под чью-л. дудку → безоговорочно во всем подчиняться кому-л., die Trommel rühren/ schlagen für j-n, etw. – бить в барабан для кого-л. → агитировать за кого-л., создавать шумную рекламу кому-л., чему-л., auf dem Teppich bleiben – оставаться на ковре → сохранять здравый смысл, быть рассудительным, j-n, etw. in den Staub ziehen – втапывать в грязь → всячески порочить, чернить, дискредитировать

кого-л., что-л., am gleichen Seil ziehen – тащить один канат → действовать сообща, быть заодно с кем-л., ein großes Maul haben – иметь большой рот → куражиться;

швед. dra sig ur leken – выйти из игры → оборвать связи с кем-л., чем-л., falla till marken – упасть на землю → потерпеть неудачу, bära sitt huvud högt – высоко держать голову → гордо шествовать, bära någon på sina händer – носить кого-л. на руках → лелеять, предупредить все желания, выполнять прихоти, dra sig undan – отойти → отпрянуть, уклониться, suga på ramarna – сосать лапу → жить впроголодь, бедствовать, sätta punkt för något – поставить точку на чем-л. → прекратить, запретить что-л., и мн. др.

Сопоставительный анализ взаимоотношений ФЕ и их прототипов – переменных сочетаний слов – приводит к выводу, что структурный параллелизм есть универсальное явление в германской фразеологии.

В случае (б) мы имеем дело с различными видами клипирования: инициальное клипирование, медиальное клипирование и терминальное клипирование [5. С. 19]. Результатом такого клипирования являются три вида фразеологических дериватов, которым присваиваем термины:

Инициальные дериваты – фразеологические единицы, образованные в результате усечения конечной части коммуникативной ФЕ при сохранении ее начальной части [10. С. 172] :

1) англ. Evil communications corrupt good manners > evil communications, нем. Böse Geschwätze verderben gute Sitten > böse Geschwätze, швед. Dåligt sällskap förstör den bäste (är fördärv för goda seder) > dåligt sällskap;

2) англ. Hope deferred maketh (or makes) the heart sick > hope deferred, нем. Hoffnung, die sich verzögert, ängstet das Herz > verzögerte Hoffnung, швед. Utdragen (Förlängd) väntan gör hjärtat sjukt (tär på hjärtat) > förlängd väntan;

3) англ. A prophet is not without honour, save in his own country > a prophet is not without honour, нем. Ein Prophet gilt nirgend weniger als in seinem Vaterland > ein Prophet gilt nirgend weniger, швед. En profet blir ringaktad (föraktad) bara i sin hemstad (fädernestad) > en profet blir föraktad;

4) англ. Stolen pleasures (or waters) are sweet (or sweetest) > stolen pleasures, нем. Gestohlenes Wasser ist süß > gestohlenes Wasser, швед. Stulet vatten smakar gott (är sött) > stulet vatten;

Терминальные дериваты – фразеологические единицы, образованные в результате усечения начальной части коммуникативной ФЕ при сохранении ее конечной части [9. С. 41]:

1) англ. Let the dead bury their dead > to bury their dead, нем. Die Toten ihre Toten begraben lassen > ihre Toten begraben lassen, швед. Låt de döda begrava sina döda > att begrava sina döda;

2) англ. Man shall not live by bread alone > (not) to live by bread alone, нем. Der Mensch lebt nicht vom Brot allein > (nicht) vom Brot allein leben, швед. Människan skall inte bara (allenast) leva av bröd > (inte) bara leva av bröd;

3) англ. No man can serve two masters > (not to) serve two masters, нем. Niemand kann zwei Herren dienen > (nicht) zwei Herren dienen (können), швед. Ingen kan tjäna två herrar > (inte att) tjäna två herrar;

4) англ. The dog returns to his vomit > to return to one's vomit, нем. Der Hund frißt wieder, was er gespien hat > fressen, was er gespien hat, швед. Hundens vänder om till sin spya (sina spyor) > att vända om till sina spyor;

Медиальные дериваты – фразеологические единицы, образованные в результате усечения начальной и конечной части коммуникативной ФЕ при сохранении ее средней части:

англ. It is easier for a camel to go (pass) through the eye of a needle than for a rich man to enter into the kingdom of God > to pass through the eye of a needle,

нем. Es ist leichter, daß ein Kamel durch ein Nadelöhr gehe, als daß ein Reicher ins reich Gottes komme > durch ein Nadelöhr gehen,

швед. Det är lättare för en kamel att komma igenom ett nålsöga än för en rik att komma in i Guds rike > att komma igenom ett nålsöga;

Нередко и инициальные, и терминальные дериваты образуются от одной и той же исходной фразеологической единицы:

англ. Spare the rod and spoil the child > to spare the rod, to spoil the child, нем. Die Rute schonen und das Kind verderben, verwöhnen > die Rute schonen, das Kind verderben, швед. Den som spar på riset (sitt ris) hatar sin son > att spa på riset, att hata sin son;

англ. The spirit is willing, but the flesh is weak > the spirit is willing, the flesh is weak, нем. Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach > der Geist ist willig, das Fleisch ist schwach, швед. Anden vill (är villig), men kroppen är svag (köttet är svagt) > anden är villig, köttet är svagt.

Структурный параллелизм фразеологических единиц английского, немецкого и шведского языков и параллелизм тенденций в кли-

пировании ФЕ как в механизме деривации свидетельствуют в пользу изоморфизма генетических связей германской фразеологии.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. М. : Высш. шк., 1984.
2. Аракин, В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996.
4. Федулenkova, Т. Н. Пословичная фразеологическая деривация в современном английском языке // Новейшие лингвистические исследования и практика преподавания иностранных языков: Сб. науч. тр. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1996. С. 117–125.
5. Федулenkova, Т. Н. Фразеологическая компрессия / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2002. 32 с. Деп. в ИНИОН РАН 27.08.02, № 57414.
6. Федулenkova, Т. Н. Фразеология и типология: к типологической релевантности фразеологии // Филологические науки. М., 2005. № 1. С. 74–80.
7. Федулenkova, Т. Н. Функциональное развитие коммуникатив-

List of literature

1. Arakin, V. D. Sopostavitel'naya tipologiya skandinavskih yazykov. M. : Vyssh. shk., 1984.
2. Arakin, V. D. Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotoryh germanskih yazykov (edinitsey sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauch. dokl. M., 1983.
3. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moskva: Vysshaya shkola, Dubna : Izd. tsentr «Feniks», 1996.
4. Fedulenkova, T. N. Poslovichnaya frazeologicheskaya derivatsiya v sovremennom angliyskom yazyke // Noveyshie lingvisticheskie issledovaniya i praktika prepodavaniya inostrannyh yazykov: Sb. nauch. tr. Tyumen': Tyumen. gos. un-t, 1996. S. 117–125.
5. Fedulenkova, T. N. Frazeologicheskaya kompressiya / Mosk. ped. gos. un-t. Moskva, 2002. 32 s. Dep. v INION RAN 27.08.02, № 57414.
6. Fedulenkova, T. N. Frazeologiya i tipologiya: k tipologicheskoy relevantnosti frazeologii // Filologicheskie nauki. M., 2005. № 1. S. 74–80.
7. Fedulenkova, T. N. Funktsional'noe razvitie kommunikativnyh

ных фразеологических единиц в современном английском языке // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы науч. конф. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 1998. С. 136–139.

8. Fedulenkova, T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. Vol. 36. P. 11–22.*

9. Fedulenkova, T. Diachronic Approach to the Study of Communicative Phraseological Units // *Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda. Aberdeen: University of Aberdeen, 6th CUCC, 1999. P. 41–42.*

10. Fedulenkova, T. Development of English proverbs // *Sociolinguistic Symposium 2000a: Abstracts. Bristol: University of the West of England, 2000. P. 172.*

frazeologicheskikh edinits v sovremennom angliyskom yazyke // Aktual'nye problemy semantiki, lingvisticheskoy tipologii i lingvodidaktiki: Materialy nauch. konf. Moskva: Mosk. ped. gos. un-t, 1998. S. 136–139.

8. Fedulenkova, T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. Vol. 36. P. 11–22.*

9. Fedulenkova, T. Diachronic Approach to the Study of Communicative Phraseological Units // *Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda. Aberdeen: University of Aberdeen, 6th CUCC, 1999. P. 41–42.*

10. Fedulenkova, T. Development of English proverbs // *Sociolinguistic Symposium 2000a: Abstracts. Bristol: University of the West of England, 2000. P. 172.*

ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Ю. Юдина

Статья посвящена пословичной картине мира в английском языке, которая складывается из семантического анализа пословицы и ее переносного смысла. В статье представлен семантический и грамматический анализ английских пословиц, в котором в пословицах прослеживается положительная или отрицательная характеристика.

Ключевые слова: пословица, мировоззрение, семантика, концепт, отрицательная и положительная характеристики, переносное значение, грамматические категории, назидательность.

Пословицы – широко распространенный жанр устного народного творчества. Они сопровождают людей с давних времен. Сегодня пословицы встречаются практически везде: в литературе, в газетах, в фильмах, в передачах радио и телевидения, а так же в каждом дневном общении англичан, где они постоянно шлифуются, изменяют семантическое значение и разнообразные структурные преобразования.

Пословицы многообразны, они находятся как бы вне временного пространства. Действительно, в какое бы время мы не жили, пословицы всегда останутся актуальными, приходящимися всегда к месту и правильное, уместное использование пословиц придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность. Употребляя ту или иную пословицу в конкретной ситуации, говорящий стремится подтвердить и подчеркнуть суть сказанного.

В пословицах отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Как пишет В. Даль «пословицы не сочиняются, а появление их как бы вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольный сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в одном, в одно междометье...; их стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый. «Что не болит, то и не плачет»; что не до-

шло до народа, не касалось жилья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось, добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословицах» [7, 18].

Пословицы по своей семантике несут положительные, добрые намерения, советы для человека, высмеивая и критикуя отрицательные. На это обратил внимание В.П. Аникин: «Трудно назвать всё, на что брошен критический взгляд народа. Он говорит о праздности, крикливости, неумении, поспешности, щегольстве, угодливости, обмане, воровстве, болтливости, гордыне, соблазне, лжи, клевете, початке, трусости, - это обширная энциклопедия человеческих пороков и недостатков. Но всегда рядом и одобрение – хвалят трудолюбие, скромность, мастерство, осмотрительность, бережливость, прямоту, правдивость, щедрость, совесть, умеренность, порядочность, разумность, храбрость, - это столь же обширная энциклопедия добродетелей и достоинств» [1,5]. Так, например, английские пословицы критикуют такие **отрицательные качества человека** как

- **лень**: *Great cry and little wool; Idleness rusts the mind; A bad workman quarrels with his tools; A lazy sheep thinks its wool heavy* и др., превознося **трудолюбие**: *The work shows the workman; he works best who knows his trade* и др.,

- **ложь**: *Lies have short legs; A guilty conscience needs no accuser; A honey tongue, a heart of gall; A liar is not believed when he speaks the truth; A lie begets a lie* и др., при этом акцентируя внимание на **честность**: *Honesty is the best policy; A quiet conscience sleeps in thunder* и др.,

- **трусость** *A shy cat makes a proud mouse* и др.,

- **зло** *Two blacks do not make a white; Velvet paws hide sharp claws* и др.

М.Я. Блох рассматривает картину мира как «метафорически обозначенное отражение мира сознанием», основываясь на то, что каждый элемент мира может стать предметом концепта, а саму картину мира можно определить как совокупность таких концептов [2, 101].

Концепт формируется на основе языка, поскольку человек выражает свою мысль непосредственно через язык, поэтому картина мира является языково-опосредованной. Из этого вытекает, что сам язык может содержать в себе собственное отражение мира, то есть языковую картину мира. Итак, выделяют две различные картины мира: концептуальную, опосредованная языком, и языковую, содержащаяся внутри самой системы языка [2, 101].

Пословичной картине мира свойственна двойственность строения. Пословицы с несовпадением внутренней формы (буквального значения) и значения, т.е. обладающие переносным значением, отражают два вида знаний о мире, два различных по характеру видения мира. С одной стороны, внутренняя форма пословицы отражает бытовые представления, повседневную жизнь людей, при этом они отражают как положительные, так и отрицательные характеристики, а с другой стороны, значение пословицы передает принятые в социуме нормы морали, общеизвестные истины, стереотипы поведения, т.е. то знание о мире и человеке в мире, которое является важным для языкового коллектива и поэтому закрепляется с помощью языкового знака.

Например, английская пословица *Blind men can judge no colours* - во-первых, эта пословица выражает общеизвестный факт, что слепой человек не может видеть и тем самым различать цвета, но при этом данная пословица показывает отрицательный характер человека (человек, который не хочет прислушиваться к советам других, стоит всегда на своем, даже если он не прав). Также отрицательную характеристику ленивому человеку придает английская пословица *A cat in gloves catches no mice*, когда она воспринимается в переносном значении. В прямом значении данная пословица выражает то, что кот в перчатках ничего не может сделать и может остаться голодным.

Английская пословица *Hungry bellies have no ears* во-первых, говорит о физиологии человека, где животы не могут иметь ушей, а с другой стороны она несет отрицательный оттенок, когда голодный человек не будет слушать никого и даже может переступить моральные и этические нормы только лишь для того, чтобы поесть. Также отрицательный оттенок, который прослеживается в переносном смысле пословицы, где человек также может переступить моральные и этические нормы, принятые социумом, лишь для того, чтобы обещать, спасти себя не смотря на других, можно проследить в английской пословице *A drowning man will catch at a straw*. Хотя в прямом значении данная пословица говорит о том, что утопающий человек хватается за все, что попадется под руки лишь бы не утонуть.

Переносное значение пословица может выражать не только отрицательную характеристику, но и положительную. Например, английская пословица *One cannot square the circle* говорит о том, что никто не может квадрат превратить в круг и это в действительности так, хотя данная пословица, имея переносное значение, выражает положительный совет человеку, который хочет сделать что-то, что

он не может (либо вообще, либо на данный момент). Также положительный элемент переносного значения прослеживается и в английской пословице *Dog does not eat dog*, которая выражает искренние, партнерские отношения между коллегами, друзьями и т.д., а с другой стороны, данная пословица говорит о том, что ни одна собака не будет есть собачье мясо и это общеизвестный факт, основанный на человеческом наблюдении.

Такое двойственное, параллельное представление двух типов знания, свойственное большинству пословиц и оно придает дополнительную пространственность пословичной картине мира.

Существуют английские пословицы, в которых отсутствует переносное значение, и поэтому подобного двойственного видения нет.

Например, *All is well that ends well*.

По мнению В.Б. Касевич языковая картина мира определяется не только лексикой языка, но и его грамматическими категориями, отражающими специфическое видение мира, например, наличие в языке категорий настоящего, будущего и прошедшего времени или же настоящего-будущего и прошедшего свидетельствует о разном членении временного континуума (Касевич 1990:99). Грамматические конструкции непосредственным образом связаны с пословичной картиной мира, в основе которой лежит пословица, являющаяся законченным предложением и обладающая грамматическими и синтаксическими характеристиками.

Грамматическое значение нескольких английских пословиц выражает преимущество богатых людей над бедным слоем общества или такую отрицательную характеристику человека как зло при помощи конверсии (перехода слова из прилагательного в существительное), в которой употребление артиклей, как определенного, так и неопределенного, передает класс общества в целом или группу людей: *One law for the rich, and another for the poor; Two blacks do not make a white*.

Большинство английских пословиц, описывающие жизнь, её трудности, **критикуя отрицательную характеристику человека**, такую как лень, выражают свой смысл пословицы с помощью глагола "to be" в 3-ем лице единственном числе настоящего времени: *Life is not a bed of roses; Life is not all cakes and ale; Hunger is the best sauce; Necessity is the mother of invention; Great talkers are little doers; Idleness is the mother of all evil; Procrastination is the thief of time; An idle brain is the devil's workshop*.

Грамматическая категория степеней сравнения наречий и прилагательных в рассматриваемых английских пословицах представлена в превосходной степени, которая превозносит трудолюбие, честность, говорит о жизненном опыте с положительной стороны: *He works best who knows his trade; Honesty is the best policy; A good example is the best sermon.*

Некоторые рассматриваемые английские пословицы имеют форму повелительного наклонения: *Hoist your sail when the wind is fair; Catch the bear before you sell his skin; Be slow to promise and quick to perform; Make haste slowly; Live and learn*, которое усиливает дидактическую направленность пословиц. Повелительное наклонение в рассматриваемых пословицах выражает обдуманность, категоричность действий, говорит о том, что учению, познанию нет пределов.

Пословичная картина мира с семантической точки зрения проявляет свою назидательность, когда пословица воспринимается в переносном смысле. Назидательность придает пословичной картине мира положительные или отрицательные характеристики. С грамматической точки зрения, назидательность в английских пословицах прослеживается сложнее, но она также придает пословичной картине мира положительные или отрицательные характеристики.

Таким образом, пословичная картина мира в английском языке складывается в первую очередь из анализа значения пословицы, ее переносного смысла, лексического состава пословиц и грамматических категорий.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Долгий век пословицы // Русские пословицы и поговорки. М., 1988. С.5.
2. Блох, М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI век. М., 2008 С. 101–105.
3. Мамонтов, А. С. Номинативные единицы-афоризмы (пословицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультур-

List of literature

1. Anikin, V. P. Dolgiy vek poslovitsy // Russkie poslovitsy i pogovorki. M., 1988. S.5.
2. Bloh, M. Ya. Problema ponyatiy kontsepta i kartiny mira v filosofii yazyka // Prepodavatel' XXI vek. M., 2008 S. 101–105.
3. Mamontov, A. S. Nominativnye edinitsy-aforizmy (poslovitsy, pogovorki) v aspekte sopostavitel'nogo lingvostranovedeniya // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya

- ная коммуникация. № 2. М. : МГУ, 2002. С.88-97.
4. Mieder, W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. N.Y.-Oxford, 1993.
5. Obelkevich, J. Proverbs and social history // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994, P. 211–252.
6. Rogers, T. B. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994, P. 159–181.
7. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 18–19.
- kommunikatsiya. № 2. М. : MGU, 2002. S.88-97.
4. Mieder, W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. N.Y.-Oxford, 1993.
5. Obelkevich, J. Proverbs and social history // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994, P. 211–252.
6. Rogers, T. B. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N.Y., 1994, P. 159–181.
7. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya. M., 1957. S. 18–19.

**СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ю. В. Юнгера

В данной статье рассматриваются структурные типы парцеллированных конструкций в современном французском публицистическом тексте. В частности, анализируются парцеллированные конструкции, построенные на основе членов предложения.

Ключевые слова: парцелляция, семантический синтаксис.

В настоящее время существует достаточно большое количество исследований русистов, романистов и германистов, стремящихся осмыслить специфику парцелляции, ее сущность в соответствии со структурой определенного языка с синтаксической, стилистической, коммуникативной точек зрения и с точки зрения лингвистики текста. Их анализ делает очевидным тот факт, что полной ясности в данном вопросе не достигнуто. Состояние проблемы в целом позволяет выделить ряд проблемных аспектов, связанных с пониманием сущности данного явления и с определением места парцелляции в кругу смежных явлений.

Впервые в современном значении термин «парцелляция» был использован представителем российской школы языкознания – профессором А.Ф.Ефремовым. В своей работе «Язык Н.Г.Чернышевского» [Ефремов 1951] он исследует отклонения от синтаксических норм и указывает на факт деформации некоторых предложений как результат парцелляции. Под парцелляцией им понимался такой прием, который «как бы разламывает предложения на части, превращая их в эквиваленты самостоятельных предложений» [6. С. 78], «деформируя структуру предложения своеобразной расстановкой знаков препинания, нарушающей общепринятые правила» [6. С. 76] с целью акцентирования на них внимания.

Лингвистика последних десятилетий дает множество определений парцелляции, каждое из которых вносит новый элемент значения, акцентируя внимание на определенной особенности этого приема. Как основа приема воспринимается либо переход между

языковыми уровнями: «Парцелляция – разрыв одной единицы синтаксического уровня на две единицы актуального уровня» [1. С. 56]), либо «разложение» общего смысла высказывания на две части: «Парцелляция – такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой» [8. С. 199], либо семантическая и интонационная актуальность парцеллята: «Парцелляция – такое интонационное, а очень часто и позиционное вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчлененный и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельно высказывания» [5. С. 629]. При этом в последнем определении не говорится о возможности парцелляции сложного предложения, тогда как такое явление в текстах встречается очень часто.

Наиболее распространенным определением явления парцелляции является определение Ю.В.Ванникова, который характеризует парцелляцию как такое расчленение единой синтаксической структуры предложения, при которой она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах. Эти речевые единицы – основная часть и парцеллят – отделяются друг от друга точкой на письме и паузой в устной речи [3. С. 11]. Объективным условием, которое делает возможным парцелляцию, названа избыточность семантико-грамматической информации, из-за чего расчленению чаще всего подвергаются структурно менее связанные элементы предложения. Парцелляция служит целям эмоционально-экспрессивного подчеркивания, стилистической и стилевой дифференциации, является средством углубления логико-семантической структуры предложения, способом фокусирования смысловых связей. Она также может выступать как способ семантического укрупнения отдельных частей содержания сообщения. Особенно интересной представляется разработанная Ю.В.Ванниковым теория о различной степени отмеченности парцеллированных конструкций в тексте. В частности, он одним из первых заметил, что при наличии особых условий этот прием застывает, формализуется, т.е. из речевого явления превращается в факт языковой системы [4. С. 149].

Парцеллированная конструкция состоит из двух частей: основного высказывания, т.е. базисной части, и парцеллята, т.е. отчленяемой части. На письме парцеллят отделяется от базисной части финальным знаком препинания (точкой, многоточием, вопросительным

знаком, восклицательным знаком). Базовая часть парцеллированной конструкции является закрытой, она всегда одна. Парцеллят – структура открытая в том смысле, что отчленяться могут несколько структурных единиц в зависимости от требуемого объема информации и исходного коммуникативного задания. Базовая часть удерживает парцеллят в зависимости: несмотря на то, что он отчленен, базовая часть определяет его форму, управляет им. Парцеллят представляет собой часть синтаксической конструкции, образуемую в результате расчленения простого или сложного предложения, грамматически и семантически зависимую от предыдущего высказывания, обладающую своими структурными особенностями. Парцелляты имеют разнотипный формальный состав, они организованы различным по грамматической природе материалом (одиночным членом предложения, членом предложения со своим распространителем, элементарной предикативной частью сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, сложным предложением минимальной или усложненной структуры). Следует отметить, что парцеллированные конструкции отличаются от других синтаксических построений тем, что имеют двухкомпонентную структуру (базовая часть и парцеллят) и строго фиксированный порядок следования компонентов (парцеллят всегда находится в постпозиции по отношению к базовой части). При парцелляции происходит максимальное интонационное и смысловое выделение актуализируемого элемента.

Парцелляции подвергаются как простые предложения (а), так и сложные (б). Например:

а) *Le commandant se tait, allume une cigarette. Et s'en va reprendre la barre du navire.* – Капитан корабля замолкает, закуривает сигарету. *И снова возвращается к штурвалу.*

б) *Je n'ai jamais pensé prendre ma retraite. Même si beaucoup de gens l'ont affirmé.* – Я никогда и не думал уходить на пенсию. *Даже если многие это утверждали.*

При основном высказывании может быть один (а) или несколько (б) парцеллятов:

а) *Je lui répons ce que j'ai déjà vu, ce dont je suis persuadé. Ce à quoi elle s'attend, d'ailleurs.* – Я ей отвечаю то, что я видел, то, в чем я уверен. *То, что она ожидает услышать.*

б) *Collant le front au hublot, Ingrid Betancourt baisse le regard pour découvrir, du ciel, la sierra et cette terre de souffrance et d'espérance. La jungle, sa prison pendant plus de six ans... La Colombie, qu'elle n'a*

pas revue depuis cinq mois. – Прислонившись лбом к иллюминатору, Ингрид Бетанкур устремляет взгляд вниз, чтобы посмотреть с неба на сьерру и эту землю страданий и надежды. *Джунгли, ее тюрьму в течение более шести месяцев... Колумбию, которую она не видела вот уже пять месяцев.*

С точки зрения структуры все парцелированные конструкции можно разделить на две группы: парцелированные конструкции, построенные на основе членов предложения, и парцелированные конструкции, построенные на основе придаточных частей.

Рассмотрим парцелированные конструкции, построенные на основе членов предложения. Такие конструкции в современном французском языке наиболее употребительны. Среди них мы выделяем следующие структурные типы:

1) Конструкции с парцеллятом-подлежащим. Парцеллят в таких конструкциях выполняет роль подлежащего основного высказывания. Парцеллят-подлежащее обычно выражается именем существительным или местоимением. Например:

Tout à coup dans mon cœur sont apparus une grande tristesse. Et un profond sentiment de regret. – Внезапно в моем сердце появилась грусть. *И глубокое чувство сожаления.*

2) Конструкции с парцеллятом-сказуемым. В современном французском языке парцелироваться могут как глагольное сказуемое (а), так и именное составное (б), которое может быть выражено существительным, прилагательным, причастием, местоимением. Например:

а) *Elle savoure la vue de Bogota, scintillante dans la nuit noire. Respire enfin, dans un lieu familier qui lui ressemble.* – Она наслаждается видом Боготы, сверкающего в темной ночи. *Наконец, дышит в родном месте, которое похоже на нее саму.*

б) *Mais sous une autorité puissante, Thierry Mugler a quelque chose de plus: il est sympathique. Rieur, plein d'humour, observateur et vif.* – Но под могущественным авторитетом/ мощной уверенностью в себе в Тьерри Мюглере есть еще что-то: он милый/ приятный. *Хохотун с чувством юмора, наблюдательный и живой.*

3) Конструкции с парцеллятом-дополнением. Парцелироваться могут как прямое (а), так и косвенное (б) дополнения. Например:

а) *Mais ce soir-là, elle ne voulait sortir nulle part, elle attendait. Jean-Paul.* – Но в тот вечер она не хотела никуда идти, она ждала. *Жан-Поля.*

б) Thierry Mugler parlait sans cesse de ses modèles, de ses émotions, de ses projets. *De sa nouvelle collection.* – Тьерри Мюглер без конца говорил о своих моделях, о своих эмоциях, о своих планах. *О своей новой коллекции.*

4) Конструкции с парцеллятом-определением. Парцеллированными могут быть как согласованные, так и несогласованные определения. Например:

D'abord, il y a sa voix. *Forte, profonde, comme démultipliée par des couches musculaires surdéveloppées. Avec, au détour d'une phrase, une pointe d'accent strasbourgais.* – Сначала слышишь его голос. *Сильный, глубокий, словно усиленный сверхразвитыми мышцами. С легким страсбургским акцентом на изломе фраз.*

В приведенном примере первый парцеллят играет роль согласованного определения, а второй – несогласованного.

5) Конструкции с парцеллятом-приложением. Парцеллируются приложения, обозначающие имена, фамилии, профессии, род занятий людей, а также являющиеся названиями предметов. Например:

C'est Francesca Stephens, sa masseuse, sa diététicienne, son sauveur. *Une ex-championne d'athlétisme.* – Это Франческа Стефан, его массажистка, его диетолог, его спасительница. *Экчемпионка по легкой атлетике.*

Il leur a apporté leurs fruits préférés. *Les pommes vertes.* – Он им принес их любимые фрукты. *Зеленые яблоки.*

б) Конструкции с парцеллятом-обстоятельством:

а) обстоятельством образа действия:

Son fils a mis à côté le livre et s'est mis enfin à l'écouter. *Avec un grand attention.* – Его сын отложил книгу и, наконец, начал его слушать. *Очень внимательно.*

б) обстоятельством меры и степени:

J'ai assisté à cette scène et je suis sûre de ce que je dis. *Absolument.* – Я присутствовала при этой сцене и уверена в том, что говорю. *Абсолютно.*

Nous avons déjà étudié ce projet de loi. *Plusieurs fois.* – Мы уже изучили проект этого закона. *Много раз.*

в) обстоятельством места:

Ingrid ne voulait pas le montrer, mais elle voulait déjà rentrer. *Chez elle.* – Ингрид не хотела подавать виду, но уже хотела вернуться. *Домой.*

г) обстоятельством времени:

Mais cette fois il a quitté la scène. *Pour toujours*. – Но на этот раз он покинул сцену. *Навсегда*.

д) обстоятельством условия:

Mais cette jeune fille est toujours impeccable. *A toute circonstance*. – Но эта девушка всегда безупречна. *При любых обстоятельствах*.

е) обстоятельством причины:

Madeleine a oublié meme de frapper à la porte. *De l'émotion*. – Мадлен даже забыла постучать в дверь. *От волнения*.

ж) обстоятельством цели:

J'ai longtemps économisé des finances. *Pour ce voyage*. – Я долго откладывал деньги. *На это путешествие*.

Парцеллированным может быть и обстоятельство цели, выраженное инфинитивом. Например:

Je ne l'attendais pas mais il est venu. *Me demander pardon*. – Я его не ждала, но он пришел. *Попросить прощения*.

7) Конструкции с парцеллятом-уточнением. Например:

Il est venu à l'interview avec son adjoint. *Plutôt avec son ami*. – На интервью он пришел со своим заместителем. *Вернее – со своим другом*.

8) Конструкции с парцеллятом – сравнительным оборотом. Например:

On écoutait du Mozart et j'étais si émue! *Comme pour la première fois*. – Мы слушали Моцарта, и я была так взволнована! *Как в первый раз!*

Парцелляция представляет собой графический факт членения речевого произведения (предложения) и одновременно синтаксический прием акцентуации важной авторской мысли. Парцеллированная конструкция остается единым высказыванием с сохранением предикативности и общего значения. Будучи интонационно и коммуникативно выделенным, парцеллят не приобретает грамматической самостоятельности, он продолжает выполнять функцию члена предложения или части сложного предложения. В процессе парцелляции образуется рематический ведущий компонент, который обладает потенциальной (иногда однородной) синтаксической функцией любого члена предложения. Исходное предложение может быть подвергнуто парцелляции непосредственно, без какой-либо дополнительной перестройки связей и отношений составляющих его компонентов. Но иногда парцелляция сопровождается перестановкой конструктивных частей исходного предложения или использованием при отделе-

няемой части указательных местоимений, выделительных частиц и союзов. Парцелляции не могут быть подвергнуты компоненты, обеспечивающие конструктивное завершение предложения.

Список литературы

1. Биренбаум, Я. Г. К теории сложного предложения: на материале английского языка // Вопросы языкознания. 1982. № 2. 56 с.
2. Богоявленская, Ю.В. Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2003. С 80–84.
3. Ванников, Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М. 1965. 11 с.
4. Ванников, Ю. В. Парцелляция, связанная с разрывом интенциональных связей структуры предложения // Вопросы сопоставительного и общего языкознания. Труды УДН им. П.Лумумбы. 1969. Т. 43. Вып. 45. 149 с.
5. ГСРЛЯ Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука. 1970. 629 с.
6. Ефремов, А. Ф. Язык Н.Г.Чернышевского // Ученые записки Саратовского гос. пед. ун-та. Кафедра рус.яз. Изд-воСарат. гос. ун-та. 1951. № 14. С. 76-78.
8. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов. Минск: Харвест, 2008. 431 с.

List of literature

1. Birenbaum, Ya. G. K teorii slozhnogo predlozheniya: na materiale angliyskogo yazyka // Voprosy yazykoznaneya. 1982. № 2. 56 s.
2. Bogoyavlenskaya, Yu. V. Partsell'yatsiya v russkom i frantsuzskom yazykah: strukturnye i semantiko-sintaksicheskie osobennosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 2003. S 80–84.
3. Vannikov, Yu. V. Yavlenie partsellyatsii v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M. 1965. 11 s.
4. Vannikov, Yu. V. Partsellyatsiya, svyazannaya s razryvom intensional'nyh svyazey struktury predlozheniya // Voprosy sopostavitel'nogo i obshchego yazykoznaneya. Trudy UDN im. P.Lumumby. 1969. T. 43. Vyp. 45. 149 s.
5. GSRLYa Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka. 1970. 629 s.
6. Efremov, A. F. Yazyk N.G.Chernyshevskogo // Uchenye zapiski Saratovskogo gos. ped. un-ta. Kafedra rus.yaz. Izd-voSarat. gos. un-ta. 1951. № 14. S. 76-78.
8. Rozental', D. E. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Minsk: Harvest, 2008. 431 s.

ПЕРЕВОД И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

А. А. Яковлев

В большинстве научных и учебных изданий по теории и практике перевода основные теоретические положения рассматриваются на примерах, не превышающих по объёму предложение. Между тем перевод осуществляется чаще всего именно на уровне целостного связного текста. Хотя некоторые ученые уже давно выделяли необходимость выходить за границы отдельного высказывания, такую точку зрения никак нельзя назвать превалирующей.

Ключевые слова: теория перевода, синтаксис текста, предложение, высказывание, единица текста.

Прежде всего нужно вспомнить, что перевод относится не к языку, а к речи. А потому, как мы надеемся показать ниже, не вполне правомерно демонстрировать положения теории на оторванных от контекста предложениях. И еще менее правомерно (а иногда даже пагубно) приводить отдельные предложения в качестве примеров в учебной литературе по теории и практике перевода.

Если относить перевод к речи, то и оперировать необходимо категориями и понятиями, характерными именно для речи. А она чаще всего реализуется в тексте: фактически мы пишем текстами, говорим текстами (далее мы не будем разделять тексты на письменный и устный). Но текст не состоит из предложений, а реализуется в предложениях. Да и не в предложениях в полном смысле этого слова.

Так, А.А. Леонтьев пишет о тенденции «противопоставить фразе или предложению как формальной языковой единице, занимающей определенное место в системе единиц и уровней языка, высказывание как единицу *par excellence* функциональную, единицу реального речепорождения и речевосприятия, соотносенную с ситуацией и содержательным контекстом» [6. С. 227–228]. Таким образом, предложение и высказывание не есть одно и то же. Но с другой стороны, если какое-либо высказывание вырвать из контекста, то оно автоматически станет предложением, потому что не будет соотносено с конкретной ситуацией и конкретным контекстом.

Но на одном только этом разделении понятий останавливаться не следует. «Речь характеризуется... не только членораздельностью, не только дискретностью своих «составляющих», но также объединением и сращением их в непрерывные единства» [4. С. 98]. Именно поэтому вырванное из контекста высказывание и становится предложением. «Без учета соотношений в контексте многие предложения окажутся вообще непонятными» [там же.С.120]. Именно поэтому наряду с анализом при переводе лексического и синтаксического строя отдельных высказываний весомую роль приобретает анализ качества связей между высказываниями в составе текста.

В предложении может быть один компонент, два и несколько: главные и второстепенные члены предложения, распространенные и нераспространенные предложения. В высказывании таких компонентов только два: тема и рема. Но это не означает, что главные члены предложения всегда являются только ремой или что придаточное предложение является темой. «В состав темы и ремы входят любые члены предложения, независимо от того, какой частью речи они выражены и какое имеют лексическое значение» [7. С. 98]. Таким образом, расположение элементов высказывания определяется не их синтаксическими функциями, но прежде всего актуальным членением высказывания. Последнее выявляется из связи соседних (но не обязательно таковых) высказываний. А связи эти могут быть не одинаковы.

Различают два основных типа связи между высказываниями: цепную и параллельную. Оба эти вида весьма подробно описаны в [8]. Первый вид характерен для предложений, в которых рема первого становится темой второго, рема второго – темой третьего и т.д. Второй вид характерен для предложений, относящихся к первому, называемому зачином, и имеющим схожую или одинаковую тему. Посредством таких связей предложения объединяются в сверхфразовое единство (или, что то же, сложное синтаксическое целое), которое и является единицей текста, а не слово, словосочетание или высказывание. «От сложного предложения (в том числе многочленного) сложное синтаксическое целое отличается менее тесной связью между частями, их формально-синтаксической самостоятельностью» [1. С. 385]. Сказанное не означает, однако, что одно высказывание не может быть сверхфразовым единством: их границы могут вполне совпадать, но критерии выделения этих единиц различны.

Более того, «выделение сложного синтаксического целого на основе семантико-структурной объединенности отдельных предло-

жений отнюдь не свидетельствует, что любой текст четко и последовательно членится на сложные целые и потому представляет собой сумму таких единиц» [1. С. 388]. Соотнеся это положение с приведенным выше высказыванием С.Д. Кацнельсона, можно заключить, что тесной спаянностью в непрерывную последовательность обладают не только высказывания в составе сверхфразового единства, но также и сами сверхфразовые единства. Такая спаянность на уровне как высказываний, так и сверхфразовых единств является основой для связности и целостности текста, которые также очень важны в переводе.

Цельность и связность – основные характеристики [6. С. 235–255]. Они являются основными характеристиками текста, соответственно, с точки зрения функциональной, логической точки зрения и точки зрения структурной. И их переводчик также должен стремиться передать.

Говоря о цельности текста, А.А. Леонтьев пишет: «...Признаки связности, а особенности цельности, текста определяют круг допустимых и оптимальных вариантов, а не инвариант этого текста» [6. С. 250]. Причина стремления переводчика «добавить» вводные слова, уточняющие конструкции и т.п. видится нам в его желании сделать текст перевода «лучше» с точки зрения его цельности и связности. Между тем, «цельный текст имеет очень большое число «степеней свободы» и восстанавливается очень различно...» [там же. С. 251]. Таким образом, наличие или отсутствие тех или иных элементов совсем не обязательно влияет на целостность текста. Тот же А.А. Леонтьев пишет: «Целостность... невыводима из закономерностей линейной или структурной организации фонетических [а для нас и лексических], грамматических единиц или семантических классов» [6. С. 237]. Таким образом, задача переводчика, на наш взгляд, состоит не в передаче текста как лингвистической данности, но как логико-смыслового целого. Если же на текст смотреть как на простую последовательность высказываний (а иногда его воспринимают, как последовательность предложений), то его цельность неизбежно потеряется при переводе.

Нет смысла спорить (да и вряд ли кто-то станет это делать) с тем, что переводу подвергаются заложенные в исходный текст смыслы. Хотя смысл и находит свое отражение в лексическом и синтаксическом составе высказываний, но «формальная синтаксическая структура... является производной от семантической структуры предложения...» [4. С. 104–105]. Таким образом, ни лексические, ни син-

тактические компоненты высказываний при переводе нерелевантны (подробнее об этом см. [2]), а излишнее внимание переводчика на этих чисто внешних по отношению к смыслу элементах ведет к неадекватному переводу.

На первый план выходят не элементы предложений, а характер отношений между этими элементами, не последовательность предложений, а характер связей между высказываниями и сверхфразовыми единствами.

Несмотря на явные успехи лингвистики текста и психолингвистики (касательно восприятия и порождения как устной, так и письменной речи) в научной и учебной литературе можно встретить точки зрения, никак с этими направлениями не согласующиеся.

В одной из своих работ А.Б. Шевнин, цитируя Х. Джорджа, сразу пишет о том, что получение знаний при изучении иностранного языка можно назвать «входом», а реализацию этих знаний в форме устного или письменного текста «выходом» [9. С. 36]. И далее он продолжает: свою мысль: «В тех случаях, когда появляется нежелательная форма..., не предусмотренная материалом на входе, можно говорить о появлении ошибки. В этом случае интерес должны представлять промежуточные механизмы, вызвавшие эту ошибку. Именно анализ различий на входе и выходе может дать положительную информацию о природе и способе функционирования таких отклонений» [там же]. Подход с точки зрения межъязычия автором отвергается. Хотя системный характер таких отклонений именно с точки зрения межъязычия был доказан М. Дебрэнн [3. С. 336–340]. Сопоставление различий на входе и выходе в лингводидактике, на наш взгляд, еще может быть оправдано. Но А.Б. Шевнин переносит этот метод на перевод. Простым сопоставлением ИТ и ПТ нельзя создать необходимую базу для модели адекватной модели перевода. Если описывать процесс перевода путем сопоставления ИТ и ПТ, то он представляется лишь как система фильтров, задерживающих и преобразующих речевой стимул (на входе) и речевую реакцию (на выходе) [6. С. 282]. Но такое представление процесса перевода онтологически ошибочно.

В определении термина «модель» мы абсолютно солидарны с А.А. Леонтьевым, писавшим: «Под моделью следует понимать логическую (знаковую) конструкцию, воспроизводящую те или иные характеристики исследуемого нами объекта, при условии заранее определенных требований к соответствию этой конструкции объекту» [6. С. 285]. Сопоставление данных на входе и выходе воспроиз-

водит лишь ИТ и ПТ, сам же процесс перевода остается в стороне. К тому же нарушается условие соответствия модели объекту.

На сегодняшний день доступными оказались самые различные учебные пособия по теории и практике перевода. Но некоторые авторы явно противоречат себе не только в разных своих работах, но даже в рамках одной работы. Например, в учебнике Л. К. Латышева и К.Л. Семенова можно встретить такое высказывание: «Не являясь самоцелью, передача содержания в переводе осуществляется с необходимыми модификациями...» [5.С.102]. Подобные утверждения, на наш взгляд, могут привести к непониманию со стороны учащегося при том, что авторы говорят о содержании как о формальной организации текста. И далее читаем: «Даже незначительные изменения исходного содержания иногда могут повлечь за собой серьёзные искажения авторской мысли. Поэтому там, где возможно, содержание ИТ должно передаваться максимально точно» [там же]. Где конкретно и какими способами необходимо предавать содержание ИТ, авторы не уточняют. Создается впечатление, что это содержание передавать нужно (хотя это и не является самоцелью), но конкретные элементы, подлежащие передачи, и способы их передачи остаются на усмотрение переводчика. Утверждения типа «текст, предложение, словосочетание, слово правомерно рассматривать как знаки, т.е. в известном смысле как явления одного порядка, особенно конструктивно для теории перевода» [там же.С.78] и вовсе губительны. Подобные утверждения создают неверное представление о процессе перевода и его сущности у студентов, чьи взгляды еще не до конца сформировались.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М. : Высш. школа, 1991. 432 с.
2. Витренко, А. Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? // Вестник МГЛУ. 2004. Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка / Отв. ред. Д. В. Псурцев. С.90–106.
3. Дебрэнн, М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыко-

List of literature

1. Valgina, N. S. Sintaksis современного russkogo yazyka: ucheb. dlya vuzov po spets. «Zhurnalistika». M. : Vyssh. shkola, 1991. 432 s.
2. Vitrenko, A. G. Nado li učit' perevodcheskim transformatsiyam? // Vestnik MGLU. 2004. Vyp. 488: Perevod i stilisticheskie resursy yazyka / Otv. red. D. V. Psurtsev. S.90–106.
3. Debrenn, M. Teoreticheskie i prikladnye aspekty mezhyazykovoy

- вой девиатологии: дисс... д-ра фил. наук. Новосибирск, 2006. 375 с.
4. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. М. : УРСС, 2002. 220 с.
5. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
6. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
7. Современный русский язык. Ч.2. Синтаксис: Учебник для вузов / Под ред. Д. Э. Розенталя. М. : Высш. школа, 1979. 256 с.
8. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика: сложное синтаксическое целое. М. : Высш. школа, 1973. 214 с.
9. Шевнин, А. Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация. Вестник ВГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2 С. 36–44.
- deviatologii: diss... d-ra fil. nauk. Novosibirsk, 2006. 375 s.
4. Katsnel'son, S. D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie. M. : URSS, 2002. 220 s.
5. Latyshev, L. K. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya. M. : Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. 192 s.
6. Leont'ev, A. A. Yazyk i rechevaya deyatel'nost' v obschey i pedagogicheskoy psihologii: Izbrannye psihologicheskie trudy. Voronezh : Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2003. 536 s.
7. Sovremennyy russkiy yazyk. Ch.2. Sintaksis: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. D. E. Rozentalya. M. : Vyssh. shkola, 1979. 256 s.
8. Solganik, G. Ya. Sintaksicheskaya stilistika: slozhnoe sintaksicheskoe tseloe. M. : Vyssh. shkola, 1973. 214 s.
9. Shevnin, A. B. Erratologiya i mezhyazykovaya kommunikatsiya. Vestnik VGU, Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2004. № 2 S. 36–44.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ АУДИТИВНЫХ НАВЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

О. А. Малетина

Статья посвящена методике преподавания самого трудного аспекта языковой компетентности – аудированию. Согласно государственному образовательному стандарту студенты должны понимать диалогическую и монологическую речь, именно поэтому так важно структурировать Ваш урок, чтобы сформировать этот навык. В настоящее время каждый специалист должен знать иностранные языки, особенно английский, поскольку процесс глобализации породил множество совместных предприятий, нуждающихся в специалистах со знанием иностранных языков. Чтобы преподавать правильным способом, необходимо разделить Ваш урок на три части: 1) упражнения, сделанные перед аудированием; 2) упражнения, сделанные в процессе прослушивания текста; 3) упражнения, сделанные после аудирования.

Ключевые слова: аудитивные навыки, неязыковой вуз, профессиональная коммуникация.

В соответствии с государственным стандартом высшего профессионального образования для специальностей «Юриспруденция» 030501.65, «Судебная экспертиза» 030502.65 студенты должны понимать диалогическую и монологическую речь в сфере бытовой и профессиональной коммуникации, поэтому **целью** обучения аудированию является формирование у студентов следующих аспектов иноязычной коммуникативной компетенции: лингвистической (навыки и умения в аудировании, чтении, говорении и переводе), социокультурной, интерактивной.

Аудирование представляет собой сложный процесс понимания воспринимаемой на слух речи, который включает перцептивную и мыслительно-мнемическую деятельности, осуществляемые в результате выполнения целого ряда сложных логических операций: анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, абстракция и кон-

кретизация. Овладение навыками и умениями аудирования дает возможность реализовать воспитательные, образовательные и развивающие цели.

Основной задачей при обучении студентов навыкам аудирования является поэтапное переключение направленности внимания студентов с общего содержания на детальное и более глубокое осмысление информации, а также обучение смысловому прогнозированию, то есть формировать умение предвосхищать смысловое содержание высказывания и таким образом, воспитывать культуру слушания не только на иностранном, но и на родном языке.

В федеральном компоненте государственного образовательного стандарта для специальностей «Юриспруденция» 030501.65, «Судебная экспертиза» 030502.65 на изучение иностранного языка отводится 340 часов, поэтому преподавателю необходимо составлять четкий план при обучении данному навыку, поскольку аудирование связано с пониманием иноязычной профессиональной речи и предполагает наличие определенного уровня развития лексических, грамматических и фонетических автоматизмов, что позволит сохранить концентрацию внимания студента на содержании.

Следует отметить, что в условиях глобализации к юристам предъявляются более высокие требования, и на сегодняшний день юрист – это не только специалист, владеющий знаниями в области российского права, но и международного, что предполагает элементарные знания иностранного языка, поскольку зачастую ему приходится сталкиваться и с телефонными переговорами, и с деловой корреспонденцией на иностранном языке. Следовательно, в рамках государственного образовательного стандарта преподаватель иностранного языка высшей школы должен формировать следующие аспекты иноязычной коммуникативной компетенции: лингвистической (навыки и умения в аудировании, чтении, говорении, письме и переводе), социокультурной, интерактивной.

Студент должен знать:

- инокультурную специфику профессионального социума страны изучаемого языка;
- терминологическую систему профессиональной сферы и ее эквиваленты в русском языке;
- особенности коммуникативного поведения представителей иноязычной профессиональной сферы, особенности структурирования ситуаций профессионального взаимодействия;

Студент должен уметь:

- осуществлять межкультурную, межличностную и профессионально ориентированную коммуникацию (рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности) с опорой на эквивалентные лингвистические единицы, термины и реалии страны изучаемого языка;
- уметь правильно использовать в речи лексико-грамматические и синтаксические средства для порождения высказываний в соответствии с типом текста и его жанром в соответствующей профессиональной сфере;
- устанавливать, поддерживать и завершать контакт с иноязычным партнером по коммуникации;
- разрешать межличностные и юридические проблемы в профессиональной сфере.

Актуальность обучения аудированию обусловлена тем, что сейчас в России наблюдается активизация усилий правоохранительных органов по борьбе с различными видами преступлений, поэтому представляется необходимым в рамках обучения привлечь внимание обучающихся по специальностям «Юриспруденция» 030501.65, «Судебная экспертиза» 030502.65 к негативным сторонам совершения преступления, рассмотреть превентивные меры, меры борьбы с преступностью. Следует сформировать у студента четкое представление о том, что преступление – это правонарушение, совершение которого влечет применение к лицу мер уголовной ответственности.

Обучение навыкам восприятия на слух аутентичной иноязычной речи является актуальным, поскольку в рамках договоров о международном сотрудничестве в Россию приезжают студенты и специалисты для повышения квалификации из зарубежных стран, а для их успешной интеграции в учебную и внеучебную виды деятельности необходимо построить взаимоотношения с обучающимися студентами. Практические занятия по обучению аудированию способствуют формированию и развитию аудитивных и коммуникативных навыков, которые впоследствии могут использоваться студентами на практике при общении с иностранными студентами. Следует подчеркнуть, что важным моментом при обучении является формирование профессионального тезауруса у обучающихся с целью облегчения общения на профессиональные темы.

Практическое занятие имеет четкую структуру и делится на три этапа:

- А. задания, выполняемые до прослушивания текста;

В. задания, выполняемые при прослушивании текста;

С. задания, выполняемые после прослушивания текста.

Данное разделение на этапы представляется вполне логичным, поскольку между высшей и средней школами наблюдается разрыв, поэтому не все студенты сталкивались с прослушиванием иноязычного текста в рамках обучения в средней общеобразовательной школе. Следовательно, подготовительный этап на занятии играет важную роль, так как позволяет максимально облегчить восприятие иноязычного текста с помощью прогнозирования и введения нового лексического материала.

Преподаватель начинает занятие с дискуссии на тему «Что такое преступление?»: студентам предлагается высказаться с целью дать определение этому понятию.

После обсуждения на экран выводится новый лексический материал по теме «Преступление»:

Active vocabulary

crime	преступление
“repeat victims”	жертва повторного нападения
a sad story	печальная / грустная история
to have smb’s house burgled	огрбить чей-либо дом

Преподаватель помогает студентам потренироваться в чтении нового лексического материала, они переписывают слова в тетрадь, а затем студентам предлагается задание соединить слова и их перевод, то есть таким образом происходит усвоение нового лексического материала перед прослушиванием текста:

crime	шутка
“repeat victims”	огрбить чей-либо дом
a sad story	печальная / грустная история
to have smb’s house burgled	жертва повторного нападения

Если возникают сложности с усвоением нового лексического материала, то следует предложить студентам составить предложения с использованием новых слов и построить работу по проверке следующим образом: один студент читает предложение на английском языке и называет того, кто его переведет.

Затем идет переход к следующему этапу, когда преподаватель подробно рассказывает, на какие моменты при прослушивании текста

следует обратить внимание. Студенты должны знать, что в их задачу не входит полное понимание текста, а только те моменты, которые необходимы при выполнении последующих заданий (*согласитесь или не согласитесь со следующими утверждениями; заполните пропуски, используя следующие слова*). Следовательно, представляется целесообразным познакомить студентов с заданиями перед прослушиванием текста с целью максимизировать понимание иноязычного аутентичного текста.

После заданий, выполняемых при прослушивании текста, следует начать делать задания, ориентированные на работу после аудирования (*ответьте на следующие вопросы; подберите синонимы; соедините следующие фразы из текста; напишите различные слова, которые ассоциируются с термином «преступление», обсудите варианты с партнером и распределите слова по разным категориям*), целью которых является детальная проработка иноязычного аутентичного текста.

После написания слов, ассоциирующихся с термином «преступление», преподаватель вводит дополнительный материал по изучаемой теме «Преступление». На экран выводятся термины, обозначающие различные типы преступлений, далее дается упражнение, в котором даны типы преступлений и их дефиниции, студентам предлагается подумать и соединить тип преступления с его определением:

1) термины и их перевод

murder/ homicide manslaughter espionage drug trafficking smuggling	предумышленное убийство непредумышленное убийство шпионаж торговля наркотиками контрабанда
--	--

2) соедините термины и их дефиниции

1. murder/
homicide	a. killing a person unlawfully, without malicious intent , killing a person without premeditation
2. man-
slaughter	b. forcing smb. to have sex, usually by violence or threats of violence
3. espionage	c. possessing and trading illegal substances, illegal drugs
4. drug traf-
ficking	d. taking something or someone illegally from one country to another spying/ (industrial/military) espionage

Для того чтобы закрепить изученный материал студентам предлагается упражнение, в котором описывается ситуация, а они должны определить тип преступления:

1) "I arrived home late and found that I'd forgotten my keys. I didn't want to wake my wife up, and I saw there was a ladder in the garden of the house next door. I got the ladder and climbed in. We've just moved in and I didn't realize I was in the wrong street ... " 2) "I was walking my dog when I saw the gun lying on the ground. I picked it up – it was still warm – and at that moment I saw the body lying in the long grass. I went across to look and it was my business partner. That's when the police arrived ... " 3) "I opened the bank account in a false name as a way to help my employer pay less tax – it's perfectly legal. I kept meaning to tell him, but somehow I just forgot. I bought the villa in France with my own money. It was an inheritance ... " 4) "OK, so there are a hundred and twenty-three copies of Four Weddings and a Funeral. That's perfectly true, but I had no intention of selling them. I'm a collector."

После анализа ситуаций и определения типа преступления переходим к выполнению творческого упражнения: *прочитайте конец текста и закончите его; подумайте, что еще можно сделать, чтобы предотвратить кражу со взломом.* Студенты зачитывают свои варианты мер по предотвращению краж со взломом, и завершая урок, преподаватель подводит итоги: 1) типы преступлений; 2) меры предотвращения краж со взломом.

Таким образом, преподаватель предлагает студентам выполнить следующую работу дома: *1) воспользуйтесь Интернетом и найдите информацию о преступлениях или кражах со взломом в России; подготовьте презентацию и изложите основную суть доклада, опираясь на данные вашей презентации; 2) подготовьте презентацию на тему «Меры по предотвращению совершения преступлений в России: 1. патрулирование улиц, 2. работа с подростками, 3. работа участковых»; 3) подготовьте презентацию на тему «Меры по предотвращению совершения преступлений зарубежом.*

Методические рекомендации прошли апробацию на занятиях в группах и составлены с учетом специфики работы со специальностями «Юриспруденция» 030501.65, «Судебная экспертиза» 030502.65.

**ПРОБЛЕМА УЧЕБНИКА ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ
В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Е. А. Панкратова

Статья рассматривает проблему теории учебника для студентов, изучающих иностранный язык. Описываются различные подходы российских ученых в области методики обучения иностранным языкам к теории учебника.

Ключевые слова: проблема учебника иностранных языков, теория учебника, методические основы учебника иностранного языка.

Проблема учебника иностранного языка является актуальной как в теории, так и в практике преподавания. Это объясняется тем, что современный этап развития методической науки характеризуется разнообразием разработанных и предлагаемых подходов, методов и приемов обучения, которые следует обоснованно реализовать в основном средстве обучения – учебнике.

Анализ методической литературы по проблеме позволил выявить, что основными направлениями исследований являются: теоретические основы учебника иностранного языка в целом; пути и способы совершенствования содержания и методической организации учебника.

Основоположник теории учебника иностранного языка И.Л. Бим определяя учебник как «микромодель системы обучения в целом» которая отражает все компоненты системы: цели, содержания, принципы, приемы, средства обучения, учебно-воспитательный процесс, рассматривает его на трех уровнях [1], [2].

На микроуровне учебник описывается как обобщенное отражение основных явлений и процессов рассматриваемой объектно-предметной области. Учебник представляет собой сложную систему, которая связана с методикой обучения иностранным языкам как наукой, с иностранным языком как учебным предметом и со всей системой образования и воспитания. На втором уровне учебник рассматривается как воплощение (продукт) методической системы, которая детерминируется социально-историческими факторами, уровнем развития науки (психологические, лингвистические, педагогические

и дидактические закономерности), личностными характеристиками её автора. Третий уровень – реальная система обучения определённому языку, где учебник выступает в качестве модели педагогического процесса в целом, которая воссоздает его в знаковой форме. Реализация разработанной «языковой модели» в реальном процессе обучения определяет функцию учебника как средства обучения иностранному языку и рычага управления обучением. Исследователь особо отмечает, что неизбежны диалектические противоречия между учебником методической системой, воплощенной в нем, и реальной системой обучения, на которую воздействуют такие факторы, как личностные свойства учителя и учащихся, уровень их обученности, материальная оснащённость учебного заведения, а также уровень развития образования в целом.

М.Н. Вятютнев сформулировал методические основы теории учебника русского языка как иностранного, научной базой которых является коммуникативно-индивидуализированный подход обучения [3]. Автор указывает на то, что большая часть содержания теории учебника должна представлять методику преподавания иностранных языков, при этом ядром теории являются методические основы, которые определяют закономерности и правила проектирования и публикации учебника. По мнению М.Н. Вятютнева, методы как системы и направления в большей мере, чем требования и принципы формируют теорию учебника, определяя характер учебных материалов и учебного процесса, поскольку метод системен и в нем отсутствуют противоречия. Однако, как показала практика, методы не постоянны, они модифицируются внутри групп за счет заимствования недостающих в процессе внедрения элементов. Автор делает вывод о том, что требования, принципы и методы являются «предшественниками» подхода, который представляет целостную теорию учебника, обладающую объяснительной и описательно-классифицирующей природой. Подход, представляя собой систему суждений о природе языка, обучения и усвоения, аксиоматичен, не требует доказательств и принимается на веру авторами учебников.

Р.П. Мильруд, рассматривая учебник иностранного языка с позиции современной педагогической концепции, определяет его как основной комплекс материалов для достижения программных образовательных целей по учебной дисциплине и целенаправленного создания учебных возможностей для обучающихся [4]. Автор отмечает, что на теорию учебника оказывает влияние изменяющаяся по-

литическая и экономическая ситуация в стране, совершенствующаяся коммуникативная теория обучения языку, мультимедийная среда, идея автономности ученика и учителя, а также интеграция знаний в области теории преподавания иностранных языков с привлечением идей культурной антропологии, регионоведения, социальной педагогики, когнитивных наук и т.д. Р.П. Мильруд описывает три стороны создания учебника, среди которых: метод обучения, разработка материалов и внедрение продукта. Успех учебника, по мнению Р.П. Мильруда, зависит также и от синергического влияния таких факторов, как глобализация информационных процессов, регионализация культуры и поляризация рынка.

Ретроспективный анализ научной литературы свидетельствует о том, что содержание и методическая организация учебника всегда находились в центре внимания ведущих методистов нашей страны.

Так, Г.М. Уайзер рассматривает проблему структуры и содержания учебника иностранного языка во взаимосвязи с вопросами обучения устной речи [5]. В учебнике должен не только сообщаться языковой материал, но и указываться пути развития навыков и умений использования лексики и грамматики в речи через создание текстов, способствующих выработке навыков разговорной речи, и отбор эффективных упражнений, готовящих к устному общению.

Описывая методические требования к учебникам иностранных языков для средней школы, И.В. Рахманов [6] соотносит их с двумя компонентами: содержанием, (к которому относятся тексты, языковой материал, речевые образцы, и упражнения), а также методическим построением учебника, обеспечивающим одновременное развитие речевых умений и навыков, а также систематическое расположение языкового материала и систематическое развитие умений и навыков.

В.Н. Трифанова исследует проблему содержания высшего лингвистического образования с точки зрения его отображения в содержании учебников иностранного языка для вузов [7]. Учебник рассматривается как комплекс материалов, организованный в соответствии с современной методической концепцией взаимосвязанного коммуникативного, социокультурного и когнитивного развития учащихся, обучения иностранному языку, культуре страны изучаемого языка. Автор выделяет пять групп требований к построению учебников иностранного языка для вузов: научно-педагогические, психологические, методические, эстетические и полиграфические требования

В своем исследовании М.В. Озерова рассматривает проблему определения теоретических основ модели учебника для продвинутого этапа подготовки студентов неязыкового вуза с позиции организации в нем содержания профессионально-направленного обучения иностранному языку [8]. В качестве основного организующего фактора в учебнике и средства управления текстовой деятельностью обучаемых предлагается тема. Текст, выступает в качестве основного репрезентанта темы, и несет логико-семантическую информацию, выраженную оптимальными средствами, подлежащими изучению. Автор фокусирует внимание на необходимости включения аутентичных текстов различных жанров, поскольку они демонстрируют стилистические особенности языкового и речевого материала и специфику функционирования в разных социальных контекстах, тем самым, способствуя моделированию в сознании студентов языкового образа страны изучаемого языка (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.). Автор предлагает использовать в рамках каждой темы серию предтекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений, которые сопровождают тексты соответствующих стилей и жанров. К обязательным требованиям к учебнику иностранного языка М.В. Озерова также относит наличие системы средств, которые обеспечивают возможность осуществления студентами самоконтроля, самокоррекции и самостоятельного совершенствования уровня владения изучаемым языком.

Л.Н. Полушина, рассматривая такой структурный элемент учебника иностранного для средней школы как текст, вводит понятие текстотека учебника как «совокупность аутентичных текстов» [9]. Автор научно обосновывает, что тщательно составленная текстотека может служить в качестве основы формирования социокультурной компетенции. Отбор текстотеки в этом случае должен осуществляться с учетом соотношенности текста со сферой, темой и ситуацией общения в совокупности.

М.А. Богатырева рассматривает проблему профессионально-ориентированного учебника для неязыкового гуманитарного вуза, который моделируя содержание обучения иностранному языку с позиции социокультурного подхода должен содержать все элементы социокультурного компонента [10]. Последний призван играть императивную роль в учебнике. Предметный аспект социокультурного компонента содержания учебника, по мнению автора, представляется набором конкретных знаний, которые необходимы для осуществления межкультурной профессиональной коммуникации в рамках

тем и ситуаций, направленных на культуру родного языка, адаптированные согласно культуре страны изучаемого языка, ориентированные на глобальные темы. Ситуативно-тематическая организация социокультурного содержания учебника описывается автором как наиболее оптимальная форма управления текстовой деятельностью студентов. Процессуальный аспект социокультурного компонента связан с развитием в сознании студентов целостной картины изучаемой действительности. В связи с этим, автором делается вывод о том, что организация содержания учебника должна быть нацелена на рефлексию обучаемыми собственных ценностей, желание вступать в общение с представителями иных социокультурных обществ.

Л.Б. Якушина сосредотачивает внимание на реализации интеркультурного подхода в современных учебниках по немецкому языку с позиции целей обучения, содержания и организации в них учебного материала [11]. Учебник, по мнению автора, нацеленный на формирование у обучаемого интеркультурной компетенции, сфокусированной на понимании иной культуры через сознательную рефлексию своей собственной культуры, должен представлять собой целостную, структурированную программу интеркультурного обучения, которая включает следующие фазы: осознанное восприятие; развитие и раскрытие значений основных понятий своей и чужой культур; систематическое сравнение культур; свободное общение в интеркультурных ситуациях.

Е.А. Воротнева рассматривает учебник иностранного языка как средство повышения мотивации учащихся [12]. Автор настаивает на необходимости использования в полном объеме мотивирующих факторов учебника: «центрирование» на ученике; нацеленность на решение коммуникативных задач; аутентичность текстов и упражнений; разнообразная и интересная тематика текстов; проблемный, критический способ подачи материала; учет индивидуальных характеристик обучаемых; стимулирование самостоятельной деятельности; презентация грамматики с позиции педагогического подхода; привлекательное оформление; целесообразность и оптимальность состава УМК.

Н.В. Семенюченко, обращаясь к вопросу теоретических основ оформления (иллюстрирования) учебника, определяет зрительный невербальный ряд учебника русского языка как неродного, в качестве целостного компонента учебника, как единый многоуровневый художественный знак – репрезентант русско-язычной культуры и

анализирует его методический потенциал [13]. По мнению автора, отбор и структурирование информации зрительного невербального ряда позволяет ему функционировать в учебнике как средство управления овладением учащимися культурой изучаемого языка.

В результате проведенного анализа открылись новые области исследования, которые нуждаются в более подробном рассмотрении. Было выявлено, в частности, что не разработаны как единое целое теоретические основы учебника иностранного языка, нацеленного на обучение в контексте приобретаемой профессии.

В связи с этим планируется связать дальнейшее исследование с описанием современной системы обучения иностранному языку и иноязычной культуре в сфере компетентностного подхода, а также разработкой методических основ проектирования соответствующего учебника.

Список литературы

1. Бим, И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и теория школьного учебника. М. : Русский язык, 1977. 288 с.
2. Бим, И. Л. Некоторые исходные положения теории учебника иностранного языка // Иностр. языки в школе. 2002. №3. С. 3–8.
3. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного: методические основы. М.: Русский язык, 1984. 144 с.
4. Мильруд, Р. П. Учебник иностранного языка: синергетика жанра или энергетика автора // Иностр. языки в школе. 2005. №8. С.12–18.
5. Уайзер, Г. М. Обучение устной речи и проблема учебника иностранного языка // Иностр. языки в школе. 2006. №8. С. 15–21.
6. Рахманов, И. В. Методические требования к учебникам ино-

List of literature

1. Bim, I. L. Metodika obucheniya inostrannym yazykam kak nauka i teoriya shkol'nogo uchebnika. M. : Russkiy yazyk, 1977. 288 s.
2. Bim, I. L. Nekotorye ishodnye polozheniya teorii uchebnika inostrannogo yazyka // Inostr. yazyki v shkole. 2002. №3. S. 3–8.
3. Vyatyutnev, M. N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo: metodicheskie osnovy. M.: Russkiy yazyk, 1984. 144 s.
4. Mil'rud, R. P. Uchebnik inostrannogo yazyka: sinergetika zhanra ili energetika avtora // Inostr. yazyki v shkole. 2005. №8. S.12–18.
5. Uayzer, G. M. Obuchenie ustnoy rechi i problema uchebnika inostrannogo yazyka // Inostr. yazyki v shkole. 2006. №8. S. 15–21.
6. Rahmanov, I. V. Metodicheskie trebovaniya k uchebnikam inos-

- странных языков для средней школы // Иностр. языки в школе. 1962. №2.
7. Трифанова, В. Н. Содержание образования и его отображение в учебно-методических пособиях: на материале учебников немецкого языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 26 с.
8. Озерова, М. В. Содержание профессионально-направленного обучения иностранному языку в неязыковом вузе и его организация в учебнике: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 24 с.
9. Полушина, Л. Н. Текстотека как основа формирования социокультурной компетенции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995. 15 с.
10. Богатырева, М. А. Социокультурный компонент содержания профессионально-ориентированного учебника: английский язык, неязыковой вуз: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 22 с.
11. Якушина, Л. Б. Интеркультурный подход к обучению в современных учебниках немецкого языка «SPRACHBRÜCKE», «SICHTWECHSEL»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 16 с.
12. Воротнева, Е. А. Учебник как средство повышения мотивации учащихся в обучении иностранному языку: на материале французского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2002. 24 с.
- trannyh yazykov dlya sredney shkoly // Inostr. yazyki v shkole. 1962. №2.
7. Trifanova, V. N. Soderzhanie obrazovaniya i ego otobrazhenie v uchebno-metodicheskikh posobiyah: na materiale uchebnikov nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2001. 26 s.
8. Ozerova, M. V. Soderzhanie professional'no-napravlenogo obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze i ego organizatsiya v uchebnike: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1998. 24 s.
9. Polushina, L. N. Tekstoteka kak osnova formirovaniya sotsiokul'turnoy kompetentsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1995. 15 s.
10. Bogatyreva, M. A. Sotsiokul'turnyj komponent sodержaniya professional'no-orientirovannogo uchebnika: angliyskiy yazyk, neyazykovoy vuz: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1998. 22 s.
11. Yakushina, L. B. Interkul'turnyj podhod k obcheniyu v sovremennykh uchebnikah nemetskogo yazyka «SPRACHBRÜCKE», «SICHTWECHSEL»: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2001. 16 s.
12. Vorotneva, E. A. Uchebnik kak sredstvo povysheniya motivatsii uchaschihsya v obuchenii inostrannomu yazyku: na materiale frantsuzskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2002. 24 s.

13. Семенюченко, Н. В. Зрительный невербальный ряд учебника как средство управления овладением русскоязычной культурой: дис. ... канд. пед. наук. Липецк, 2002. 170 с.

13. Semenyuchenko, N. V. Zritel'nyj neverbal'nyj ryad uchebnika kak sredstvo upravleniya ovladeniem russkoyazychnoy kul'turoy: dis. ... kand. ped. nauk. Lipetsk, 2002. 170 s.

ABSTRACTS

Akinina A.V. Discourse and 'Format'.

The article suggests the statement concerning new 'total cognitive discourse' of modern science and represents language system as a system of 'format'.

Keywords: discourse, 'format', standard, language structure.

Alekberova I.E. Interaction of Vocabulary and Grammar in Scientific Popular Texts.

Nowadays we can point out that text linguistics is definitely in its development, that's why lots of text categories and subcategories aren't well known to the general public. Some of them could not be named so. Nevertheless we can't imagine the text without such categories and factors. There is no denying that any text has special linguistic and grammar aspects. All the categories and subcategories including obligatory and supplementary are cooperated. Different types of lexica like special, professional and familiar are used in scientific texts and articles.

Keywords: vocabulary, grammar, scientific popular text, textual linguistics.

Bazarova L.V. Basic Structural Characteristics of Concept.

The article reveals the basic peculiarities and types of concepts that elicit the problem of plurality and its relations in concept.

Keywords: concept, components, types, peculiarities, plurality.

Bicharova M.M. Typological Model of the Genre 'Knizhnoe Obozrenie'.

The article is devoted to the study of the 'book review' genre. The work suggests a classification approach, which supposes the investigation of the given question within the framework of general problems of mass-media discourse typology and typological features of their classification. The criteria served for the typological model building are different characteristics of the texts under study including genre of the review object, structure, and communicative intention of the reviewer.

Keywords: mass media discourse, genre, book review, typological model.

Deulina E.N., Krashennnikova N.A. Speech Influence in Instructive Discourse.

The given article analyses the basic statements of science about the speech influence, i.e. about the effective communication which is actively formed in contemporary scientific space. Mastering the tactics of effective speech influence comprises the notion 'communicative literacy' and is an actual task for today.

Keywords: speech influence, effective communication, speech stereotypes and tactics, laws of communication, communicative position of a speaker, instructive (didactic) discourse.

Kotlyarova T.Y. The Role of Strong Text Positions in the Organization of Reflective Activity of a Recipient.

The article is devoted to the analysis of the role of strong text positions in the process of reader's imagery building. By the example of novel's meaningful program analysis of «Romance moderne» (J. Borlarmo) the features of functioning of title and final phrase as the elements of sense-forming structure of the text are discovered.

Keywords: strong text positions, reader's imagery, reflection, hermeneutic circle, textual sign.

Kunilovskaya M.A., Korovodina N.V. Active Metaphors in Literary Translation.

The article seeks to establish regularities of active metaphor translation in literary texts. The author describes several approaches to rendering metaphors from Russian into English depending on whether the translator retains the source text imagery and whether the resulting target text is semantically and structurally similar to the source text.

Keywords: active (live) metaphor, translation strategies, semantic analysis, types of metaphor.

Maklakova E.M. Set Expressions with the Ornithological Component "Hen" in Russian Language and Their English and French Correspondences.

This paper gives the comparative analysis of the phraseological units with the ornithonym "hen" in Russian, English and French languages in order to reveal as the community as the national singularity of anthropocentric figures with this zoo component.

Keywords: phraseological units, set expressions, ornithonym, zoonym, comparative analysis.

Maletina O.A. Methodical Recommendations for Formation of Audit Skills in Non-Language University.

The article describes how to teach listening at law departments, because listening is the most difficult aspect of the language competence. Students, who continue their studies at different universities, institutes and academies, have difficulty in listening to authentic texts. But according to the state educational standard they have to understand recorded speech, that's why it's important to structure your lesson in order to form this skill. Nowadays every specialist has to know foreign languages, especially English, because under the process of globalisation there are a lot of joint-ventures which need specialists who know foreign languages. In order to teach in a right way it's necessary to divide your lesson into three parts: 1) exercises being done before listening; 2) exercises being done while listening; 3) exercises being done after listening.

Keywords: audit skills, non-language university, professional communication.

Necheporenko N.M. Encyclopedic Text as the Summary of Processes of Scientific Conceptualization and Categorization.

The attempts to characterize an encyclopedic article as a special genre of scientific texts and as the result of processes of conceptualization and categorization are given in the article. Notions of 'information' and 'knowledge' are considered here. Also the peculiarities of actualization of the category of 'informativity' are described in the article.

Keywords: an encyclopedic article, conceptualization, categorization, information, knowledge, the category of 'informativity'.

Pankratova E.A. Problem of a Textbook for Non-Language Universities in Methods of Teaching Foreign Languages.

The paper deals with the problem connected with the theory of the textbook for students studying a foreign language. Different approaches of Russian scholars to the textbook theory are addressed here.

Keywords: the problem of the textbook of a foreign language, textbook theory, methodology basics of a foreign language textbook theory.

Sandalova N.V. Full and Shortened Variants of Legal Terms (in Russian and English).

The article deals with the phenomenon of variability in the context of legal terminology. Shortened and abbreviated legal terms and their full

variants are analyzed. The lexicographical analysis of the shortened and abbreviated variants of legal terms in English and Russian reveal the typological differences of the two languages.

Keywords: legal term, variability, term studies.

Tkachenko I. G. Sphere of Artistic Concepts of Fairy-Tale Text of Novalis (on Material of Fairy-Tale ‘Märchen von Fabel und Eros’).

To date the representatives of different linguistic directions are engaged in a study and research of concepts (lingvokulturology, lingvocognitology, psycholinguistic). Within the framework of this article a question is examined about types and methods of research of concepts in linguistic literature. Information of a concept is extraordinarily many-sided: it gives information about the designated object from every quarter, in all variety of his displays and connections with other objects. Artistic concepts exist in space of text which is the difficult system. Within the framework of artistic text an author builds the artistic world and will realize the individual conceptual system.

Keywords: concept; types and research methods of concepts; artistic concept; literary fairy-tale.

Fedulenkova T.N., Popova A.S. Isomorphism of Genetic Connections: Phraseology of the English, French and Swedish Languages.

The paper deals with contrastive research of genetic relations of phraseological units in the three modern Germanic languages: English, German and Swedish. Two main types of PU genetic relations are described in the paper: those by means of semantic transference of components and those by structural singling out. As a result, structural parallelism, or isomorphism, of PU genetic relations is found out in the Germanic languages under study.

Keywords: phraseological unit, genetic connections, semantic transformation, structural parallelism, isomorphism.

Khasanova O.O. Texteme ‘Mashenka’ as a Modal Dominant in the Novel of the Same Name by Vladimir Nabokov.

The article is devoted consideration texteme “Mashenka” in Vladimir Nabokov’s novel of the same name. The given lexeme is organizing the centre of the text, its modal dominant.

Keywords: modal, art text, texteme, modal dominants.

Yudina I.Y. Proverbial World Picture in the English Language.

This article is devoted to proverbial meaning in English which is formed from semantic analysis of the proverb and its metaphorical meaning. In this article there is the semantic and grammatical analysis of English proverbs which can give a proverb negative or positive characteristics.

Keywords: proverb, contemplation of the world, semantics, concept, negative and positive characteristics, metaphorical meaning, grammatical categories, edification.

Yungerova O.V. Structural Types of Parcellated Constructions in the Contemporary French Language.

The article examines structural models of parcellated constructions in modern French in publicistic texts. Particular attention is drawn to parcellated constructions built on the basis of parts of the sentence.

Keywords: parcellation, semantic syntax.

Yakovlev A.A. Translation and the Text Linguistics.

Most of academic and educational works on the theory and practice of translation and interpreting consider the principal theoretic statements on the examples of units not exceeding a sentence. However, most commonly the translation is performed at the level of integral connected text. Although some academics have long been insisting on going beyond separate utterance, such viewpoint is not exactly prevailing.

Keywords: theory of translation, text syntax, sentence, utterance, textual unit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акинина Анастасия Вячеславовна – бакалавр филологии, магистрант 1-го года обучения Ставропольского государственного университета.

356000, Ставрополь, ул. Пушкина, 1.
akinina21@mail.ru

Алекберова Инесса Эльдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма.

141420, Химки, мкн Сходня, ул. Октябрьская, 10.
in-molodec@mail.ru

Базарова Лилия Вязировна – ассистент кафедры иностранных языков Камской государственной инженерно-экономической академии.

shagapovalilya@mail.ru

Бичарова Мария Михайловна – аспирант кафедры английской филологии и современных технологий обучения Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
logos@aspu.ru

Деулина Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета

432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
deulina-elena@mail.ru

Короводина Наталья Владимировна – выпускница Тюменского государственного университета.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.
mkunilovskaya@mail.ru

Котлярова Татьяна Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
Kotlyarova_t@mail.ru

Крашениникова Наталья Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
kna.73@mail.ru

Куниловская Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета
625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.
mkunilovskaya@mail.ru

Маклакова Евгения Михайловна – ассистент кафедры иностранных языков ИНЭКА г.
geny_twixx@mail.ru

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Нечепоренко Наталья Михайловна – учитель английского языка, аспирант Астраханского государственного университета
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а..
alexscorpion_74@mail.ru

Панкратова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Муромского института, филиала Владимирского государственного университета.
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
elena-pan@mail.ru

Попова Анастасия Сергеевна – соискатель кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru.

Сандалова Наталья Владимировна – ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания Уральского государственного педагогического университета г. Екатеринбурга. Аспирантка 3-го года обучения по кафедре теоретической и прикладной лингвистики Уральского государственного педагогического университета.

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
natalia-sandalova@yandex.ru

Ткаченко Ирина Георгиевна – преподаватель немецкого языка Ленинградского педагогического колледжа, соискатель Армавирского государственного педагогического университета.

352901, Армавир, ул. Р. Люксембург, 159.
ira-tkachenko81@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
taniafed@atnet.ru.

Хасанова Ольга Олеговна – аспирант кафедры русского языка Стерлитамакской государственной педагогической академии имени З. Биишевой

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
hasaolga@yandex.ru

Юдина Ирина Юрьевна – аспирант кафедры английского языка Московского государственного областного гуманитарного института.

irine7104@yandex.ru

Юнгерова Ольга Валерьевна – аспирант кафедра французского языка Челябинского государственного педагогического университета.

454138, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
olyandra74@mail.ru

Яковлев Андрей Александрович – аспирант Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
mr.koloboque@rambler.ru